

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

НИКИТИН МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ

**Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедийного
дискурса**

диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности

5. 9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы
гуманитарного факультета ВГПУ
Карабулатова И. С.

Воронеж
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	22
1.1. Понятие о конфликте, конфликтном событии, типологиях конфликта	22
1.2. Основные направления изучения конфликтогенного дискурса.....	34
1.3. Конфликтогенный дискурс и языковое конфликтное поведение: типология, структура и содержание	48
Выводы по первой главе	63
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТОГЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА	66
2.1. Специфика структуры современного конфликтогенного массмедийного дискурса как поликомпонентного семиотического знака	66
2.2. Мотивационные критерии целеполагания в лингвопрагматических сценариях конфликтогенного дискурса	84
2.3. Матрица конфликтогенного дискурса: свойства и признаки	109
2.3.1. Слои 1: информационный повод и персонализированные мишени в конфликтогенном массмедийном дискурсе	110
2.3.2. Слои 2: иконические компоненты, композиционные решения конфликтогенного массмедийного дискурса.....	112
2.3.3. Слои 3: текстовый компонент и его понимание; композиционно- структурная организация; экспрессивные языковые средства и языковая игра; корреляция текста и изображения	117
2.3.4. Слои 4: аллюзивные, интертекстуальные компоненты, имплицитные ресурсы конфликтогенного массмедийного дискурса.....	126
Выводы по второй главе	137
ГЛАВА 3. ДИНАМИЧЕСКОЕ ЛИНГВОМОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТОГЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА	141
3.1. Психолингвистическая репрезентация коммуникативных типажей в конфликтогенном дискурсе	141
3.1.1. Линейность конфликтогенной метапрограммы	143
3.1.2. Паравербально-невербальные характеристики конфликтогенной метапрограммы	147
3.2. Конфликтогенные репликовые шаги как иллокутивные действия в массмедийном дискурсе	157
Выводы по третьей главе	169
Заключение	171
Список литературы	179
Приложения	243
Приложение А	243

Приложение Б	263
Приложение В	269
Приложение Г	281
Приложение Д	292
Приложение Е	298
Приложение Ё	299
Приложение Ж	300
Приложение З	301

Введение

Современное общество активно эксплуатирует лингвоконфликтogenность медиадискурса, чтобы подчеркнуть важность той или иной проблемы для общества. Предлагаемая тема диссертационной работы связана с актуализацией вопросов манипулирования общественным сознанием в условиях когнитивных информационных войн и поисков мер работы с конфликтами в современном медиадискурсе [Лукьянова, Мартьянов, 2022].

В исследовании ставится вопрос анализа лингвoseмиотических особенностей конфликтogenности, содержащейся в современном массмедийном дискурсе. Считаем правомерным разграничить **собственно конфликтный** и **конфликтogenный** (порождающий, продуцирующий конфликт) дискурс. Мы понимаем под **конфликтogenным дискурсом** специфическое речевое взаимодействие коммуникантов, доминантная иллокуция (в терминологии Дж. Остина [1999] – М. Н.) которого сопряжена с конфронтацией коммуникативных целей через использование имплицитных и эксплицитных инвективов, формирующих ярко выраженный негативный психоэмоциональный фон у участников. Такое разделение оправданно, поскольку помогает понять генезис конфликта как такового, что позволяет разработать лингвистический инструментарий выявления конфликтogenности, как **персуазивной информационной напряженности** в современной массмедийной картине мира [Громыко, 2021; Лучинская, 2019]. Персуазивность трактуется исследователями, как «способ воздействия на систему убеждений адресата посредством аргументации» [Харджиева, 2016: 3], при этом информационная напряженность понимается нами, согласно разъяснениям ГРЧЦ (главного экспертного центра Роскомнадзора) в интервью «Известиям», как «распространение общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности» [цит. по:

Кодачигов, 2022, электронный ресурс]. В связи с этим ставится вопрос о персуазивной информационной напряженности конфликтогенного медиадискурса, как неотъемлемой составляющей современных информационных войн.

Актуальность работы связана также с тем, что сам феномен конфликтогенности относится к социальным стигмам [Гаунова, 2014; Мамедов, Липай, 2011; Crossley et al., 2017], поэтому ее анализ весьма востребован в лингвистике, но замещен анализом уже развернутого конфликта [Борисов, 2011; Бородько, 2013; Бутакова, 2016; Мартынова, 2016; Миронова, 2015; Михайлова, 2022]. Терминология конфликтологии [Анцупов, 2020] сейчас активно разрабатывается с применением лингвистического, психологического, социологического и политологического инструментария, реализуясь в рамках лингвоконфликтологии [Белоус, 2018; Голев, 2014; Кара-Мурза, 2020; Хроменков, 2015], политической конфликтологии [Артемьева, 2021; Синчук, 2021], экономической конфликтологии [Юденков, 2017], психологии конфликта [Аргентова, 2006; Гришина, 2008], социальной конфликтологии [Сухов, 2021], этнической и конфессиональной конфликтологии [Авксентьев, 2001; Куделин, 2014], гендерной конфликтологии [Коростылева, 2003]. Так, в медиадискурсе неоднократно описывались различные массовые конфликтные действия, случаи мотивированного/ немотивированного этнического/этноконфессионального, социально-бытового насилия, политического протеста с эксплуатацией различных форм идентичности, потенциального или явного конфликта [Володченко, 2019; Каспаров, 2020; Ниязова, 2021; Шабанова, 2018; Varabash et al., 2018]. Тематика конфликтогенных сообщений отражала события в различных регионах России, а также в других государствах с потенциально высокой конфликтогенностью «цветных революций» [Родькин, 2015; Шарп, 2005], имеющая особую востребованность в странах и республиках Кавказского региона [Папаскир, 2020; Самутина, 2019; Семкин, 2012]. Игра со смыслами на оси дихотомии «свой – чужой» усиливает конфликтогенность

публикаций о миграции, вследствие социально-экономических и военно-политических ситуаций на постсоветском пространстве, разночтений славянской этнокультурной общности (Украина, Белоруссия), а также Кавказского региона и сопряженных с ним государств (Абхазии и Грузии, Армении и Азербайджана, Турции и Ирана), усугубляя геополитические проблемы, способствуя конфликтогенности и поляризации оценок [Мишенина, 2021; Навасартян, 2017; Никитин, 2021]. Особенно ярко конфликтогенный дискурс проявляется в российско-украинском противостоянии (2014–по н.в.), демонстрируя новый уровень использования вербально-невербальных средств ведения информационных войн на современном этапе [Румянцев, 2017; Шапталов, 2016; Zamaletdinov, et al., 2014; Ehsan-Ul Haq et al., 2022]. Отдельные позиции занимает конфликтогенность таких тем, которые связаны с детским и подростковым насилием, семейными конфликтами, социальным неравенством, гендерным дисбалансом, межличностными отношениями и т.д. Выявление функциональной роли речевых конфликтогенов в диалогической и полилогической коммуникации анализируется в рамках прагматической риторики [Заварзина, 2017; Ворожбитова, 2018; Волкова, 2009]. Прагматика единиц конфликтогенного дискурса обусловлена их функциональной спецификой, создающей содержание такого медиадискурса, а также репертуаром интенций и рецепций коммуникантов, оппонировавших друг другу в публичном пространстве [Гасан, 2018; Савицкая, 2009; Фомин, 2012].

Конфликтогема содержит в себе потенциал конфликта, поскольку обладает конфликтогенным созначением в коннотате, служа регулятором коммуникации, что следует из заданной конфликтогенной ситуации в соответствии с функционально-семантическим представлением конфликтогенности [Карасик, 2019; Костенко, 2012; Макаренко, 2018].

Цель нашей работы: описать лингвосемиотические особенности современного конфликтогенного медиадискурса. Для достижения поставленной цели мы решаем **следующие задачи**:

- 1) определить объем и содержание понятий «конфликт», «конфликтное событие», «конфликтный дискурс», «конфликтогенный дискурс», «конфликтогема», «конфликтогенный репликовый шаг»;
- 2) осуществить динамическое лингвомоделирование современного конфликтогенного дискурса с разработкой каталога типологизированных ситуаций конфликтного общения с учетом мотивационных критериев целеполагания конфликта; охарактеризовать функциональные признаки каждого типа конфликтогенного дискурса на каждом этапе сценарной реализации конфликтной интеракции;
- 3) охарактеризовать вербальные технологии порождения конфликтных ситуаций, а также провести ранжирование конкретных приемов актуализации конфликтогенного потенциала коммуникации в соответствии со стереотипизированным алгоритмом их функционирования;
- 4) выстроить семиотическое пространство конфликтогенного дискурса с выделением семантических и прагматических спецификаций в самих конфликтогенных дискурсивных практиках;
- 5) рассмотреть лингвистические параметры конфликтогенного дискурса в публичном пространстве; проанализировать и составить реестр ролевых вербальных маркеров языкового конфликтного поведения;
- 6) систематизировать общие лингвосомиотические особенности функционирования конфликтогенного дискурса как одного из востребованных типов публичной медиакommunikации;
- 7) провести детекцию конфликтогенных коммуникативных шагов в формализуемых сценариях конфликтогенного дискурса с применением предлагаемой классификации конфликтогем: пусковых конфликтогем-инициаторов, усиливающих конфликтогем-пассионатов, пролонгирующих конфликтогем или конфликтогем-пролонгаторов, ослабляющих конфликтогем-нейтрализаторов, затухающих конфликтогем-гармонизаторов, завершающих конфликтогем-стабилизаторов, – обеспечивающих зарождение, инициацию конфликта с последующим развитием и завершением

конфликтогенной ситуации на разных этапах коммуникативной интеракции;

8) рассмотреть лексико-семантический и эмоционально-оценочный репертуар моделирующих конфликтоген в контексте индивидуально и/ или социально осознаваемой (неосознаваемой) оценки коммуникантами собственной конфликтогенности в обыденном языковом поведении; формализовать языковые представления о субъективно-объективном состоянии комфорта/ дискомфорта в конфликтогенном дискурсе в контексте расширения использования «окна дискурса» для переключения оценки с негативной на позитивную в массмедийном пространстве.

Объект исследования – современный конфликтогенный медиадискурс.

Предмет исследования – лингвосемиотические особенности современного медиадискурса.

Реализация языкового поведения в конфликте изобилует разнообразием форм, поливариативностью языковых манифестаций той или иной конфликтогенности [Вайнрих, 1987; Канаби, 2017; Желтухина, 2019; Цыцаркина, 2006]. В связи с этим нам было важно оценить параметры языкового поведения в конфликте, а также охарактеризовать лингвосемиотические особенности конфликтогенного дискурса. Конфликтогенность может быть рассмотрена сквозь призму динамической модели согласованного/ рассогласованного общения, базирующейся на коллективном продвижении конфликтогенных типажей в массмедиа с использованием лингвосемиотических особенностей конфликта.

Конфликтогенный типаж понимается нами как провокативный тип коммуникативной личности среди других коммуникативных типажей. Нами выделено несколько конфликтогенных типажей (**правдоискатель, кляузник, склочник, сплетник, тихушник, подстрекатель** и т.д.). Ранее в литературе был определен лишь типаж «**правдолюб**», но без указания на его конфликтогенность [Панченко, 2008].

Материалы для исследования были извлечены из источников, находящихся в открытом доступе, которые отражают устную и письменную речь

русскоязычных коммуникантов. Прежде всего, это электронные версии русскоязычных СМИ («АиФ», «Свободная пресса», «Известия», «Царьград», «Газета.ru», «Ura.ru», «Комсомольская правда», «RT-Sputnik» и др.), материалы социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграмм»), авторских каналов Яндекс-Дзен. Часть некоторых наших выводов и результатов вполне коррелирует с пониманием конфликта как общечеловеческой универсалии эмотивности общения [Zappettini, Ponton, Larina, 2021; Малюга, 2009; Стеблецова, 2009; Чулкина, 2021; Шаклеин, 2012], что подтверждается привлечением материалов европейских англоязычных (The Guardian, The Telegraph), франкоязычных (L'express: Style de vie), а также китайских (China Daily) и украинских (Українська правда, Газета по-львівськи, Знай.UA) СМИ, находящихся в открытом и разрешенном доступе в России и освещающих такие конфликтогенные темы, как: домашнее насилие, проблемы гендера и эйджизма, миграция, геополитические конфликты, дискредитация власти и т.д. Общий объем: 5220 конфликтогенных статей, в том числе 4358 на русском языке, посвященных освещению событий различной степени социально-политической значимости: скандал по поводу территории IKEA в Химках (2010-2021) – 75 публикаций; 460 статей, посвященных конфликту из-за нарушений в ходе строительства экотехнопарка «Шиес» (2017 – 2022); публикации о социальных волнениях, включенных в алгоритм «цветных революций», разнообразных социально-бытовых конфликтах на постсоветском пространстве (2013-2022) - свыше 3000 публикаций. Так, только обсуждение стихотворения А. Дмитрук «Никогда нам не быть братьями» в медиaprостранстве с 01.01.2014 по 15.03.2022 составило 57 публикаций, которые подверглись нашему анализу. Эти статьи были сопоставлены с публикациями советского периода и первых постсоветских лет относительно других конфликтов (грузино-осетинский, абхазо-грузинский, армяно-азербайджанский). Освещение геополитических конфликтов в медиадискурсе сравнивалось со стратегиями описания межпоколенческих, семейных, производственных конфликтов для выявления общих алгоритмов

конфликтогенности. В качестве сравнения конфликтогенности по теме «Дискредитация власти» были проанализированы публикации, связанные обсуждением жены президента Франции – Б.Макрон, и с публичным скандалом в семье сенатора от ХМАО Э. Исакова в российском и зарубежном новостных дискурсах. В рамках темы «Насилие»/ «Домашнее насилие» рассматривались статьи, посвященные так называемому «делу сестер Хачатурян» (общий объем – 163 тыс. статей в российских и русскоязычных источниках за 2018-2022гг). Конфликтогенность публикаций, обесценивающих победу СССР над фашизмом в Великой Отечественной войне, рассмотрена на примере публикации М. Виторгана («Нам нечего праздновать») – с обсуждением в 219 тыс. статьях в русскоязычном секторе СМИ.

Методология исследования базируется на теории социального конфликта Г. Спенсера, К. Маркса и Г. Зиммеля [Батуренко, 2013], которая вербально отталкивается от универсального процесса когнитивного диссонанса человеческого восприятия как такового [Иссерс, 2015; Папаскир, 2021; Хандамова, 2002; Karabulatova, 2021; Zheltukhina, 2015]. Мы исходим из того, что конфликтогенный дискурс является частью реализации теории коммуникативной деятельности человека как субъекта, познающего мир вокруг себя и внутри себя. При этом человек отталкивается от конфликтной системы координат «свой – чужой», постепенно принимая ценностную парадигму принятия «свой – другой» [Чулкина, 2015]. Решение проблем лингвоконфликтологии невозможно без применения лингвопрагматического подхода, который сочетает в себе значимые для анализа языкового общения в конфликте виды: дискурсивный, лексико-семантический, прагматический, семиотический. Вместе с тем комплексное использование функционально-семантического [Файбышенко, 2002], прагмалингвистического [Алферов, 2019; Стеблецова, 2014] и коммуникативно-прагматического [Ермакова, 1993] подходов к конфликтогенному медиадискурсу позволяет проанализировать

слои матрицы данного типа медиадискурса с детализацией способов и вербально-невербальных средств выражения конфликтогенности.

Использование коммуникативно-прагматического подхода было predeterminedено необходимостью выявления ярусов и слоев конфликтогенности через определение речевых приёмов провокации конфликта, вербально-невербальных средств, детекцию лингвистических параметров конфликтогенности, среди которых главное место занимает эмотивное значение [Исхакова, 2014: 14], провоцирующее конфликтогенность, маркируя отношение продуцента к описываемой ситуации или к предполагаемому оппоненту. В связи с этим необходим алгоритм проверки конфликтогенного дискурса для разграничения спецификаций конфликтогенных контекстов в ракурсе доминанты прагматического употребления. Дискурсивный подход обеспечил ранжирование конфликтогенных дискурсивных практик, которое осуществлялось в сравнении с регулятивным набором конфликтогем с учетом их значения и структуры, вероятностного психолингвистического моделирования. Лексико-семантический подход был реализован с применением методов компонентного анализа семантики лексических единиц, контент-анализа для определения частоты используемых языковых средств конфликтогенности в публикациях медиадискурса с их дальнейшей интерпретацией, а также с описанием функциональной роли. Акцент на лингвосемотических особенностях медиадискурса [Дугалич, 2011] в аспекте конфликтогенности predeterminedил использование таких методов анализа, как контекст-анализ, инвентаризация с функциональным анализом креолизованных единиц языкового конфликтогенного поведения, декомпозиция с определением доминант и регулятивов, интерпретация и пост-интерпретация лингвосемиотических знаков [Олянич, 2014] конфликтогенности, конструирования конфликтогенного медиадискурса как блендового пространства (по Ж. Фоконье) в контексте когнитивно-прагматического аспекта [Василишина, 2015] конфликтогенных импликатур

и т.д. Прагматическая полиаспектность конфликтогенного медиадискурса обусловила применение методов функционального анализа, а полнота и степень социальной опасности конфликтогенного дискурса определялась при помощи социально-контекстуальных методов с указанием ролевых проявлений конфликтогенных коммуникативных типажей.

Теоретико-методологической базой диссертации стали труды отечественных и зарубежных исследователей в области:

- коммуникативистики [Беданокова, 2019; Гронская, 2001; Zheltukhina, 2015; Розенфельд, 2018; Селезнева, 2013; Чулкина, 2015];

- психолингвистики [Белянин, 2004; Волкова, 2022; Гилязова, 2022; Залевская, 2002; Евтушенко, Митягина, Моисеенко, 2020; Колмогорова, 2021; Седов, 2001; Сквородников, Копнина, 2016 и др.];

- лингвокультурологии [Иссерс, 1999; Третьякова 2000,2003; Чеснокова, 2018; Шаклеин, 2019; Ширяев 2013 и др.];

- лингвоконфликтологии [Белоус, 2008; Кара-Мурза 2014; Копнина, 2017; Леонтьев 2008; Степанов 2011; Стернин 2012 и др.]

- математической и прикладной лингвистики [Зененко, 2018; Максименко, 2003; Crossley et al., 2017; Karabulatova, Vorontsov, 2019; Underwood, 2021]

- лингвосомиотики [Махина, 2017; Олянич, 2014].

Стигматизация конфликтогенности в традиционной картине мира привела к тому, что исследователи стараются быть крайне осторожными при соприкосновении с рассогласованной интеракцией.

Степень изученности проблемы отражает погружение в проблематику прагматики коммуникации в конфликте с рассмотрением эффективности речевого воздействия [Карымсакова, 2008] на вербальное и невербальное поведение реципиентов [Ицкевич, 2020; Underwood, 2021] с учетом особенностей экстра- и интралингвистического уровней конкретной коммуникативной ситуации [Алефиренко, 2005; Антонова, 2018; Arámbulo Santiago, 2021; Underwood, 2021]. Стигматизация конфликтогенности в традиционной картине мира привела к тому,

что исследователи стараются быть крайне осторожными при соприкосновении с рассогласованной интеракцией. Междисциплинарность феномена конфликтогенности предопределила обращение к лингвофилософской проблеме осмысления и содержания фронтиров человеческого поведения [Плотичкина, 2018; Снельникова, 2020; Костева, 2021], а также к психолого-социологическим описаниям поведенческих моделей в их разнообразной фрагментации с учетом выставленных параметров. Этнопсихолингвистические изыскания [Sabatovych, 2019] дали возможность сопоставить выявленные предшественниками вербальные, невербальные и паравербальные корреляты с закрепленными за ними значениями конфликтогенности в процессе коммуникации [Боброва, 2019; Хазиева, 2018]. Лингвосемиотика позволила провести семантический анализ эмотивной лексики под углом персуазивности [Голоднов, 2011; Романова, 2021] с определением скрытых смыслов у коммуникативных единиц с конфликтогенным потенциалом. Осмысление достижений в области стилистики языка, медиалингвистики, социалингвистики, коммуникативистики и психолингвистики позволило более четко распознавать психоэмоциональные состояния людей.

Гипотеза настоящего исследования обусловлена двойственностью самого феномена конфликтогенного дискурса. Конфликтогенность коммуникации задается мотивирующими целеполаганиями, а также конфликтогенными типажамми коммуникантов, что дает возможность представить репертуар структурированной типологии конфликтогенного языкового поведения в современном публичном пространстве с учетом функционально-сценарных принципов конфликтогенного дискурса и отбора лингвистических средств для создания и реализации пресуппозиции конфликта.

Положения, выдвигаемые на защиту:

1. Современное массмедийное пространство, используя шок-контент и так называемый «черный пиар», актуализирует явный и скрытый конфликтогенный потенциал коммуникации в ситуации современной

информационной войны. Конфликтогенность характеризуется системной организацией иерархических структур, реализующихся в так называемой **конфликтогенной семантической пирамиде**, включающей в себя инициатора конфликта (выступает в конфликтогенных типажах), реципиента конфликтогенной информации - интерпретатора, само конфликтогенное высказывание, конфликтогенное восприятие события, конфликтогемы №1 (интенция, намерение), конфликтогема №2 (на основе интерпретанты), сигнификанта №1 и сигнификанта №2, а также референтной ситуации лингвоконфликтогенности. Конфликтогенное восприятие события опирается на совокупность дискурсивных практик в конфликте, что восходит, в свою очередь, к речеповеденческим стереотипам представления о конфликте. Фоновой базой таких стереотипов служит поликомпонентная совокупность энциклопедических, социальных, психологических, языковых, и иллокутивных знаний. Ядро конфликтогенного медиадискурса составляют иллокутивные знания, которые ассоциативно связаны с другими типами знаний.

2. Коммуникативный регистр конфликтогенности не связан напрямую со стандартной формулой конфликта с указанием на несогласие с оппонентом, а акцентирован на имплицитные признаки конфликта. Конфликтогенный потенциал актуализируется с помощью конфликтогем в структуре конфликтного коммуникативного шага в виде «остраненного смысла». Поливариативность причинно-следственных характеристик конфликтного события определяют содержание конфликтогенного медиадискурса, формируя элементы языковой картины мира как конфликтной, так и бесконфликтной личности. План выражения конфликтогенного медиадискурса определяется конфликтогемами как маркерами конфликтогенности с учетом единиц медиадискурсивных комплексов.

3. Прагма-риторическая парадигма современного конфликтогенного медиадискурса поддерживает конфликтогенность через традиционные диады: «создание/ разрушение», «интерес/игнорирование», «принятие/ неприятие»,

«согласие/ отказ» за счет совершенствования и модернизации конфликтогенных коммуникативных шагов в рамках речеповеденческих стандартов дискурсивных практик провокации конфликта в медиaprостранстве. Практикоориентированная лингвосемиотическая технология провокации конфликта реализуется через динамическую теоретико-практическую модель конфликтогенности медиадискурса. Лингвосемиотическая технология провокативности конфликтной ситуации представляет набор конкретных приемов конфликтогенности с алгоритмом их работы в конфликтогенном медиадискурсе. Методология конфликтогенности медиадискурса нацелена на выявление причинно-следственных закономерностей витальности конфликтогем, выступающих маркерами конфликтогенной интеракции в аспекте определения зон лингвоинформационной напряженности в медиадискурсе.

4. Конфликтогемы - это особые коммуникативные регулятивы и их проявления в конфликтогенном медиадискурсе, которые могут быть представлены вербально, так и невербально, и паравербально. Конфликтогемы подчиняются алгоритму витальности конфликта: конфликтогема-инициатор, конфликтогема-пролонгатор, конфликтогема-усилитель, конфликтогема-нейтрализатор. Конфликтогемы соотносятся с каталогом оценок в конфликте. Конфликтогема связана с типологизацией конфликтогенного медиадискурса, регламентируя языковое представление о субъективно-объективном состоянии комфорта/ дискомфорта в модели конфликтогенного медиадискурса.

5. Поливариативность языковой репрезентации конфликтогенных реплик обусловлена фоновыми знаниями оппонентов в конфликте и их индивидуальным жизненным опытом, что делает сложной детекцию предсказуемости развития конфликта. Возможность прогнозирования вероятности развития сценария конфликтогенного медиадискурса обусловлена функционированием механизма прагма-риторической ориентации конфликтогенного медиадискурса.

6. Использование эмоционально-экспрессивной лексики в конфликтогенном медиадискурсе нацелено не только на публичный фронт оппонента, но и на максимальное привлечение внимания потенциальной целевой аудитории к медиаресурсу. В конфликтогенном медиадискурсе присутствуют следующие тенденции: 1) ограничение использования репертуара эмоционально-оценочной лексики; 2) стандартизация сферы устойчивых слов и выражений, обладающих конфликтогенной семантикой. Акцентуация функционала нивелирует конкретные значения лексических единиц в сторону усиления общего негативного эмоционального содержания. Ситуативность конфликтогенного медиадискурса определяет эмотивность используемых слов, благодаря чему расширяется сфера оттеночных значений вплоть до смены эмотивности на противоположную.

Научная новизна нашей исследовательской работы обусловлена пионерской попыткой лингвосемиотического анализа конфликтогенного медиадискурса, включающего приобщение новых фактологических языковых данных, с позиции типологической репрезентации лингвосемиотических особенностей конфликтогенного поведения в массмедийном пространстве. Проведено разграничение между терминами конфликтоген и конфликтогема. Впервые введен термин конфликтогема, как базовое понятие для лингвоконфликтологии, определяющее конфликтогенное значение, в то время как конфликтоген имеет более широкое понятие, относящееся больше к экстралингвистическим факторам. Итогом нашей работы становится создание целостной лингвосемиотической многокомпонентной модели функционирования конфликтогенного дискурса, объясняющей его витальность в человеческой культуре.

Впервые конфликтогенный медиадискурс рассмотрен системно в современном цифровом коммуникативном пространстве, что позволило уточнить терминологический аппарат лингвоконфликтологии, атрибутировать особенности конфликтогенного медиадискурса в контексте полиаспектности его, как семиотического макрознака с фиксацией критериев

типологизации конфликтогенного медиадискурса и доминирующих конфликтогенных коммуникативных типажей (правдоискателя, кляузника, склочника, сплетника и т.п.), использующих специфические лексико-грамматические, семантико-прагматические свойства конфликтогенного медиадискурса.

Теоретическая значимость диссертации интегрирует описательные характеристики лингвосемиотических элементов в лингвомоделирующихся рамках конфликтогенного медиадискурса на основе синергетической научной парадигмы конфликтогенности и междисциплинарности концептуальных установок в конфликтологии. Определен реестр лингвосемиотических элементов конфликтогенного медиадискурса с выделением основных типологических черт их внутренней организации, позволяющих понять иницирующие маркеры в механизме включения конфликта в массмедиа.

Введение в научный оборот термина **конфликтогема**, как конфликтогенной части эмотивного значения слова и/ или выражения, позволило уточнить закономерности функционирования провокативов конфликта в современном медиадискурсе. Дополнительно теоретическая значимость проведенной работы подкрепляется: 1) развитием конфликтологии, медиалингвистики и коммуникативистики, психолингвистики; 2) внесением дополнений и уточнений в теорию речевой деятельности, межкультурной коммуникации и теорию прагматики лингвориторики; 3) уточнением параметризации лингвосемиотических характеристик конфликтогенного медиадискурса; 4) атрибуцией вероятностных точек управления коммуникативным конфликтом в медиадискурсе с позиции лингвосемиотического моделирования; 5) расширением представлений о существовании баланса в коммуникативной и ситуативной конфликтогенной семантике; 6) выделением конфликтогема при анализе трансформации семантического тезауруса конфликтогенного медиадискурса; 7) расширением аргументации в сторону необходимости

разрешения конфликтогенности массмедийного дискурса как регулятива информационной напряженности в обществе.

Практическая ценность работы связана с современными вызовами развития общества в условиях лингво-информационных войн и возможностью профилактики конфликтогенных атак в медиaprостранстве, трансформирующих концептуальные основы картины мира реципиентов такого медиадискурса, что позволяет применить основные итоги комплексного анализа при теоретической разработке курсов по медиалингвистике, дискурсологии, стилистики, цифровой гуманитаристике, лингвориторике, психолингвистике. Промежуточная **апробация** результатов исследования успешно реализована в практической работе при разрешении социальных конфликтов в различных регионах России (Москва, Московская область, Татарстан), проектной деятельности лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории МФТИ (НИУ) по выявлению конфликтогенного контента. Промежуточные и итоговые результаты были заслушаны и обсуждены на заседаниях и научных семинарах кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, научном семинаре лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, а также на конференциях различного уровня в профессиональном сообществе (Воронеж, Москва, Астана, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийск), что подтверждено соответствующими публикациями: 1 статья в журнале из международного рейтинга Scopus/ WoS, 6 статей в журналах, рекомендованных для публикации ВАК, 3 статьи в материалах конференций (Ханты-Мансийск, Санкт-Петербург, Кокшетау). Всего 10 статей.

Степень достоверности проведенной работы и получения результатов подтверждается полномасштабностью исследования с использованием традиционных и новых методов исследования, включением большого количества анализируемого материала в научный оборот.

Перспективы исследования. Проведенный в диссертации аналитический мониторинг доминирующих конфликтогенных лингвосемиотических стратегий в медиадискурсе позволит создать полный тезаурус тактик погружения реципиента в конфликтогенность, становясь основой для предупреждения и коррекции девиантного и деструктивного вербально-невербального поведения индивидуумов с акцентуацией, повышенной конфликтогенности в ядре личности, создавая эффективное понимание стратегий успешного ухода от вовлечения в дискурс конфликта. Кроме того, проведенное исследование наряду с описанием специфических особенностей русского/ нерусского конфликтного поведения может быть полезно любому человеку для улучшения собственных коммуникативных практик.

Структура работы: введение, три исследовательские главы, разбитые на параграфы и подпараграфы с выводами, итоговое заключение, литература, 9 приложений. Основной текст составляет 178 страниц из 317 страниц общего объема. Введение содержит устоявшиеся в исследовательской практике обязательные параметры актуальности и научной новизны, гипотезы, указания объема проанализированного эмпирического материала с методологических позиций лингвосемиотики, дискурсологии и медиалингвистики, указанием предметно-объектных отношений, рассматриваемых далее в работе, конкретизацией цели, исследовательских задач и теоретико-практической значимости, сопряженных с теоретическими положениями, выносимыми на защиту в данной работе.

Глава 1 «Языковое пространство конфликта в современном массмедийном дискурсе» рассматривает само понятие о конфликте как таковом, дает аналитическое описание существующих теорий и типологий

конфликта. Последующие параграфы обращают внимание на существующие научные направления в исследованиях как конфликта, так и его дискурса. Здесь же рассматривается соположение конфликтогенного дискурса и языкового конфликтного поведения с точки зрения структуры, содержания и функциональной типологии. Обосновывается введение **конфликтогемы** как первичного «ядра» конфликтогенности в речевой единице, содержащей в себе конфликтогенный потенциал коммуникации, или изначально заложенные языковые противостояния и напряженность. Сам конфликтогенный дискурс массмедиа разворачивается с помощью использования конфликтных коммуникативных шагов. При этом мы указываем в каждом шаге иллокутивный приоритет (ИП), который позволяет доминировать тому или иному конфликтному шагу в массмедийной коммуникации.

Глава 2 «Структурно-семантическая характеристика конфликтогенного дискурса массмедийного пространства» поступательно раскрывается в трех параграфах. Прежде всего, это вопросы специфики структурной организации конфликтогенного дискурса в массмедиа под углом поликомпонентности конфликта как семиотического макрознака. В связи с этим, особое место занимает аналитический мониторинг мотивационных критериев целей конфликтогенного дискурса в вариативном представлении сценариев конфликта в массмедиа. В этой же главе детально представлен анализ вербальных маркеров и матриц конфликтогенного дискурса с точки зрения плана содержания (свойства, признаки, оценки).

Глава 3 «Динамическое лингвомоделирование конфликтогенного дискурса в массмедийном пространстве» рассматривает типы и функциональные характеристики конфликтогенного дискурса массмедийного пространства, поскольку мы имеем дело с целенаправленными усилиями коммуникантов конфликтогенного дискурса на инициацию, разворачивание и катарсис определенных речеповеденческих реакций у реципиентов такого дискурса. Поскольку современное массмедийное пространство построено таким образом, что позволяет сторонам

конфликтного дискурса коммуницировать, мы можем говорить о прямом и опосредованном влиянии коммуникантов друг на друга, причем это влияние носит упорядоченный характер, правила которого можно регулировать. Здесь же мы рассматриваем вопрос о языковой репрезентации коммуникантов конфликтного медиадискурса. Заключение подводит итог с определением дальнейших исследовательских перспектив.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Понятие о конфликте, конфликтном событии, типологиях конфликта

Конфликт существует с тех пор, как появилось живое существо, могущее осознавать себя и окружающий мир. Сама по себе человеческая интеракция является предметом исследований и диспутов в лингвистике, а также в смежных науках по определению причинно-следственных механизмов коммуникативной успешности или провальности в различных аспектах [Балахонская, 2008; Сейранян, 2012]. **Конфликтный дискурс** есть дискурс разворачивающегося, реализующегося конфликта, который органично вписывается в когнитивно-лингвистическую методологию учения о дискурсе как такового [Алефиренко, 2021; Попова, 2006]. Обозначая наше исследовательское поле как **конфликтогенный дискурс**, мы обращаемся к достижениям конфликтологии [Балахонская, 2008; Белинская, 2009; Голев, 2014; Дмитриев, 2000; Кишина, 2017; Коростылева, 2003], которая рассматривает конфликты как непреложную часть общественного развития, инициирующую социальные перемены.

По мнению М.Ю. Сейранян, конфликтный дискурс выступает как «подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества» [Сейранян, 2012: 27]. В то же время результат положительных или отрицательных последствий конфликта манифестируется, как совокупность взаимодействия отдельных конфликтующих акторов, объектов, мотивации и языковых средств, что находит свою яркую реализацию в прагмаориентированных стратегиях массмедийного дискурса, внедряющего в сознание реципиентов стереотипизированные оценки геополитического и социокультурного имиджа страны в целом, как некой вербализируемой макромишени СМИ [Евтушенко, 2020] через описание конфликтного события.

согласны с теми исследователями, которые признают, что для конфликта как такового существует общий алгоритм [Макаренко, 2018; Маркелова, 2013; Мартынова, 2000]. С точки зрения прагма-риторической парадигмы [Ширяева, 2015; 2015a] конфликты обозначаются, как: 1) схватки, в этом случае прекращение конфликта возникает лишь при победе одной из сторон; 2) дебаты, которые основываются на споре, при возможном компромиссном исходе; 3) игры, которые предполагают кольцевое развитие с бесконечным подъемами и спадами без какого-либо завершения [Ворожбитова 2020; Королева, 2002; Сейранян, 2012]. Понимание конфликтогенных приемов в коммуникации является ведущим в теории диспута и аргументации [Алешина, 2015; Ивин, 2015; Крючкова, 2020], при переосмыслении прагма-риторического наследия древнегреческих и древнеримских ученых в эпоху переходности [Античные теории языка и стиля, 1996; Гадамер, 2007; Лехциер, 2007]. Вместе с тем прагма-риторическая организация конфликтогенного медиадискурса апеллирует к регулятивам и рефлексивам, существующим в обыденном языковом сознании реципиентов [Петрова, 2016], актуализируя ту или иную психоэмоциональную оценку в восприятии конфликтогенного сообщения и поляризуя мнения в обществе. Не случайно, Н. Л. Файбышенко [2002], обращая внимание на специфику отражения коммуникации в публичных парламентских дебатах США, обладающих повышенной конфликтогенностью, отмечает наличие особых регулятивных аргументативов, которые закреплены за конкретными языковыми единицами [Файбышенко, 2002]. Лингвостилистические факторы аргументации в конфликтогенном медиадискурсе характеризуются такими функциями, как персуазивность (как направленное и смоделированное воздействие) и убеждение. Так, О. В. Куликова, анализируя выступления членов Британского парламента в политическом медиадискурсе, подчеркивает, что убеждение, как прием аргументации, является «основной коммуникативной целеустановкой» [Куликова, 1989]. При этом С. Ш. Каракулова выделяет «митигативные стратегии и тактики в политических интервью» европейских политиков как

прагма-риторический прием ухода от ответственности при публичных высказываниях [Каракулова, 2016], что подчеркивает понимание конфликтного события участниками коммуникации.

Конфликтное событие может относиться к различным сферам жизни общества. Например, вариативность интерпретаций конфликтного события «дело сестер Хачатурян» инициировала полиаспектное освещение проблем домашнего насилия в России и в мире (Ср.: Ахмедова, Дело сестер Хачатурян и магия хайпа, Эксперт.ru, 6.10.2018). Конфликтное событие, получая отражение и интерпретации в медиадискурсе, представляет собой некий макроречевой акт в медиакоммуникации, состоящий из множества микроактов, обладающих той или иной иллокутивной силой, проявляющейся в форме утверждений, навешивания ярлыков [Сковородников, 2022], ассертивов [Зеленина, 2022], декларативов [Мощева, 2016], эмотивов и экспрессивов [Анумян, 2022; Эбзеева, 2016]. Таким образом, конфликтное событие, находясь в центре конфликтогенного медиадискурса, характеризует последний, как сложный языковой феномен, в котором автор может выступать как единолично, так и коллективно (например, рубрика «Мнение редакции»), при этом описание конфликтного события в медиадискурсе характеризуется лексико-семантическими, коммуникативно-прагматическими особенностями.

Конфликтное событие реализуется в медиадискурсе с помощью некой типовой структуры, которая, по справедливому замечанию Т. В. Маркеловой [2013], аккумулирует в себе особую стереотипизированную ситуацию с включением конкретных элементов (например, акторов конфликтной ситуации, коллизии целей, противостояние интересов и позиций, последствий), проявляющихся вербально и т. д.

Компоненты конфликта, на которые указывает Т. В. Маркелова, были дополнены и представлены нами в виде схемы (рис. 2).

ФРЕЙМ «Конфликт»

Верхний уровень	Нижний уровень
Актеры (участники) конфликтной ситуации	Хронотоп конфликта
Коллизия целей	Манипуляции с представлением конфликта
Противостояние интересов	Скрытые/ тайные/ неявные участники конфликта
Борьба точек зрения	Посредники, влияющие на конфликт: подстрекатели, «третейские судьи»
Противоречия позиций	Локус конфликта
Ущерб и последствия конфликта	Длительность конфликта

Рис. 2. Схема фрейма «конфликт» (составлено нами по материалам Т. В. Маркеловой [2013]).

Таким образом, схема фрейма «конфликт» показывает развитие конфликтного события с позиции коммуникативистики. Стремление к зрелищности освещаемой информации, акцентуация на удерживании внимания потенциального реципиента способствует активному использованию приемов мокьюментари как псевдодокументализации [Манскова, 2011] в аспекте постановочного преподнесения информации, что сближает современный медиадискурс с драматургией и режиссурой в художественной литературе и искусстве [Первак, 2018], при этом конфликтное событие изображается через призму интертекстуальности и переинтерпретации хронотопа событийной информации.

Мы понимаем **конфликтное событие** как некий провокатив по причине вариативности интерпретаций потенциальных участников конфликта, как стадию, предшествующую самому конфликту. Сами слоты стереотипизируют

поведенческие действия и стандарты вербального поведения в конфликтном событии благодаря знаниям о структуре этого фрейма, при этом моделируя конфликт в медиадискурсе. Мы имеем дело, прежде всего, с клавиатурным вербально-невербальным речевым поведением носителя языка как участника цифрового коммуникативного пространства [Загоровская, 2021]. При этом возникающая опосредованная агрессивность в ее различных аспектах при осуществлении современной цифровой коммуникации [Артемьева, 2021; Желтухина, 2018а; Пильгун, 2020; Фетисова, 2018] указывает на важность одного из самых важных качеств вербально-невербального поведения русскоязычного коммуниканта – его асимптоматическую конфликтность, т.е. установку на глубинную позитивную вежливость, которая вступает в контрастирующую оппозицию с негативной вежливостью, характерной для европейского поведения [Сорокин, 2003: 10].

И верхний, и нижний уровни фрейма (рис. 2) характеризуют конфликт как коммуникативное событие в пространственно-временном развитии. С этой точки зрения, единицами выступают сценарий и речевой жанр. Сценарно-ситуационный подход к конфликту дает возможность лингвомоделирования стадий конфликта, начиная от истока порождения конфликта до его катарсиса с последующим завершением или затуханием. Идея стратегической маркировки дискурсивного содержания имеет давнюю традицию в семиотических исследованиях [Кристева, 2013; Логинова, 2021; Миловидов, 2015; Фещенко, 2014]. Сигнализация речевых маркеров коммуникативной деятельности способствует тому, что участники могут обсуждать потребности, а также запрашивать, выражать информацию и регулировать личные отношения [Крейдли, 2015; Gafni, 2007]. Обобщая разнообразные теории конфликта [Аллахвердова, 2009; Аргентова, 2006; Белоус, 2008; Карамурза, 2020; Юденков, 2017], можно представить верхнеуровневую классификацию и соответствующую ей типологию, как разграничение по таким параметрам:

1) состав и число участников конфликта, отсюда разграничение: 1.1. внутриличностные; 1.2. межличностные; 1.3. личностно-групповые; 1.4. межгрупповые; 1.5. межколлективные; 1.6. межпартийные; 1.7. межнациональные;

2) проблемно-деятельностный признак, который лежит в основе типологии конфликтов, распределяя их на такие группы, как: 2.1. управленческие конфликты; 2.2. семейные; 2.3. педагогические; 2.4. экономические; 2.5. политические; 2.6. творческие;

3) хронотоп конфликта, выявляющий: 3.1. острый конфликт; 3.2. хронический конфликт; 3.3. быстропротекающий конфликт; 3.4. длительный, или затяжной конфликт; 3.5. вялотекущий конфликт;

4) тематика конфликта, лежащая в разграничении таких конфликтов, как: 4.1. социально-проблемный конфликт; 4.2. коммунальный конфликт; 4.3. военный конфликт; 4.4. территориальный конфликт; 4.5. межконфессиональный конфликт; 4.6. идеологический конфликт и т. д.;

5) прогностика разрешения конфликта, в связи с чем конфликты распределяются на две большие группы: 5.1. конструктивный конфликт; 5.2. деструктивный конфликт;

6) градация остроты конфликта: 6.1. недовольство; 6.2. разногласие; 6.3. размолвка; 6.4. брань; 6.5. раздор; 6.6. противодействие; 6.7. междоусобица; 6.8. раскол; 6.9. вражда и т. д.;

7) градация интенсивности, определяющая конфликт, как: 7.1. глобальный конфликт; 7.2. основной конфликт; 7.3. локальный конфликт; 7.4. неосновной/ периферийный конфликт; 7.5. реалистичный конфликт; 7.6. виртуальный конфликт и др.

Общепринятая типология конфликтов [Jasquemet, 2006] распадается на видовую специфику того или иного типа конфликта, при этом каждый тип конфликта характеризуется специфическими вербальными маркерами, которые становятся объектом пристального внимания исследователей [Ахерова, 2010; Багаева, 2015; Куприянов, 2011]. Приведем примеры из

наиболее частых и важных конфликтов для человека и общества в условиях когнитивных лингвоинформационных войн [Barabash, 2019]. Так, на уровне **идеологического конфликта** [Грачёв, 2014; Желтухина, 2018б; Пашков, 2017; Сирота, 2009; Чудинов, 2016], столь значимого в условиях современной информационной войны [Сковородников, Копнина, 2016; Веснина, 2017], базис составляет отсутствие единства в мировоззренческих установках, жизненных позициях. Как правило, такого рода конфликты чаще инициируются на уровне социума, хотя могут проявляться и в межличностном общении, и в межгрупповом [Лукина, 2008; Селезнева, 2013]. В геополитическом аспекте идеологические конфликты позиционируются как глобальные и локально-региональные [Сусык, 2012], острые и скрытые [Якимова, 2020], трудноразрешимые [Евдокимов, 2021; Санакоев, 2004], при этом они могут касаться тематики межнациональных, межконфессиональных отношений, территориальных споров, семейных отношений, гендерных проблем, социально-бытовых проблем, макро- и микроэкономики и т.д. Лингвистический аспект таких конфликтов анализируется в рамках политической лингвистики, гендерной лингвистики, когнитивной лингвистики, политической конфликтологии [Аргентова, 2006; Знаменский, 2019; Коростылёва, 2003; Красильников, 2013; Пашков, 2017; Сусык, 2012; Шустова, 2019]. Вместе с тем политическая и социальная конфликтология для обоснования своих тезисов активно использует данные истории языка, художественной литературы, истории и фольклора [Папаскир, 2021]. Лингвоэкономика решает вопросы вербального представления экономического дискурса, особое внимание уделяя вербальным маркерам **экономических конфликтов**, которые апеллируют к существующей асимметрии экономического партнерства у сторон, приводя в конечном итоге к агрессии не только на вербальном уровне, но и на уровне оказания давления и принуждения (например, экономические и политические санкции), что также трансформирует риторику медиадискурса в сторону повышения градуса конфликтогенности [Антонова, 2018; Бородько, 2013; Гавриш, 2022;

Дубровская, 2018; Могилевская, 2011]. Специфику вербальных маркеров экономических конфликтов рассматривают в рамках лингвоэкономики [Дорохова, 2020; Кетова, 2013; Olyanich, 2021; Савчук, 2019; Юденков, 2017].

Тематика **социально-бытовых конфликтов** [Каспаров, 2020] вызывает большой отклик у аудитории и широко освещаются в различных СМИ [Антонова, 2018; Кара-Мурза, 2020; Певнева, 2008; Савицкая, 2009]. Как правило, рассмотрение социально-бытовых конфликтов носит острый характер, редко перетекая в долгоиграющую форму, они достаточно легко анализируются в рамках факт-чекинга, их тематика обусловлена проблемами ЖКХ, представления разнообразных социальных услуг разным группам населения, взаимодействия различных страт общества и т. п. Такие социально-бытовые конфликты обозначаются как **макроуровневые**. На микроуровне социально-бытовые конфликты связаны с разворачивающимся антогонизмом и распрями в семье, разрушительной психологической атмосферой в семейно-межпоколенческих взаимоотношениях [Анохина, 2008; Беданоква, Гаврилова, 2019; Курьянович, 2017; Маркова, 2019; Нилова, 2017; Чернявская, 2014]. Общение в русской семье носит свободный и открытый характер [Стернин, 2006], что способствует быстрому разрешению конфликтов. Тип **социально-психологических конфликтов** чаще рассматривается в психологии и социологии, поскольку он выявляется как между социальными когортами, так и между отдельными индивидуумами [Артемчук, 2010; Кожелупенко, 2008; Селезнева, 2013]. Данная категория конфликтов находится в сфере межличностных взаимоотношений вследствие некоторой психологической несовместимости, что провоцирует в речи коммуникантов появление негативных эмотивов [Волкова, 2009; Кокконен, 2007; Цыцаркина, 2006]. Вербальные маркеры конфликтогенности связаны с такими темами, как установление лидерства и борьба за собственный авторитет, достижение привилегированного положения и престижа, привлечение внимания к собственной персоне, акцентологические характеристики личности и склонность к демонстративности поведения [Белова, 2015-2016; Водоватова,

2016; Ерманова, 2014; Жданова, 2007; Степыкин, 2018]. Тесно примыкают к этому типу конфликтов и **психолого-педагогические конфликты**, которые так или иначе появляются в образовательно-воспитательном процессе в ходе противоречий между требованиями педагогов и интересами учеников, между учителями и родителями [Садыкова, 2019; Трубина, 2019]. Этот вид конфликтов обостряет также и **межпоколенческий конфликт** [Karabulatova, 2021], формируя особые потенциально конфликтные тексты, которые были обозначены Н. Д. Голевым как «тексты с энергией конфликта» [Голев, 2004].

Внутриличностный конфликт тесно сопряжен с **эмоциональным конфликтом**, поскольку оба возникают на базе лабильности психики конкретного индивида, вследствие чего инициируется психоэмоциональное напряжение как в самом человеке, так и в окружающей его обстановке, вызывая провокацию конфликтных ситуации [Вольф, 1989; Жданова, 2007; Маркова, 2019; Панарина, 2020]. Как указывают специалисты, вербальное проявление таких конфликтов лежит в сфере условной поведенческой нормы и/или патологии поведения, что ярко иллюстрирует различные формы девиаций вплоть до деструкции [Борисов, 2011; Волкова, 2014; Емалетдинов, 2018; Майсак, 2016; Менделевич, 2008]. При этом для каждого типа девиации характерен свой язык [Гасан, 2018; Леонтьев, 1973; Чулкина, 2015; Шагиева, 2021; Шалаева, 2007].

Психолингвисты трактуют конфликт как некую ответную реакцию на противоречивые стимулы или неоднозначные реакции на входящий психофизиологический или психоэмоциональный стимул, опираясь на теории В. Франкла, З. Фрейда, Э. Фромма, А. Маслоу, К.-Ю. Юнга и др. [Аргентова, 2006; Гришина, 2008; Гумплович, 2016; Желтухина, 2003; Заиченко 2000]. В лингвистической плоскости ученые говорят о присутствии противоречий между говорящими или между адресатом и адресантом сообщения [Ахмерова, 2010; Бортников, 2020; Стернин, 2012], что приводит к ассоциативному «расширению значений» [Ахиджакова, 2013] в аспекте усиления

конфликтогенности. Однако, эти условия не всегда провоцируют **коммуникативный конфликт** [Третьякова, 2010].

Как правило при исследовании генезиса конфликта, ученые акцентируют свой исследовательский интерес на негативном полюсе коммуникации, который вмещает в себя **коммуникативный сбой** [Падучева, 1982; Полякова, 2012], **коммуникативный провал** [Шмелева, 1988; Красных, 2001], **коммуникативную неудачу** [Городецкий, 1985-2003; Ермакова, 1993; Воронина, 2003; Киселева, 2012; Копоть, 2018; Мустайоки, 2015; Шпомер, 2021], **коммуникативную помеху** [Карымсакова, 2008; Ладыженская, 1995; Тимачев, 2005; Шаховский, 2012], **коммуникативный барьер** [Джигоева, 2017; Залюбовская, 1984; Чмутова, 2012], **коммуникативный дискомфорт** [Мартынова, 2000; Чу Шуся, 2014], **языковой конфликт** [Сулейменова, 2017], **рассогласованную интеракцию** [Мамаева, 2004], **речевой конфликт** [Третьякова, 2010, 2013], **конфликтную интеракцию** [Гулакова, 2004; Сейранян, 2012] и др. Все эти дефиниции маркируют степень конфликтогенности вербального поведения в коммуникации, что позволяет ученым говорить о потенциальной конфликтогенности в языке [Аникина, 2014; Белова, 2016; Гребенщикова, 2007; Гулакова, 2004; Перов, 2013; Arámbulo Santiago, 2021].

Иногда оценочные высказывания могут стать триггерами для вербальной манифестации конфликта как разрешающей стадии агрессии, направленной как во вне, так и внутрь себя, типа: *я **крякну*** (в значении «умру» – М. Н.), *пока **прикончу*** (в значении «убить, завершить» - М. Н.) *отзыв на этот диссер, и мы обсудим, что можно сделать; «битый час **долблю** этот отчет; неделю **фигачим** проект; начальник **замордовал** своими придирками* - такие высказывания повсеместны в обыденной коммуникации. В медиапространстве: *«Ребята, это реально война, я не хочу умирать, сообщите всем русскоязычным, что у нас война»* (TikTok); *«г-н Путин, **руки прочь** от Украины!»* (г-н Путин, **руки прочь** от Украины сеть «ВКонтакте», 14.02.2022); *«США и ЕС, **руки прочь** от Украины!»* (Русская весна, 29.04.

2014); «И так всех туристов в стране *распугали бандиты проклятые!*» (Летний отдых в Абхазии, 20.05.2011) и т.п. Агрессивные проявления здесь очерчивают степень психоэмоциональной перцепции приобретения новой информации, или знаний и умений. Большую роль играет использование обценной лексики в конфликтогенности массмедийного дискурса, которая рассматривается как крайняя степень проявления конфликта [Голощапова, 2014; Шарифуллин, 1997]. Конфликт, как правило, трактуется большинством исследователей более-менее однозначно: конфликт либо как дисгармония в межличностных отношениях, в идеях и мировоззренческих парадигмах и т. д., либо как состояние открытой войны, борьбы, противостояния [Аникина, 2014; Белова, 2016; Дмитриев, 1998; Ниязова, 2021; Папаскир, 2020; Певнева, 2008; Хазиева, 2018; Хроменков, 2016].

Анализ конфликтогенного дискурса демонстрирует специфику отбора языковых средств потенциально конфликтующими акторами, реализующихся в **конфликтогенных типажах** (например, *резонер, сплетник, скандалист, склочник, тиран, насильник, «серый кардинал», психопат, правдолюб/правдоруб, правдоискатель, кляузник, доносчик, тихушник* и др.). Следует отметить, что конфликтогенный медиадискурс не только провоцирует конфликтогенность в поведении реципиентов, но и закрепляет ее как поведенческую норму, что приводит к доминированию деструктивных настроений в обществе. Как правило, конфликтогенный типаж характеризуется по степени демонстративности вербально-невербального провокативного поведения. Конфликтогенный типаж «представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта «лингвокультурный коммуникативный типаж» [Карасик, 2007: 228], поскольку сам коммуникативный типаж выступает подтипом концепта с его обобщениями о типологических чертах коммуникативной личности [Панченко, 2008: 111]. Аксиологическая характеристика конфликтогенного коммуникативного типажа обнаруживает вариативность эстимационных характеристик от максимального социального одобрения до безусловно отрицательного

восприятия, как конфликтно-деструктивного типа личности без учета ответных реакций целевой аудитории [Панченко, 2008: 115].

Конфликтогенность предопределяет стереотипизацию способов языкового действия, а также стандартность их пошагового осуществления в развитии конфликта, как некоего коммуникативного события, подчиняющегося законам «теории коммуникативных ходов» [Owen, 1983; Гаркуша, 2012; Иссерс, 2015; Родичева, 2002], при этом репликовый шаг конфликтного дискурса является «речевым произведением», которое может быть представлено высказыванием и/или текстом с такими обязательными компонентами, как: 1) партнеры коммуникации (автор конфликтной публикации в медиадискурсе и потенциальный реципиент информации); 2) референт (фрагмент фоновых знаний относительно объективной действительности [Романов, 1988: 28]. Понимание конфликтного потенциала общения и закономерностей развития конфликта выполняет прогностическую роль в моделировании алгоритмов речевого поведения в разнообразных ситуациях общения согласно модели интерпретации и сохранения информации, которая принадлежит Р. Шиффрину – Р. Аткинсону (приложение Е), обеспечивая объяснительный инструментальный для идентификации конфликта [Atkinson, 1968].

1.2. Основные направления изучения конфликтного дискурса

Мы разграничиваем понятия «конфликтный дискурс» и «конфликтный дискурс» [Никитин, 2021; Карабулатова, 2021]. Под **конфликтным дискурсом** мы понимаем такой тип дискурса, который порождает конфликт, оперируя потенциально опасными словами, высказываниями, текстами, выступающими точками информационной напряженности, которые являются минимальными единицами, выражающими значение конфликта, или **конфликтогемами**. Конфликтогема, на наш взгляд, выступает как безусловный триггер активации негативного реагирования на

предъявляемый вербальный стимул. Маркерами конфликтогеми могут выступать лексемы, словосочетания и выражения с ярко выраженным негативным коннотатом, которые формируют у реципиента ожидаемую отрицательную и/ или неоднозначную психоэмоциональную реакцию. Например, «*все мы жертвы!*», «*жертвы режима*», «*пуйло*», «*лукашеску*», «*кумысный полицейский*», «*свидомая гнида*», «*диванный эксперт*», «*насосать*», «*релокант*», «*фейковый*», «*бедненький*», «*бедолага*», «*бомжатник*», «*тиран*», «*изверг*», «*солдафон*», «*дебилоид*», «*идиотизм*» и т. п. В научной литературе такие лексемы принято обозначать ярлыками [Копнина, 2020]. В последнее время в ситуации противостояния со странами Запада репертуар ярлыков с конфликтогенным значением имеет тенденцию к расширению. Например, «*Рашикиноиды - тупой, безграмотный и ипанутый народишко, затраханный стабильностью*» (Пишу чисто чтоб совесть сгорела у этого идиота, это на сколько надо быть наглым и тупым? Социальная сеть «ВКонтакте», 31.12.2021); «*С днюхой, питерская моль, обнулёныш и чемоданоносец!*» (С днюхой, питерская моль, обнулёныш и чемоданоносец! Социальная сеть «ВКонтакте», 07.10.2020)); «*То, что эРэФия Путина присвоила себе это самоназвание РОССИЯ, вовсе не сделало её действительной (реальной) преемницей исторической России*» (Секрет прост - это не Россия, это эРэФия, канал Яндекс-Дзен, 11.11.2018); «*Раз путирня рвет и мечет незная кого бы ещё "порвать", значит близок конец этой заразы*» (Форум РадиоКот. Новости планеты Земля, 14.05.2021); «*Наконец замените слово "Эрэфия" нормальным и международно признанным словом "Рашка". Чего Вы мучаетесь?*» (РФ: «рашка» или «эрэфия»? LiveJournal, 31.08.2009).

Эмотивность лингвоконфликтного дискурса современных массмедиа заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку прицельно «бьет» по психоэмоциональной сфере целевой аудитории [Кириллов, 2022; Королева, 2002]. Сценарный подход к лингвомоделированию конфликтогенного контента в современном медиадискурсе становится особо

актуален в эпоху пандемии [Серебрякова, 2020], доминирования онлайн-коммуникации [Хохлова, 2021] и обострения информационных войн. Например, такой является подача информации о ситуации в ДНР и ЛНР (Новая геополитическая реальность, 23.02.2022), где рассказывается о поражении России из-за признания новых республик. При этом персуазивность [Голоднов, 2011; Романова, 2021; Харджиева, 2016] выступает как конфликт-индуцирующая стратегия, имплицитно реализующая конфликтное значение в содержании массмедийного дискурса, что позволяет использовать конфликтогемы в качестве особых коммуникативных регулятивов конфликтогенного дискурса.

Современный медиадискурс подтверждает наличие целенаправленной программы у противников России по трансформации мировоззренческой парадигмы носителей русского языка и культуры с конечным итогом – четко сконструированной идеологическими противниками лингвоментальной картины мира, в которой заданы иные аксиологические, идеологические параметры, реализуемые с помощью комплекса рече-психологических стратегий и тактик манипулятивного характера. Конфликт анализируется с позиции функционального аспекта [Белоус, 2007; Заиченко, 1998; Кошкарова, 2009; Соколова, 2018] с учетом его прагматики в контексте взаимодействия акторов конфликтной интеракции [Гулакова, 2004; Сейранян, 2012] и институциональной специфики [Бородько, 2013; Корф, 2006; Певнева, 2008; Хроменков, 2016; Чесноков, 2015; Шпомер, 2021]. Сегодня в исследованиях национальной безопасности и геополитики значительным влиянием пользуется **концепция «правительственности»**, сформулированная в поздних работах М. Фуко [Русаков, 2017], и звучащая как совокупность способов и техник, формирующих самоуправляемое общество современных граждан, возникающее по мере того, как современное государство расширяет область заботы о населении и его безопасности [Каплун, 2019]. Более ранние работы Н. Элиаса рассматривают генезис современных обществ как «процесс цивилизации» [Элиас, 2001].

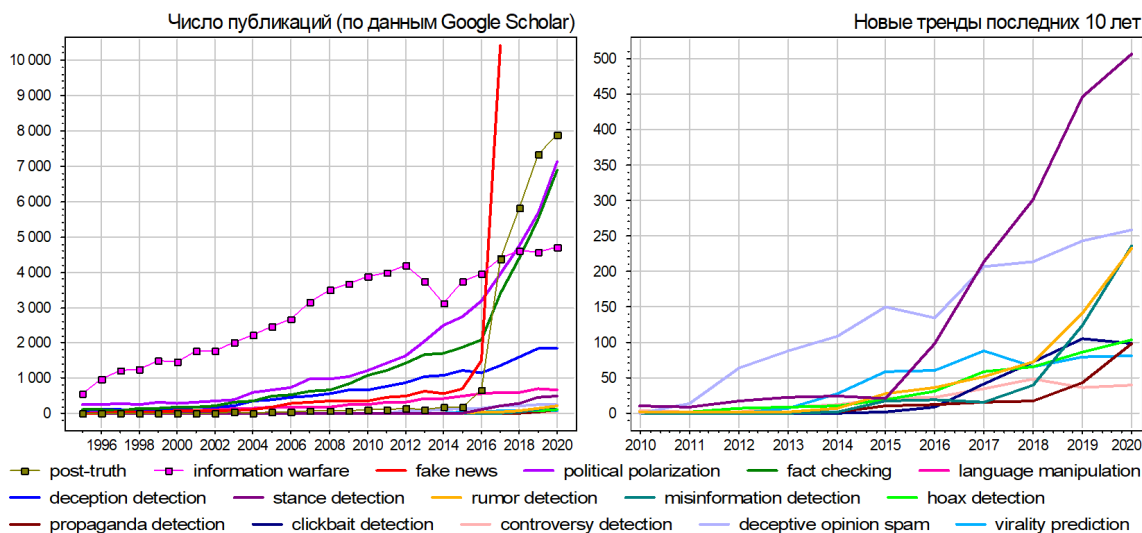

Рис. 3. Диаграмма библиометрических научных данных с выделением направлений анализа конфликтности (1996 -2020 гг.) (составлено нами на основе Google Scholar – М. Н.)

На рис. 3 обнаруживается интерес к анализу всех конфликтных стратегий. Однако, если в 1996 г. шло поступательное продвижение публикаций, нацеленных на анализ информационной войны в традиционном формате, выдавая приблизительно одинаковые пиковые значения в 2012 г. и в 2015-2020 гг, то фейковые новости, являясь новой разработкой цифровых технологий, дали резкий скачок в 2016 г., продолжая практически удерживать лидирующее положение до сих пор. Параллельно с этим идет рост публикаций по политической поляризации, которая также обнаруживает резкую тенденцию к росту с 2016 г. Следует отметить, что такой огромный рост конфликтных публикаций требует расширение инструментария с применением методов компьютерной психолингвистики и использования больших данных [Колмогорова, 2021].

Сам фрейм конфликта содержит в себе стереотипный набор верхнего и нижнего уровней (рис. 2 в параграфе 1 – М. Н.), что дает возможность структурировать коммуникативные ожидания акторов конфликта, защититься от случайностей в конфликтном общении, а это в свою очередь может служить превентивной мерой для дальнейшего развития конфликта в различных плоскостях. Так, например, по данным РИА «Новости», создан реестр

конфликтогенного дискурса в российских СМИ (не запрещенных) по степени насыщенности агрессивного контента (приложение Ж). Доля агрессивного контента, провоцирующего разнообразные социальные конфликты, составляет свыше 35% от общего числа русскоязычных публикаций на ноябрь 2021 г, при этом вариабельно и количество возможных конфликтующих акторов: от двух и более. Особенностью конфликтогенного дискурса является его пластичность, текучесть и динамизм всех его составных частей, поэтому мы можем представлять конфликтогенный дискурс как некое структурно-информационное единство с опцией выявления моделей реализации конфликтогенных маркеров в языке и речи.

В этом случае эмотивы и экспрессивы выступают конфликтогенными маркерами в конкретном типе дискурса, что подтверждает ранее полученные выводы о роли экспрессивности в тексте [Маслова, 2019]. Вместе с тем можно отметить, что в последнее время конфликтогемы эмотивного и экспрессивного плана чаще встречаются не только в обыденном и рекламном дискурсах, но и в новостном, а также в официально-деловом [Sabatovych, 2019]. Например: «*Ай да Путин! Россия отвесила знатную плюху Украине!*» (Новости Донбасса, 13.02.2022); «*Трасс, садись! Двойка! Ошибка министра может привести к войне*» (Царьград, 11.02.2022); «*Путин объяснил свою фразу “терпи, моя красавица”*» (РИА-Новости, 10.02.2022). Повышение градуса эмотивности и экспрессивности в официальных высказываниях может привести к непредумышленной конфликтогенности и, соответственно, сформировать отрицательный образ, при создании ролевой модели конфликтогенного коммуникативного типажа «агрессора» в глазах реципиентов. Особенно ярко это наблюдается при описании одного конфликтного события в разных источниках СМИ, что позволяет сформировать конкретный образ у целевой аудитории.

В рамках антропоцентрического подхода конфликтогенный дискурс может быть рассмотрен как **одновекторный** при одной цели [Белоус, 2018], так и **веерный**, когда несколько целей в конфликте, поскольку реализация

речевой деятельности человека протекает в пространственных координатах. Поляризация психоэмоциональных оценок в конфликтогенном дискурсе шкалирована от минуса к плюсу, однако нас интересует, прежде всего, негативная интеракция, как экстраполяция отрицательного отношения на языковую картину мира потенциального реципиента, поскольку позволяет актуализировать настроенность на столкновение и противостояние сторон. Например, разновекторный конфликтогенный дискурс был развернут в Химках Московской области при строительстве комплекса ИКЕА, что было освещено в СМИ различной направленности в 2016–2018 гг. Основная тема конфликта была раскрыта в новостной программе «Россия24»: *«Шведская сказка закончилась: суд арестовал землю под ИКЕА»* (Вести.ру, 09.08.2016, <https://www.vesti.ru/article/1664123>). Здесь мы наблюдаем дихотомию «свой – чужой» (Россия – Швеция; общественная земля – частный бизнес ИКЕА; взяточники – коммерсанты и т.д.). Негативное отношение формируется с помощью изначально отрицательно заряженных слов и выражений: *«сомнительные документы», «недостоверная информация», «вбрасывает», «заниженная цена», «мошенничество», «экономические споры»* и т. п. Эскалация конфликта продвигалась последовательно через конфликтогемы-пролонгаторы в новостном дискурсе, ориентированном на представителей бизнеса. Например, статья *«Какие документы подделала ИКЕА?»* была опубликована в Интернет-издании «Агентство федеральных расследований» (10.08.2016, <https://flb.ru/info/61655.html>) с предоставлением доказательной базы относительно поддельных подписей и документов со стороны шведского гиганта ИКЕА. В статье соответствующее отношение формировалось с использованием таких маркеров, как: *«поддельный», «фальшивый», «манипуляция», «подделка», «спецназ»* и т.п. Возмущение авторов публикации акцентировано с помощью восклицательных предложений. Усиление воздействия на реципиента проводилось также с использованием выделения выводом жирным шрифтом. Значимость конфликта и усиление конфликтогенности были обозначены с помощью того, что данный конфликт

был освещен ИТАР-ТАСС в новостных событиях от 09.08.2016 в публикации «*В центральном офисе IKEA в Химках проходят обыски*» (Новости ИТАР-ТАСС, 09.08.2016, <https://tass.ru/proisshestviya/3521461>).

Конфликтотемой-гармонизатором, нивелирующей конфликт, стала публикация «*10-й ААС сохранил за IKEA право собственности на земли в Подмоскowie*» на сайте «Право.ру» (08.02.2018, <https://pravo.ru/news/200436/>). Всего на эту тему нами было обнаружено 7 основных публикаций, которые послужили основой для написания и продвижения 198 тыс. различных статей. Следует отметить, что введение санкций западными странами против России [Капогузов, Новиков, 2017] вновь подняло вопросы давно решенные в судебном порядке относительно территориального спора в Химках. Например: «*Двойные стандарты ведения бизнеса IKEA в России*» (Infox.ru, 11.12.2021). Такого рода публикации снова отсылают нас к более ранним публикациям с оппозицией «свой – чужой»: «*Шведы демонстрируют в России новый формат давления на суд*» (Российское агентство правовой и судебной информации, 12.09.2016).

Результаты дискурс-анализа конфликтотгенных публикаций массмедиа показывают, что в обобщенном виде модель репрезентации конфликтотгенности в российских государственных СМИ обнаруживает иерархическое включение таких компонентов, как: 1) информационный повод – сообщение о некоей новости с указанием информационной мишени; 2) исторический контекст – введение в историю вопроса, возникновение конфликтотной ситуации; 3) описание предпринятых действий и мер; 4) указание на акторов, участников конфликта, и разъяснение их позиций; 5) репрезентация воздействия мер на разных акторов; 6) репрезентация возможных реакций среди целевой аудитории; 6) реконтекстуализация конфликта.

Для продвижения своих целей массмедиа активно используют **сценарный подход** [Костылева, 2020] с **когнитивными искажениями** [Костенко, 2012; Lin, 2021], касающимися различных **форм идентичности** [Гришаева, 2007; Элиас,

2001], что приводит к **трансформации базовых установок личности** [Васильченко, 2016; Рассадина, 2004; Клементьев, 2017], которые, в свою очередь, переходят в зону фоновых знаний, полностью меняя мировоззрение и историческую социокультурную память [Айрова, 2021; Боброва, 2019; Горбачева, 2014; Хазиева, 2018]. При этом сохранность человеческой психики в современных условиях **агрессивной информационной среды** [Артемчук, 2013], когда вербально-невербальный инструментарий привлечения внимания потенциального реципиента становится всё более изощрённым, выступает социально значимой проблемой для ученых смежных социально-гуманитарных направлений [Челпанов, 2018]. Информационные и психоэмоциональные нагрузки, которые испытывает современный реципиент за счет использования максимально экспрессивных средств и доверия к массмедиа, разрушают личностные границы, провоцируя веерный рост девиаций и массового деструктивного поведения [Charernboon, 2017]. Автоматический анализ экспрессивно-эмоциональной лексики в текстах оперирует моделью «мешок слов» (bag-of-words), согласно которой текст позиционируется как некое неупорядоченное множество (англ. bag, multiset) лексем, в котором порядок и грамматика не имеют значения [Mikolov, 2013; Соколова, 2018]. Обратная сторона такого воздействия – **рассогласованная интеракция** (конфликт, рассогласования в понимании) [Мамаева, 2004] – также нуждается в системном анализе и прогностике последствий в лингвистическом аспекте геополитических угроз национальной безопасности России [Соколова, 2018].

В общем виде задача установки принадлежности интересующего нас текстового информационного ресурса к конкретному классу конфликтности формализуется следующим образом:

пусть ΞI – неструктурированный текстовый информационный ресурс; $\Xi = \{I_0, I_1, I_2, \dots, I_k\}$, где I – это фиксированное число классов, I_k – метка k -го класса (основание класса); $k = 0 \dots K$ – известное число классов.

Поэтому важно разработать такой классификатор Y , который мог бы соотнести анализируемую текстовую информацию с конкретными классами:

$$Y: X' \rightarrow I,$$

При этом под Y понимается многозначная, всюду определенная функция, а под $\forall X'$ – текстовый информационный ресурс, который можно отнести сразу к нескольким классам I_k одновременно. Классификация текстовой информации базируется на множестве манипулятивных индикаторов конфликтной природы (конфликтгем, являющихся манипулемами деструкции). Это множество состоит из $K = 21$ элемента, поскольку они определены в пяти федеральных законах Российской Федерации. Конечное множество классов соответствуют выявленному перечню устойчивых конфликтгем как индикаторов деструкции (рис.4). При этом I_0 – класс нейтральной оценки без содержания конфликтности (рис.4).

Класс	Конфликтгемы	Методы классификации
I_0	нет	лексикографические
....	...	...
I_2	Пропаганда и поддержка терроризма	I' - методы машинного обучения
I_3	Пропаганда и поощрение антиобщественных действий	I' и I'' - методы машинного и экспертной оценки
....	....	....
I_{15}	Язык оскорблений и обценной лексики	I' - словарная работа
.....	.....	.....

I ₁₉	Имплицатуры как передача скрытой информации, воздействующей на эмоционально-волевою сферу человека	I'' - методы экспертной оценки
-----------------	--	--------------------------------

Рис.4. Фрагмент результата анализа показателей конфликтогенности для классификации текстовой информации

С точки зрения прагматики эмоционального общения, важно определить комплексную рабочую категорию маркеров, способных обнаружить и интегрировать отношение говорящего в модальность разговорного содержания [Marjorie Goodwin, 2012; Кириллов, 2022]. Эмоциональная вовлеченность анализируется в разговорной речи и сторителлинге, а именно - в живых диалогах и телефонных разговорах [Selting, 2010]. В частности, она использует следующие виды ресурсов: 1) словесно-сегментарное отображение: риторические, лексико-семантические, синтаксические и фонетико-фонологические ресурсы; 2) супraseгментный вокальный дисплей: ресурсы из сфер просодии и голоса; 3) визуальные или «мультимодальные» ресурсы: мимика лица, жесты и язык тела.

Позитивные эмоции редко бывают продолжительными, в отличие от негативных, которые суммируются и запоминаются. В раскрытии конфликта коммуниканты испытывают именно второй тип эмоций и, следовательно, используют лексику негативной окраски, обценнизмы. В настоящее время в России актуализируется работа по поиску и блокировке токсичного контента в сети Интернет, при этом нет самого определения понятия **токсичный контент** [Якунин, 2021], что, на наш взгляд, является важным упущением как со стороны практиков, так и со стороны теоретиков. Мы полагаем, что под **токсичным контентом** можно понимать такие публикации в открытом доступе в сети Интернет, которые отрицательно влияют на психоэмоциональное состояние реципиентов, вызывая у них деструкцию и девиации, обладают конфликтотенциалом как для отдельного индивида (внутриличностные конфликты с трансформацией картины мира), так и для отдельных социальных групп (межличностные конфликты и

межгрупповые конфликты), общества в целом (смена социальных приоритетов и мировоззренческой парадигмы). В этом случае **токсичный контент** встраивается в единое терминологическое пространство лингвоконфликтологии: **токсичный контент** и **лингвотоксин** (термин А. П. Сквородникова и Г. А. Копниной).

Современная лингвоконфликтология была обозначена проф. Н. Д. Голевым в начале 90-х гг. XX в., получив активное развитие в XXI в. [Голев, 2014]. Выяснилось, что эмоциональная речь напрямую описывает мнение человека и часто помогает еще лучше влиять на собеседника, нежели при использовании эмоционально нейтральных слов. Большинство современных исследований базируется на основе описания конфликтов в Интернете, и это вносит определенные коррективы и отличия в определение языка ненависти, который может выражаться через эмотивную лексику, обычно определяется как любое сообщение, унижающее человека или группу лиц на основании определенных характеристик [Дускаева, 2017]. На результаты также влияют такие экстралингвистические факторы как: возраст пользователей, уровень образования, социальный статус, психологическое состояние. Для достижения состояния межличностного сближения человек должен иметь возможность эмоционально относиться к собеседнику, и, в частности, нужно быть настроенным на выражение эмоций, на которые влияют как лингвистические, так и паралингвистические факторы, поскольку настоящее общение наполнено эмоциональным спектром [Яковлева, 2019]. Мониторинг эффективности на предмет противоречивых мыслей, чувств и поведения лежит в основе гибкого реагирования в сложных, непредсказуемых условиях [Dennis Maureen, 2013]. В связи с этим исследователи признают необходимость учета когнитивного аспекта конфликта как некоего поведенческого образца [Черниговская, 2016].

Теории, подчеркивающие интеграцию эмоций и контроля, недвусмысленно свидетельствуют о том, что даже, казалось бы, безобидные конфликтные задачи могут вызвать канонически аффективные

реакции [Masagno, 2019]. Некоторые исследователи считают, что обращение к эмоциям — это популярная логическая ошибка, которая рассматривается в формальной логике. Собственно, логика, как метод, направлена на устранение двусмысленности из ясных рассуждений. Следовательно, анализ аргументов естественного языка требует других методологических основ, которые дает неформальная логика [Masagno, 2019].

В конфликтогенном дискурсе первую и самую большую группу слов составляют слова с негативным оценочным суждением [Телюкина, 2016], которые мы обозначаем как конфликтогемы, поскольку они содержат в себе мощный заряд негативных эмоций. Максимально они выражены в комментариях под провокативными постами, детально раскрывая суть проблемы и переживаний. В них усиливается эмоциональная позиция после получения «холодных» ответов. В связи с этим растет число отрицательных, раздраженных и саркастических высказываний: *«Так тебе и нужно!»*; *«Я абсолютно не согласен с тем, что вы сделали»*; *«Это срам!»*; *«Вот пускай получает по щам за измену»*; *«Биомасса, когда начнет двигаться с политическим протестом?»* - «биомасса»; *«Да, я – ватник!»* - «ватник»; *«В стране, большинство населения которой представляет собой генетический мусор, ничего не получится!»* - «генетический мусор»; *«Уже и в Европе их иначе как «грантососами» не называют... Одно слово – грантосос!»* - грантосос, *«Любимая «отмазка» имперастов — что крепостное право существовало везде»* - «импераст», *«Кремлядь переплюнула европейский суд в антисталинизме»* - «кремлядь»; «сопляк», «разгильдяй», *«Вам хотя бы стыдно?»*, *«благоверный...»* и т.п.

Нередко частотные конфликтогенные реплики используются в мемах для усиления эффекта осмеяния (рис.5), обесценивания и разворачивания конфликта в интернет-коммуникации, что становится предметом анализа интернет-лингвистики и медиалингвистики [Дускаева, 2022; Попова, 2020].

БУДЬ МУЖИКОМ!

Рис. 5. Конфликтогема поддержки конфликтного поведения (из открытых источников интернета: <http://risovach.ru/kartinka/9689656> - М.Н.)

Поливариативность интерпретации мемов позволила Т. Г. Поповой выделить интернет-мем как отдельный полимодальный дискурс цифровой коммуникации [Попова, 2020]. Частотными конфликтогенными репликами в коммуникации с использованием мемов являются: *думаю, вы проморгали своё счастье; ты мне тут не дерзи; уж так точно не поступают настоящие мужчины; ну что за рептилоид; подло такое делать; Вам не кажется это совсем безответственным? тут Вам не это; думал, тебя это не коснется? какой ужас; кошмар; заслужил; наглость – второе счастье, да? тоже мне красotka! тоже мне умник нашелся!* и т.п.

Вторая группа - эмотивная лексика пользователей, согласных с мнением инициатора, которые пытаются его оправдать и отстоять позицию в сложившемся конфликте: *да все будет отлично; не переживайте; молодец; умница; допотопно осуждать кого-то за любовь; может она пилила мужа; бедняжка; безумно романтично; вы такой чуткий!; в вашу защиту я бы хотела сказать; так держать.* Позиция собеседников в основном усиливается с помощью эмоциональных приемов социальной близости: «мы», «наш», «сопереживаю», «у вас всегда есть наша поддержка».

Также стоит отметить ответы, противопоставленные высказываниям первой группы: «займитесь лучше своей жизнью», «Не вам судить», «Придержите свои высказывания при себе», «Попридержи язык», «Это зря», «Помолчите!», «А можно его в “блок”?», «Тише-тише», «Полегче с выражениями», «хам». Каждой из групп лексики характерна демонстрация интенсивности, например, знаками восклицания, гиперболическими образами

и эмодзи. Например: «*Россия, не трогай Украину!!*» (<https://m.zerkalo.az/rossijskaya-intelligentsiya-vystupila-protiv-vojni-s-ukrainoj/>)

Конфликтогенный дискурс хорошо вписывается в теорию интегрированного пространства, которая включает в себя, помимо общей структуры в суммарном пространстве, также специфическую структуру селективной проекции двух вводных пространств и эмерджентную структуру, возникающую после сочетания, совершенствования и расширения через ряд когнитивных действий. Процесс порождения эмерджентной структуры — это процесс построения смысла [Fauconnier, 2003]. Из этого видно, что концептуальная интеграция объединяет рамки из разных когнитивных областей, чтобы сформировать новую ментальную пространственную сеть, которую можно непрерывно корректировать в процессе коммуникации, а также динамически конструировать смысл в акцентуации конфликта. Существует четыре основных типа концептуальных интеграционных сетей: простые сети, зеркальные сети, односторонние сети, двусторонние сети [Линькова, 2016; Синжапова, 2019].

В конфликтном разговоре в Интернете эмоциональная позиция автора часто приобретает сторону, противоположную его собеседникам в ветке сообщений. Эмоциональная позиция построена на семантических, последовательных, стилистических и риторических средствах, которые свидетельствуют о незащищенности, низком уровне уверенности в себе. В то время как эмоциональная позиция его собеседников выражает противоположное мнение, характеризуемое уверенностью, определенностью и напористостью. Это расхождение прослеживается в распределении эмоциональных приемов и слов (например, понятия отрицательной оценки и дистанции). Выражения коммуникантов также представляют лексемы с положительной семантикой (в частности, уверенности, доказательности и качества). Л. Б. Макеева [1999] систематизировала достижения западных аналитиков и сделала объемное представление о вариативной репрезентации модели конфликтного поведения с описанием сценариев реализации

конфликт-модели, в которую вошли как оценка прогнозируемых установок, так и поставленные задачи, а также спецификация конфликтогенных тактик и стратегий реализации конфликта.

Конфликтогенный дискурс реализуется совокупностью конфликтогем, которые включены в соответствующие репликовые шаги, каждая пара которых составляет речевой акт. В свое время анализ механизма реализации речевого акта в работах Дж.Остина стал основой для подробной детекции доминантов конфликта [Чистанова, 2017]. В продолжение его идей исследователи стали подробно анализировать семантику категориальных параметров преобладающих предикатов в конфликтной интеракции [Данкова, 2016; Земская, 1989; Третьякова, 2010; Шпомер, 2021]. При противопоставлении несочетаемых элементов формируется ироничная оценка высказывания, которая разрушает конфликтогенность ситуации, предотвращая деструкции. Например, популярный кинофильм «Ирония судьбы, или с легким паром!» стал источником прецедентных текстов [Моисеенко, 2021], став источником мемов: *«Какая гадость – это ваше дистанционное обучение»* (<https://dev.meme-arsenal.com/create/meme/3363754>). В дальнейших исследованиях стоит учесть аспект нормативности, достоверности высказываний в социальных сетях и конструктивной аргументации со всех сторон конфликта.

1.3. Конфликтогенный дискурс и языковое конфликтное поведение: типология, структура и содержание

Провокативный дискурс конфликта обладает спецификациями когнитивно-семантического плана, направленными на моделирование конфликта. Изучение особенностей конфликтогенного дискурса представляет особый интерес в условиях психолого-информационных войн, в которых используются преднамеренные провокации конфликта как такового. Если в конфликтном дискурсе есть взаимодействие двух сил [Антонова, 2018;

Аргентова, 2006; Белова, 2016; Джиева, 2017; Сейранян, 2012], то в конфликтогенном дискурсе есть инициатор конфликта, а вторая сторона может и не предполагать, что была втянута в конфликт, между тем инициатор конфликта моделирует втягивание в конфликт возможных участников. Для конфликтогенного дискурса важна сама невербальная составляющая конфликтогенности [Бобарыкина, 2008], поскольку инициатор находится в поиске предмета конфликта. Как правило, инициатор конфликта, как действующий актер, обладает мотивационными установками для возбуждения конфликта, его дальнейшего развертывания и получения моральной или материальной выгоды. В связи с этим, мы определяем конфликтогенный дискурс, как разновидность провокативного дискурса [Козлов, 2015; Степанов, 2003] с его эмоциентрированностью аргументации [Стернин, 2005], позволяя ему быть мощным инструментом манипуляции общественным сознанием [Гилязова, 2022]. При этом если провокативный дискурс нацелен, прежде всего, на осуществление неких реальных физических действий, то конфликтогенный дискурс, акцентирует внимание аудитории на конфликтном событии, выступающим точкой информационной напряженности, что создает соответствующее восприятие и оценки в обществе того или иного события, факта, явления, поступка и т. п.

Как нам видится, конфликтогенный дискурс ориентирован на создание вербальной-невербальной синхронизации с целевой аудиторией, благодаря чему создается общий психоэмоциональный фон единения автора/инициатора конфликта с целевой аудиторией (интерпретантом), после чего начинается мягкое суггестивное воздействие в сторону манипулятивного управления психоэмоциональным состоянием аудитории. Такое проживание эмоций позволило В. И. Шаховскому говорить о новом типе человека – человеке чувствующем [Шаховский, 2012]. При этом сама конфликтогенность присуща человеческому онтогенезу, поэтому она является социально-коммуникативным феноменом. Однако предпочтительность изложения социально-политических проблем в заведомо отрицательной оценочной

парадигме приводит к росту агрессии в обществе с повышением уровня конфликтогенного потенциала, вызывая конфликтную акцентуацию в речеповеденческом профиле реципиента, провоцируя конфликт как таковой. В связи с этим ученые стали говорить о **вербальном конфликтогенезе**, характеризующимся акцентуацией на повышении градуса агрессии как таковой [Хроменков, 2016]. Вербальный конфликтогенез подразумевает усиление конфликтности у реципиентов, снижение у них чувство меры и такта в общении. Например, обесценивание во фразе: *«Твои великие дела – повседневность для любого козла»*, - выступает как прием усиления конфликтогенности (<https://ucrazy.ru/demotivator/print;page,1,1273602873-nemnogodemotivatorov3.html>).

Сам акциональный механизм конфликтогенности выступает как основополагающий принцип постоянного создания конфликта, поэтому мы говорим о конфликтогеме как лингвоинформационной единице воздействия, которая актуализирует тот или иной концепт из языковой картины мира с целью порождения конфликта как психолингвистической стратегии возбуждения определенных (как правило, отрицательных) эмоций у реципиента. Конфликтность может проявляться в открытой форме, когда инициатор конфликта демонстрирует свою агрессию без какого-либо намека на утаивание от целевой аудитории. В этом случае конфликтогенное поведение реализуется в прямой конфронтации с потенциальным оппонентом, через угрозы в его адрес или однозначно трактуемые действия с агрессивным и конфликтогенным потенциалом. Например, *«Долой власть чекистов!»*, одиночная монстрация в Москве с привлечением СМИ, как акция против российского правительства на Пушкинской площади ИА «Известия», являет собой пример прямого конфликтогенного поведения («Полиция в Москве разогнала за украинскую акцию», Все новости, 22.02.2022).

Основными способами формирования конфликтогенности являются: эскалация конфликта, увеличения напряженности конфликта, урегулирование конфликта, наблюдение со стороны, умолчание. При этом транслируемое

вербальное поведение СМИ демонстрирует пять базовых типов отношения СМИ к субъекту конфликта: поддержка, одобрение, нейтральное отношение, неодобрение, критика [Гавра, 2009]. Например, «*Возмездие неизбежно! Не забудем, не простим! Правда сильнее спецслужб*» (Плакаты про Крым и Путина активистам не разрешили пронести на марш памяти Немцова в Москве, 25.02.2018, 24tv.ua); «Альберт Бахтизин: агент-ориентированные модели *помогут предсказать “черных лебедей”*» (Вольная экономика, 20.09.2021). При этом конфликтогенное поведение одобрения встречается реже, так как подвергается активному противодействию со стороны оппонента, четко поляризуя мнения в обществе, вызывая агрессивные конфликтные настроения [Разорвина, 2018; Желтухина, 2018]. Массмедийный дискурс позволяет отследить психоэмоциональные настроения в разных социальных стратах, благодаря ответным реакциям на действия в политике, культуре, спорте как внутри страны, так и за ее пределами. Например, «*Камила, мы с тобой!*» - поведение одобрения в конфликте (Флешмоб в поддержку Камилы Валиевой - YouTube). Опосредованное конфликтогенное поведение продвигается с помощью косвенной агрессии, реализующейся в лексемах со значением «неприязни», «неодобрения», «сарказма», «иронии», «пренебрежения», «ехидство», «предубеждения», «обесценивания», создавая токсичный нарратив, который осуществляет прессинг и давление в сторону оппонента, выбранного в качестве хейта, особенно ярко проявляясь в массмедиа, ориентированных на молодежь [Кожелупенко, 2009].

Иными словами, для конфликтогенного дискурса характерен предельно тщательный отбор речевых актов психоэмоционального воздействия, среди которых главное место занимают провокация, *вызов, упрек, угроза, оскорбление, месть*, а сама конфликтогенность мыслится, как тип коммуникации, содержательно осложненной, поскольку в процессе понимания актуализируются смыслы, которые содержатся имплицитно, то есть требуя некоторых интерпретативных устремлений со стороны

реципиента [Дементьев, 2006: 4]. Это связано с тем, что конфликтогенный дискурс строится с учетом коммуникативных ожиданий потенциальной целевой аудитории.

Родовыми признаками конфликтогенности как социокультурного феномена являются следующие параметры:

1) **функциональный** – конфликтогенность выполняет культуuroобразующую функцию, поскольку обращается к фоновым знаниям, выраженным концептами культурного наследия для передачи между членами всего социума, что составляет суть смысловой коммуникации;

2) **формальный** – конфликтогенность проявляется в непосредственной коммуникации (прямой или опосредованной цифровым общением), когда дискурс нацелен на конкретного реципиента, когортную группу, целевую аудиторию, что соответствует внешней смысловой коммуникации;

3) **онтологический** – конфликтогенный потенциал в этом случае происходит из совмещения функционального и формального параметров социальной коммуникации, передающей динамику эмоций, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве [Соколов, 1996: 4], при этом учитываются такие социальные факторы, как социальное положение предполагаемого оппонента в конфликте, политические предпочтения, психологическое состояние реципиента и т. д.

Структура конфликтогенного дискурса выстраивается за счет постепенного повышения уровня конфликтогенности реального/предполагаемого оппонента и/или целевой аудитории.

Для определения конфликтогенности современных массмедиа необходимо учитывать широкий социальный контекст воздействия дискурса СМИ. Кроме того, конфликтогенность сопряжена с понятием **элицитности**, перлокутивная цель которой заключается в побуждении адресата выполнять заранее спрогнозированные и смоделированные действия вербального и невербального характера [Верещагин, 1999: 34–35]. Как указывает О.

Петрученко, термины **элицитность**, **элицитный речевой акт** восходят к латинскому *ēlicio* «выманивать, вызывать, призывать, склонять, побуждать» [1994: 215]. Элицитивные речевые акты напрямую соотносятся с конфликтогенностью, поскольку содержат указание на прямые речевые действия в виде лозунга, приказа, типа: *«Нет войне в Украине! Вернуть войска домой!»* (<https://m.gordonua.com/news/worldnews/v-rossii-sostoyalis-mitingi-protiv-voyny-v-ukraine-bolee-1400-zaderzhannyh-1597030.html>). Наряду с открытым призывом используется и имплицатуры со скрытым посылом протеста и конфликта, которые определяются В. Н. Степановым, как **эвокация** (от англ. evoke – 1 to call up, or bring out, as memories «вызывать или извлекать, как воспоминания»; 2 to draw forth, esp. in response «вытягивать ответ») в понимании моделируемого провоцирования [Степанов, 2003: 11]. Например, *«на Россию <...> теперь наложена своего рода Каинова печать. Но отмечен ей не только Путин — все россияне. Наша идентичность, где бы мы ни находились физически, теперь отравлена этим вторжением и нашим собственным провалом в попытке остановить диктатора задолго до того, как он пересек черту»* (Комментарии к статье *«Искусство вне политики? И здесь вас обманули. В граде_на_холме все одна сплошная политика»*, Aftershok, 25.02.2022). Присвоение всем русским ярлыка проклятого человека и проклятого народа имеет своей целью внесение раздора между властью и народом, подталкивая к недовольству и протесту.

Базисная характеристика конфликтогенности в медиадискурсе опирается на понимание допустимости социального одобрения специфики той или иной деятельности, что дает возможность оценить витальность рассматриваемого конфликта, поскольку ступени его развития имеют различную степень конфликтогенности и реализуются специфическим набором конфликтогем в зависимости от каждого уровня:

– **Предконфликтный, или имплицитно-латентный уровень** – содержит в себе исток конфликтогенной ситуации, в которой сам конфликт находится в зачаточном состоянии и никак не проявлен, а интересы и цели

потенциальных участников возможного конфликта хаотичны, размыты, не согласованы. Конфликтогенные признаки медиадискурса на этой стадии разнообразны и не структурированы, что позволяет развернуть окно дискурса в разные стороны. На этом уровне активно используются различные конфликтогемы -инициаторы. Именно этот уровень интересен для нас в силу возможностей вероятностного лингвомоделирования конфликта;

– **Уровень эскалации конфликта** – это стадия, на которой конфликтогенность выходит из «теневого стороны», демонстрируя рост участников конфликтогенного медиадискурса, усиление провокативного вербально-невербального поведения в медиасфере, актуализацию и расширение репертуара конфликтогенных признаков, которые приобретают систематизированный характер. Конфликтогемы этого уровня относятся к усилителям конфликтогенности медиадискурса и акцентуации конфликтогенных поведенческих черт у реципиента такого дискурса. На этой стадии происходит четкая градация участников конфликтогенной ситуации с позиции «свой- чужой»;

– **Открытый конфликт** – это уровень признания конфликта, на котором становится очевидным существование социального конфликта, а его сторонами предпринимаются конкретные действия и решения, направленные на ущемление интересов противника, при этом скрытые конфликтогенные элементы выходят из «серой зоны», максимально проясняются цели и интересы участников конфликтогенного дискурса. В открытом конфликте используются как конфликтогемы-пролонгаторы, конфликтогемы-усилители, так и конфликтогемы-инициаторы. Конфликтогенные коммуникативные типажи приобретают яркие черты, позволяя четко дифференцировать их позиции;

– **Деэскалация конфликта** – сокращение его масштабов и интенсивности противоборства с уменьшением признаков конфликтогенности и ослаблением значимости конфликтных сторон. В этот период актуализируются конфликтогемы-нейтрализаторы и конфликтогемы-

гармонизаторы. При этом идет спад конфликтогем-усилителей, а конфликтогемы-инициаторы исчезают из медиадискурса. Число участников конфликтогенного дискурса также сокращается;

– **Постконфликтный уровень** – характеризуется затуханием конфликтогенной ситуации с нивелированием значимости конфликта для целевой аудитории. На этом уровне еще больше актуализируются конфликтогемы-гармонизаторы, преобразуясь в конфликтогемы-завершители. Медиадискурсивные стратегии нацелены на детальный анализ причинно-следственных отношений конфликтогенной ситуации с прогнозированием вариативного развития итогов конфликта, по предупреждению схожих конфликтогенных ситуаций с возможным применением цифрового инструментария.

Доминантным признаком конфликтогенности при отборе средств является **широкий социальный контекст**, благодаря которому происходит веерное распространение информации. При этом весь информационный объем преломляется через отрицательную призму конфликтности и агрессивного поведения [Селезнева, 2013]. Следует отметить, что степень конфликтогенности за счет появления цифровых средств общения в современных массмедиа значительно выше, поэтому мы можем говорить о фактическом конструировании и катализации конфликтных ситуаций [Хроменков, 2016: 68].

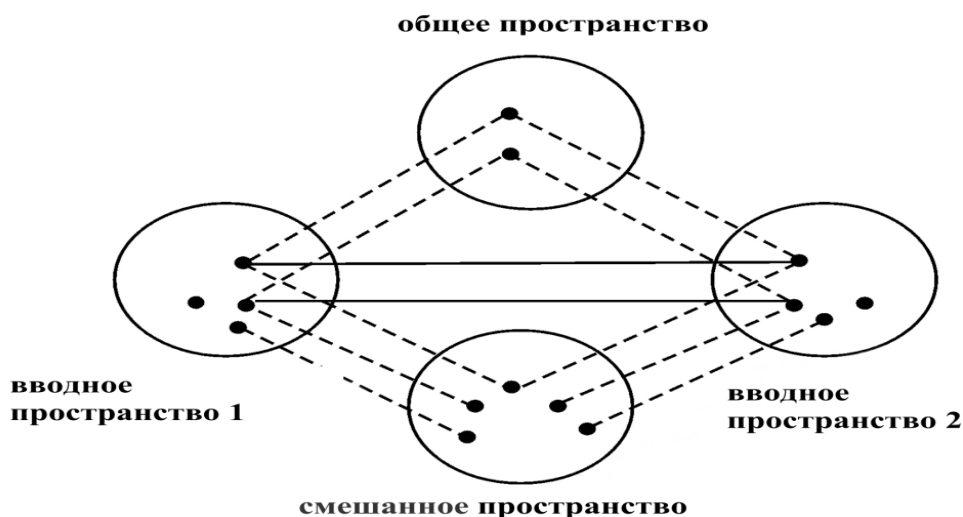

Рис. 6. Формирование конфликтности в современном медиадискурсе (авторская схема – М. Н.)

Формирование конфликтности в современном массмедийном дискурсе (рис. 6) инициируется через общее пространство фоновых знаний путем трансформации содержания того или иного концепта (вводное пространство 1), ответной реакцией на это изменение, которое также будирует конфликтность (вводное пространство 2) вследствие чего возникает смешанное пространство, реализующее конфликт как таковой.

В отличие от конфликтогемы конфликтоген можно охарактеризовать фразой из мема-демотиватора: *«Конфликт: если есть желание – повод найдется»*. В этом случае **конфликтогема-инициатор** апеллирует к базовым понятиям картины мира человека, опираясь на диалектику развития любого сообщества. Социальный контекст обнажает точки информационной напряженности, при этом используются **конфликтогемы-инициаторы**, которые присутствуют в предконфликтной стадии. В конфликтогенезе особую роль выполняют так называемые «эго-смыслы» [Мишланов, 2020], которые распознаются как речевые маркеры нормы при анализе пропозиций, содержащихся в поверхностно-синтаксической структуре конкретного медиавысказывания [Shaklein, 2021]. Следует также отметить, что значение – это та сторона языкового знака, в которой выражены представления человека о многообразии окружающего мира, определенные условностями национального и индивидуального мировосприятия, являющиеся естественным результатом его номинативной деятельности и неотъемлемой эффективной составляющей коммуникации. Например, одним из мощных триггеров российско-украинского конфликта стало стихотворение украинки Анастасии Дмитрук *«Никогда мы не будем братьями»*, опубликованное в марте 2014 г., которое вызвало «информационное цунами» как в России, так и на Украине, обостряя русско-украинское противостояние и демонстрируя оппозицию «свой – чужой», максимально влияющую на конфликтогенное

восприятие (Приложение Ё).

Манифестирующий стиль анапеста, используемый в этом стихотворении, усиливает суггестивное воздействие на реципиента. Кроме того, дихотомия «русские vs украинцы» ярко прописана и эксплицитно, и имплицитно. Имплицитно идет противостояние «*Вы огромные*» (в значении «большой») в характеристике России и «*мы великие*» (в значении с большим историческим прошлым, но и игра слов, поскольку в украинском языке «великий» – «большой»). Каждая строчка пронизана провокацией конфликта: «*мы не братья*», «*мы не сводные*», *мы «не ваши младшие*», «*у вас Царь, у нас – Демократия*».

Образ Украины, как некой вольной и свободолюбивой страны, где народ решает ее судьбу рисуется в противовес правил в российском обществе. Автор акцентирует внимание реципиента на демонстрации потребности через констатацию состояний и обозначение желательности других позиций. Неслучайно это стихотворение вызвало большую волну откликов в рунете, как в поддержку, так и против автора. Антироссийский стиль был поддержан латвийскими артистами, которые положили это стихотворение на музыку в жанре тяжелого рока, что усиливает воздействие на реципиента. Особым суггестивным значением обладает ритмическая организация стихотворения, выраженная в стилистике рока, где простые, но вместе с тем мощные ритмы в соответствии с биологически обратной связью непроизвольно вызывают у реципиентов желание двигаться в заданном ритме, причем в таком случае слова беспрепятственно проходят через барьеры критики, закрепляя заданные императивы [Ivanov, 2018]. Результатом такого воздействия становится не только трансформация базовых установок в социостереотипах и фоновых знаниях целевой аудитории, но и появление патопсихолингвистических черт у реципиентов (экстаз, галлюцинации, истерика, потеря чувства реальности с потерей сознания) [Erina, 2019], что требует уже не психологической коррекции и тщательного отбора вербальных средств, а специализированного лечения, поскольку разрушительное влияние жесткой рок-музыки

сопоставимо с наркотическим воздействием [Грязнова, 2019]. Зомбирование, которое идет через текст рок-песни, с акцентом на аутоагрессию и внешнюю агрессию, депрессивные состояния потери смысла жизни, поиск виноватых извне, экзистенциальную тоску по недостижимой любви, конфликт поколений, выполняет роль пускового механизма конфликта, приводящего к социальным катаклизмам. Противопоставление идет по линии использования антонимов и отсылкам в исторический экскурс российско-украинских отношений: *воля – цепи, царь – демократия, младшие – старшие, «родня» незрячая – взгляды бесстрашные, на колени ставили – огонь восстания* и т. п. Интенсивность дихотомии «свой – чужой» в этом стихотворении проходит по точкам информационной напряженности, связанным с хронотопом российско-украинских отношений и пересмотром их ценности [Мироненко, 2018]. При этом наблюдается персональное и осознанное конструирование автором конфликтогенности между российским и украинским социумами.

Следует отметить, что А. Дмитрук осознает провокативный уровень конфликтогенности собственного вербального поведения, демонстрируя языковое представление о субъективно-объективном состоянии комфорта/дискомфорта в модели конфликтогенного дискурса между Россией и Украиной. Провокационный стиль стихотворения инициирует зарождение, развитие, катарсис и финал конфликта, в котором строчка *«Никогда нам не быть братьями!»* используется в качестве аналога закрепы заговорного текста, усиливая конфликтогенность. Автор намеренно усугубляет противопоставление между русскими и украинцами, усиливая степень дискомфорта в оппозиции «свой – чужой». В связи с этим закономерны такие конфликтогенные лозунги, как *«Хуже смерти только Путин!»* (<https://stihi.ru/2018/03/13/2558>)

Этот дискомфорт коррелируется с переживаниями и/или некоторыми преднамеренными психологическими состояниями, которые имеют четкую локализацию в нашем уме и имеют кросс-культурные различия [Armstrong 1993; Kim, 2017].

При усиленном внедрении в массовое сознание конфликтогем, происходит их неосознанное воспроизведение реципиентами, которые становятся агентами чужеродного влияния, ведущего к агрессии и аутоагрессии [Никитин, 2022; Уланов, 2018]. Конфликтогема аутоагрессии (например: «Україна загартована болем») (См.: Приложение Д) прорабатывается через призму демотиваторов и антимама [Таймур, 2022]. Не случайно в российской пресс стали звучать предложения об отслеживании токсичного контента [Алипова, 2022; Якунин, 2022], поскольку он приводит к разрушительным тенденциям в обществе, ставя под сомнение витальность этноса и государства. Как правило, конфликтогемы с аутоагрессией имеют четкую связку с конфликтогемами-усилителями, типа: «Смерть русне! Больше убийств». По мнению П. Н. Хроменкова и О. И. Максименко, в настоящее время идет рост запросов и словоупотреблений в рунете таких лексем, как «война», «борьба», «революция», «враг», «убийство», «воровство», «терроризм», «смерть», «кровь», «против» [Хроменков, 2016: 69], что в целом говорит не просто о повышении уровня конфликтогенности в социуме, но и о нарастании агрессивных настроений с использованием **конфликтогем-усилителей**, которые поддерживают на высоком уровне градус конфликта в обществе. Конфликтогемы-усилители используют медиафакты как психолингвистические «мишени» воздействия массмедиа. Мы рассматриваем **медиафакты** (термин О. А. Могилевской [2011]) как «мишени» массмедиа, поскольку они выступают в качестве единиц знаковой реальности, в модель которой входят такие компоненты, как референтный признак события, фокусировку этого признака на цель информирования о нем массового адресата, выбор способа привлечения внимания аудитории к сообщению [Могилевская, 2011; Пром, 2020].

Конфликтогенность современного масс-медийного дискурса опирается, прежде всего, на полифонию смыслов высказывания и поливариативность возможной интерпретации. Исследователи подчеркивают, что интерпретативная поливариативность открывает новые возможности для

создания фейков в современных медиа [Стернин, 2021]. По мнению Н. А. Белоус, структура конфликтного дискурса представляет собой сложное многокомпонентное образование [Белоус, 2008: 5], благодаря которому обеспечивается витальный цикл конфликта. Исследовательница считает, что конфликт возникает между коммуникантами вследствие столкновения иллюкутивных целей, которые определяют содержание и способы реализации коммуникации (рис. 7).

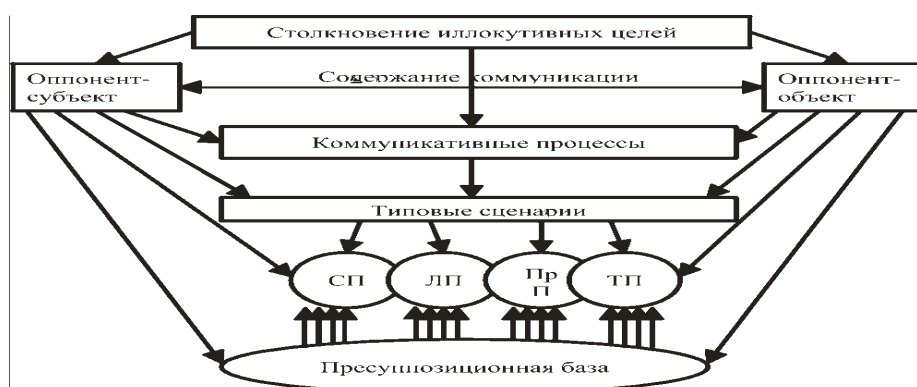

Рис.7. Структура конфликтного дискурса по Н. А. Белоус [2008]

На каждом шагу моделируемой конфликтности происходит отбор ценностей, находящихся в ядре концептуальной картины мира целевой аудитории в том или ином временном отрезке, с оценкой их конфликтного потенциала в рамках конкретного дискурса (рис.7). По мнению Н. В. Белоус, конфликтное общение носит субъектно-объектный характер (рис.7). Фактически демаркационная линия конфликтности проходит в системе координат «добро-зло», «хорошо – плохо» с точки зрения конкретного социума.

Это особенно ярко видно в российско-украинском информационном противостоянии: «плющевая бесхребетность», «допекло Гаранта», «мерзкий мешок», «косноязычная угроза», «придуманная страна», «горе-пианист», «антиконституционная хунта», «насильственная украинизация», «карательные операции», «лютное продолжение беснования», «адские

санкции», «последователи дела Шухевича-Бандеры», «нужно верить иногда евреям», «зубастая группировка», «вышвырнуть американцев», «некие отставные комики», «схватить за шкуру», «пошумела Тополями-Калибрами», «тряхнула Синевой-Булавой», «поиграла Кинжалами-Цирконами», «лампасо-погонный почетный караул рамолика», «на той стороне атлантической лужи», «перпендикулярный Путин», «невменяемого состояния истерики», «шаркающий старикашка Джо», «эльфы хрустобулочные», «бандеровская хунта», «европейский ржавый броневик», «евроРейх», «лаять стайно» (Перпендикулярный Путин... Что ожидать от него после Донбасса? Электронный ресурс, 23.02.2022).

Акцент на конфликтогенности проявляется в социальных сетях и интернет-каналах, которые стали современными инструментами социального вовлечения [Sabatovych, 2019], поскольку они воспринимаются как открытые источники общественного влияния. Как правило, позиционируется, что новостной дискурс избегает ярко выраженной оценочности [Kaplan, 2002], однако, это не совсем так, поскольку современные СМИ активно используются в информационных войнах [Varabash, 2019; Копнина, 2020; Костева, 2018; Соколова, 2018]. Мотивационный критерий конфликтогенности обусловлен антропоцентрической ориентированностью, поскольку конфликтогемы выступают транслятором конфликтного концептуализированного знания, что позволяет провести ранжирование типологии конфликтогенного дискурса с помощью функционального критерия. Креолизация конфликтогенного дискурса (см. Приложение Д) служит дополнительным приемом суггестивного воздействия на аудиторию. На наш взгляд, конфликтогенный дискурс является мощным инструментом современной интеллектуальной войны, нацеленной на выматывание и истощение оппонента, а также с осуществлением стратегий когнитивного контроля, подразумевающим лингвомоделирование с заданной трансформацией восприятия, прогностику конфронтации в сознании целевой аудитории. При этом мы полагаем, что корпус конфликтогем завязан на задаче

интеллектуальной психолого-информационной войны, в которой в качестве оружия используется слово. Конфликтогема более широко используются в альтернативных СМИ, типа ЖЖ, Твиттера, соцсетей. Так, пролонгирующая конфликтогема постоянно инициирует, возбуждает источник конфликта, не позволяя психоэмоциональной «ране» затянуться. Для пролонгирующих конфликтогем характерно использование ярких выразительных образов, метафор, усиливающих воздействие на психоэмоциональную сферу реципиента. Например: «*летальное оружие*», «*с голым торсом на паровоз*», «*вечные ценности русофобии*», *стая «черных лебедей*» (о западных санкциях – М. Н.), «*сценарий агрессора*» и т.п.

Конфликтогема развивается как действенный механизм со своим витальным циклом. При этом после пролонгирующих конфликтогем и одновременно с ними используются ослабляющие конфликтогема (конфликтогема-релаксанты), которые нацелены на завершение, смягчение конфликта, с уменьшением провокативных факторов конфликтогенности в тексте. Для конфликтогем-релаксантов характерно использование лексем (как правило, глаголов) со значением уменьшения, ослабления и/или трансформации действия: *сломать, прекратить, остановить* и т. п. Использование таких конфликтогем направлено на притупление внимания к опасности. Как правило, использование конфликтогем-релаксантов обусловлено последующим шагом – усилением конфликтного поведения. Конфликтогема-релаксант используется в паре с конфликтогемой-усилителем, благодаря чему раскачивается психоэмоциональная сфера реципиента, приводя его к нестабильности восприятия и оценки окружающей действительности. Вследствие использования конфликтогем-усилителя и конфликтогем-релаксанта понижается пороговый уровень психоэмоциональной чувствительности, позволяя с каждым новым циклом использовать все более сильные эмотивы в роли раздражителей психоэмоциональной сферы человека. Примерами конфликтогем-нейтрализаторов оперирует фактчекинг (проверка достоверности фактов)

[Корнев, 2020]. В русско-украинском информационном противостоянии конфликтогемы-нейтрализаторы представлены китайскими аналитиками [俄乌战争：世界媒体统一口径，全球主义大团结，到底谁被洗脑了？ 2022-03-01 05:07 [É wū zhànzhēng: Shìjiè méitǐ tǒngyī kǒujìng, quánqiú zhǔyì dà tuánjié, dàodǐ shéi bèi xǐnǎole? Róng xìng xiàwǔ chá 2022-03-01 05:07] / Война между Россией и Украиной: мировые СМИ объединяют свои голоса и объединяются в глобализме. Кому промыли мозги? 2022-03-01 05:07, электронный ресурс]. Мы можем говорить о реестре единиц маркеров конфликтогенного взаимодействия участников коммуникации, который отражает характер включения конфликта и продвижения конфликта как некой живой сущности: 1) пусковые конфликтогемы-инициаторы; 2) конфликтогемы-усилители; 3) пролонгирующие конфликтогемы; 4) конфликтогемы-релаксанты; 5) затухающие конфликтогемы; 6) конфликтогемы-нейтрализаторы; 7) конфликтогемы-гармонизаторы. Есть основания полагать, что каждый тип конфликтогем соотносится с тем или иным конфликтогенным коммуникативным типажом, а реестр единиц маркеров конфликтного взаимодействия партнеров включен в типовую модель конфликтогенного дискурса.

Выводы по первой главе

Конфликт является закономерным элементом развития человеческого сообщества. Однако в силу травматичности для психики тема конфликта долгое время оставалась социальной стигмой. Конфликт изучается исследователями разных гуманитарных направлений как открытое столкновение противостоящих сторон. В аспекте конфликтогенности важно, что конфликт есть характеристика процесса взаимодействия акторов, но никак не результат. Антонимичными понятиями к конфликту являются гармония, согласие, консенсус. Синонимы и антонимы к слову «конфликт» составляют ядро ассоциативного облака самой лексемы. Наиболее разработаны

исследования, анализирующие конфликт в функциональном аспекте с учетом его прагматики в контексте взаимодействия акторов конфликтной интеракции и институциональной специфики. Конфликтогенность дискурса связана с теорией речевого манипулирования и речевого воздействия, поэтому широкий социальный контекст воздействия дискурса СМИ носит определяющий характер для выделения феномена конфликтогенности современных массмедиа. Конфликтный дискурс есть дискурс разворачивающегося, реализующегося конфликта в то время, как конфликтогенный дискурс – это дискурс, который порождает конфликт, либо дискурс, который потенциально содержит конфликт с тенденцией на реализацию. Конфликтогенный медиадискурс реализуется посредством актуализации точек информационной напряженности, содержащих конфликтогемы. Мы впервые выделяем конфликтогему как функционально-прагматическую единицу конфликтогенного дискурса, которая предназначена разрешать конкретные коммуникативные задачи конфликта в его речевой интеракции, функционирующей в дискурсивных образованиях, обладающих определенной структурой, исходя из функционально-семантического представления конфликта. Лексически конфликтогема представлена эмотивами с экспрессивной оценкой. Прагматические задачи решаются с помощью конфликтогем конкретного класса, а именно:

- 1) пусковые конфликтогемы, или конфликтогемы-инициаторы;
- 2) усиливающие конфликтогемы, или конфликтогемы-усилители;
- 3) пролонгирующие конфликтогемы;
- 4) ослабляющие конфликтогемы, или конфликтогемы-релаксанты;
- 5) затухающие конфликтогемы, или конфликтогемы-финалии;
- 6) конфликтогемы-нейтрализаторы;
- 7) конфликтогемы-гармонизаторы.

Конфликтогенная модель в медиадискурсе реализуется с помощью скриптов, коммуникативных схем, фреймов, иллюстрируя функционально-деятельностный подход, в рамках которого важно выявление таких

специфических черт реализации конфликта, как: эффективное/неэффективное взаимодействие, коммуникативная неудача, коммуникативный провал и др. Конфликтогенность современного медиадискурса характеризуется элицитностью, побуждающей адресата к выполнению заранее смоделированных действий вербально-невербального свойства. Элицитные речевые акты широко используют прямые речевые действия в виде лозунга, приказа (типа: «Возвращайтесь домой!»). Для конфликтогенного дискурса характерно использование креолизованного текста с целью усиленного влияния на целевую аудиторию.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТОГЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

2.1. Специфика структуры современного конфликтогенного массмедийного дискурса как поликомпонентного семиотического знака

Не вызывает сомнений, что конфликтогенность в дискурсе возникает в период кризисов в жизни человека и общества, что накладывает свою специфику на отбор языковых средств для возбуждения негативных эмоций и моделирования конфликта [Кронгауз, 2012; Костева, 2018]. Мы исходим из того, что с точки зрения лингвистики, конфликт сам по себе является **макрознаком**, под которым мы понимаем полиаспектный вербально-паравербальный феномен, объединяющий в себе подходы синергетического лингвосемиотического описания. Исходя из этого, проекции, которые мы воспринимаем в конфликтогенном дискурсе, обусловлены концептами картин мира продуцента/реципиента и маркированы этнокультурной интерпретантой. Под **этнокультурной интерпретантой** мы понимаем референциональные социостереотипы в процессе когниции окружающей действительности и в декодировании семиотических кодов. Мы считаем, что совокупность этнокультурных интерпретант составляет вселенную «возможных миров», которые включают в себя набор неких альтернатив, из которых продуцент делает свой обоснованный выбор [Бабушкин, 2001: 5].

Когнитивная интерпретация конфликта и конфликтогенного дискурса как макрознаков демонстрирует их многогранное содержание как семиотических макрокомплексов, которые кодируют поликомпонентную систему на информационно-интенциональных уровнях иерархии. Мы считаем справедливым мнение об отражении в дискурсе сложноорганизованной иерархической системы фоновых и специализированных знаний с особыми стратегиями отбора наиболее значимой информации с позиции продуцента [Кубрякова, 1991: 21].

Информационная многоярусность конфликтогенного дискурса как макрознака предопределяет выделение целого ряда параметров, которые создают структурно-содержательную целостность, фиксирующую индивидуальную интерпретацию фрагмента действительности в виде семиотического результата референции, а также инициирующую новые знания, новые смыслы и коннотации. Конфликтогенность, как правило, всегда выходит за рамки этносоциокультурных норм - вербальных и невербальных - в сторону жаргонизмов, просторечной сниженной лексики, обценизмов, инвективов. Например: «гнида свидомая»; «рыло»; «дебил»; «уберменьш», «мелкая мразь»; «меншоварность», «по-хохляцки» и т.п. [7purusha, 2016].

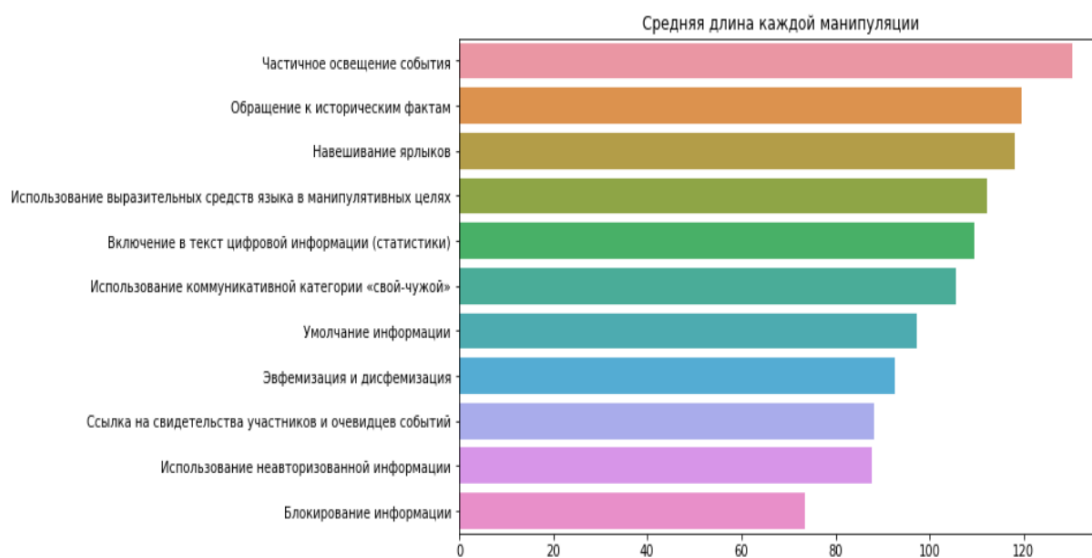

Рис. 8. Диаграмма манипулирования информацией в медиадискурсе с целью нагнетания конфликтогенности (составлено нами – М.Н.)

Вербально-невербальное представление информации в медиадискурсе манипулирует реципиентом в сторону акцентуации конфликтогенных черт личности (рис.8). На диаграмме (рис.8) представлены основные стратегии конфликтогенности, которые распространены в современном медиадискурсе. Как можно видеть, наиболее активно используется стратегия частичного освещения конфликтного события, что является пусковым моментом для верного запуска интерпретаций и искажений фактологических данных

(позиция 2 на диаграмме). Использование исторических и квазиисторических данных актуализирует стратегию навешивания ярлыков и обесценивания предполагаемого оппонента (позиция 3 на диаграмме). Как мы можем видеть, блокировка информации наносит минимальный урон по сравнению с полуправдой, или частичным освещением события.

В тексте «Смотри, свидомая гнида» коммуникация построена на виртуальном противопоставлении с воображаемым противником, монолог автора аналогичен высказываниям, которые происходят перед дракой, физическим конфликтом, с целью вызвать негативное отношение у реципиента: с уничижительными оскорблениями, упреками, вызовами, эмоциональным воздействием [Никитин, 2022; Анумян, 2022; Карабулатова, 2022]. Для усиления негативного отрицательного воздействия вербалика подкрепляется фотографиями, комплексно воздействуя на психоэмотивную карту реципиента: «Смерть русне!!! Больше убийств»; «Kill the Russian» и т.п. (Приложение Д). Использование вербальных, невербально-паравербальных средств персуазивной конфликтогенности приводит к формированию конфликтной языковой личности [Ахиджакова, 2003; Волкова, 2009; Гулакова, 2004].

Стратификация лингвоинформационных уровней конфликтогенного дискурса ставит задачу когнитивного картирования плана содержания [Маркелова, 2013; Махина, 2019; Третьякова, 2003]. Лингвосемиотическая структура конфликтогенного медиадискурса нацелена на многовекторность и полиаспектность вероятностных интерпретаций [Негрышев, 2009; Семенова, 2019] вследствие асимметрии когнитивных деструкций, присутствующих в картинах мира адресанта и адресата, относительно причин конфликтогенности, рассогласованных понятийных объемов, что предполагает наличие реального и/или вымышленного референта [Ицкевич, 2020], поэтому формирование той или иной интерпретанты задано личностной ориентацией продуцента конфликтогенного дискурса, исходя из принадлежности автора к определенной мировоззренческой парадигме [Тюпа,

2001]. Образы характерных черт конфликта прирастают субъективной маркированностью, которая указывает на индивидуальные смыслы и асимметричность в оппозиции продуцент/ реципиент конфликтогенного дискурса. Сама асимметрия связана со спецификой ментальных миров конфликтующих сторон, что определяет характер структурирования индивидуальных концептосфер, находящихся в согласовании с языковой картиной мира народа, способствуя субъективной репрезентации картины мира индивидуума.

Например, проведенный ВОЗ ассоциативный эксперимент в 24 странах мира по проблемам эйджизма в 2021 г. (рис.9), показал рост конфликтогенности в восприятии у лиц пожилого и старого возраста, что соотносится с повышением уровня насилия над стариками в самых разных точках мира.

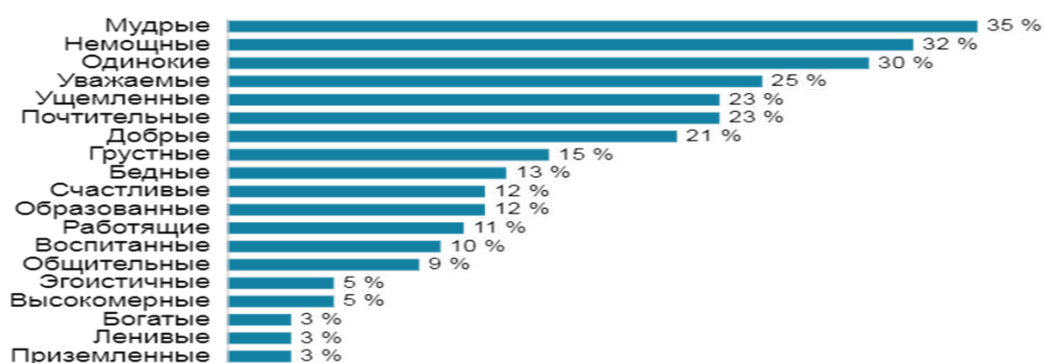

Рис. 9. Диаграмма восприятия стариков в современном обществе: опрос 20 788 человек в возрасте от 16 до 64 лет в 24 странах. (Источник: https://polonsil.ru/url?e=simple_click&blog_post_id=43378913239&url=YH0Mlj4tOVA0mFp11ZfnEZJf9zgDAMU5Dm7ixOsde9pIJDzwF6_P_2B7Y5KTmaAfsJO2zuYURWaoDShWT4tpgY629ncwCkHeteosi7EMzsEIJLgdheJCK13nX79fphyzmk – М. Н.)

На диаграмме (рис.9) мы обнаруживаем резкую поляризацию в восприятии лиц старшего возраста, что негативно сказывается на межпоколенческой коммуникации. Вследствие этого конфликтогенный медиадискурс воспринимается, как некое развивающееся «семиологическое взаимодействие» [Тюпа, 2001: 33] коммуникантов, благодаря чему

происходит структуризация вербальной составляющей как знакового макроэкспонента на информационных уровнях пропозиции и интенциональности. Феномен понимания предопределен продуцентом конфликтогенного медиадискурса с позиции смыслового постижения медиадискурса как некоего текстового конструкта, который дробится на пропозиции, выступающие в роли ключевых смысловых единиц. В процессе декодирования конфликтогенные пропозиции составляют компрессию дискурса, ядром которой является структурированный смысл высказывания [Залевская, 2000: 257].

Разнообразные интерпретационные варианты конфликтогенного медиадискурса балансируют в системе координат индивидуально-личностных характеристик продуцента и реципиента, отражая такие стадии декодирования, как: 1) восприятие знака (вербального, визуального, аудиального); 2) непосредственное декодирование предъявляемого знака на различных уровнях: фонетическом, лексическом, семантическом, грамматическом, синтаксическом, статистическом, функциональном, прагматическом. Наблюдения за процессом intersubjectного взаимодействия позволяют сделать вывод об асимметричности предъявления информационных объемов участникам конфликтогенного дискурса, вследствие рассогласования между пресуппозитивным знанием и вербальным кодом [Кармалова, 2021; Логинова, 2021]. При этом информация, которую реципиент декодирует на основе синтагматического сцепления дискурсивных единиц, преобразовывается в «текстовую семантическую задачу» [Кронгауз, 2005: 314] в условиях линейной модели «горизонтального контекста» [Тальчикова, 2009]. Указанная модель формирует уровень ярко выраженной информации, возникающий из соединения текстовых пропозиций, позволяя прогнозировать вербальное поведение целевой аудитории [Белов, 2010; Богданов, 2007; Волкова, 2022; Дускаева, 2017; Осетрова, 2012].

Когнитивное освоение конфликтогем идет в ходе ментального конструирования конфликтогенных ситуаций, которые последовательно

воспроизводят пропозиции, подкрепленные аналоговыми стереотипами и типовыми сценариями развития конфликта, соотносимые с реальной действительностью [Алешина, 2015; Белова, 2016]. Такой алгоритм позволяет моделировать смысловое пространство конфликтогенного дискурса с опорой на высказывание Ч. Филлмора об интерпретативных фреймах, введение которых может быть обусловлено необходимостью понимания текста реципиентом с точки зрения продуцента и активации этой точки зрения последующими интерпретаторами [Филлмор, 1988: 10]. Фреймы с конфликтогенным потенциалом связаны с подпространством структурированного фонового знания о конфликте в целом, обнаруживая эволюцию этнопсихолингвистических норм и стандартов вербально-невербального поведения в конфликте, характерных для конкретного этноса и «цивилизационных», общечеловеческих знаний с формированием уровня вербальных экспликаций, которые подтверждены на уровне сценарного подхода трактовки действительности. Неслучайно Ч. Филлмор, анализируя фреймовую семантику, указывал на механизм работы фрейма как такового, подчеркивая важность фигуры интерпретатора, постигающего смысл некоего текстового фрагмента и обнаруживающего новую интерпретацию под влиянием собственного моделирования, которое используется вне зависимости от анализируемого текста [Филлмор, 1988: 15]. Т. В. Маркелова, вслед за Т. Ван Дейком, рассматривает фреймы в виде абстрактных ментальных конструкторов, структура которых состоит из базового ядра и потенциально возможностной периферии семантики информации [Дейк, 1988; Маркелова, 2013]. Эта потенциально возможная информация выполняет роль точки бифуркации, позволяющей развернуть или не развернуть конфликт в той или иной плоскости. При этом релевантность моделирования процедур понимания конфликтогенного дискурса с помощью фреймов базируется на выводе психолингвистов об имплицитной предопределенности понимания текста, позволяющей узнать с самого начала декодирования, что находится за текстом [Леонтьев, 1999]. Фоновые знания о конфликте содержат не только

формализованные и стандартизированные признаки конфликтогенности, выработанные в ходе коммуникативной практики тем или иным этносом [Троценкова, 2013]. Условный характер структуры конфликтогенного дискурса так или иначе закреплен в конкретной этнокультуре за стереотипизированными языковыми комплексами (знаменитая поляризация оценок «что такое «хорошо» и что такое «плохо» - М. Н.). В связи с этим сама конфликтогема есть фрейм, состоящий из лексем, употребление которых мотивировано особыми унифицированными конструктами фоновых знаний о вербально-невербальном поведении в конфликте, схематично представляя компрессию конфликтогенного опыта.

Кроме того, кодируемые в конфликтогеме лексические и синтаксические единицы предопределяют наличие специфично обусловленной структуры понимания этносоциокультурных установок и представлений о мире, норм и правил поведения в обществе и за его пределами. Структура конфликтогема вне зависимости от типа, как правило, базируется на гипертекстуальности, при которой идет параллельное использование разнообразных знаний о конфликте [Анумян, 2022; Кретов, 2018], во время которого креолизованные, аудиальные, визуальные формы представления конфликтогенной информации согласуются с вербальными маркерами [Кириллов, 2022; Анумян, 2022]. Так, **невербальными маркерами конфликтогенности** являются закрепленные в конкретном этнокультурном сообществе знаки кинесического языка [Изард, 2007; Кеворкян, 1990; Крейдлин, 2015]. Так, Г. Е. Крейдлин характеризует невербальную семиотику (др.-греч. «знак», «признак») как науку, изучающую невербальное поведение и взаимодействие людей, т. е. невербальную коммуникацию [Крейдлин, 2015]. Использование знаков невербальной коммуникации может усиливать или ослаблять степень конфликтогенности в масс-медийном дискурсе. В этом случае к полю лингвистического анализа относятся: 1) звуковые коды в невербальной коммуникации; 2) движения глаз (язык глаз) и визуальное поведение; 3) мимика, жесты, жестовые движения, позы; 4) значение

пространства в коммуникации и запахи; 5) язык касаний и тактильной коммуникации во время общения; 6) пространство коммуникации с его структурой и функциями; 7) хронотоп, или время в коммуникации; 8) язык одежды, декора и декораций (окружающей обстановки), его структурные, семиотические (знаковые) и культурные функции.

Особенно широко применяются невербальные маркеры в конфликтогенном агрессивном дискурсе военной пропаганды при освещении событий на пространстве постсоциалистического мира в начале XXI в. (Казахстане, России, Белоруссии, Грузии, Армении и Украине), утративших свое значение социалистического и коммунистического единства. Неслучайно такие жесты обозначаются, как поликодовые языковые средства, распространенные повсеместно и активно используемые [Молчанова, 2014], поскольку они являются ярким выразительным средством невербальной коммуникации. Среди кинесических конфликтогенных знаков особое место занимает поднятый вверх кулак, который изначально трактовался, как знак протеста, коммунистической солидарности [Serravalle, 2017]. Максимально наглядно это видно при обыгрывании знака «кулак» в современном молодежном дискурсе (рис. 10). При этом фразеологизм «взять волю в кулак» переосмысливается за счет использования образа Павла Воли, известного российского комика-сатирика: перестал шутить, стал относиться серьезно. Такая практика окказиональной переинтерпретации фразеологизмов в массмедийном дискурсе давно привлекает внимание специалистов [Журавлева, 2011; Катермина, Соловьева, 2019а; Сегал, 2018].

Рис. 10. Обыгрывание фразеологизма «взять волю в кулак», обесценивание конфликта (из открытых источников Интернета: <https://www.drive2.ru/c/2239602/> - М. Н.)

Публикации с конфликтогенным мотивом, как правило, содержат в себе фотографии, видеоизображения, рисунки с поднятым вверх кулаком в соответствии с устойчивым социостереотипом значения протеста. Многочисленные исследования креолизованных текстов с кинемой «поднятый вверх кулак», как правило, отражают переживание стрессовой ситуации и сложности совладания с этим неприятным социально-политическим событием [Грушевская, 2019], которое в силу своего невротизма создает конфликтогенность и переживание боли на психофизиологическом уровне [Watson, 1988; Elpidorou, 2022; Erlend Winderen, 2022]. Этот жест носит яркий экспрессивный характер, выражающий психоэмоциональное состояние решимости, негодования, вызывая легко прогнозируемые психоэмоциональные реакции у любой аудитории, являясь маркером жесткой силы дискурса с ее интенсивным воздействием на аудиторию, провоцируя избирательность реакций (прятие, отторжение и т.п.), четко направляя реципиента в запланированном направлении восприятия [Якоба, 2022].

Кинесические невербальные маркеры конфликтогенности характеризуются сосредоточенным, решительным выражением лица, поднятым вверх кулаком, символизирующим протест [Крейдлин, 2004–2015], активно используются в современном дискурсе информационных войн, формируя неприглядный образ идеологического противника. При этом использование этого кинесического знака может быть нацелено не только на сугубо политические темы, но и бытовые, характеризуя отрицательно страну/ регион/ людей на более глобальном уровне. Таковы, например, многочисленные иллюстрации в массмедийном дискурсе якобы доминирующей агрессивности у русских женщин (<https://panoramapro.ru/tag/zhena-izbila-muzha-v-kimrah/>).

Сегодня мы видим трансформацию использования жестовых символов на бытовом уровне и в контексте протеста, несогласия, и гражданского

неповиновения в ходе осуществления «цветных революций», что подчеркивает значимость параграфемных средств коммуникации [Дугалич, 2018]. При этом коммуникативным посылом обладает также выражение глаз и лица [Молчанова, 2019], а сами кинесические невербальные знаки добавляют акцентные штрихи к декодированию информации [Анумян, Карабулатова, 2022], направляя ее истолкование в заданном векторе сценарно-проектного подхода [Оленев, 2008]. Особое настроение восприятия формируется и посредством акцента на колористике [Шиманская, 2014], усиливая голос эмоций [Шаховский, 2012]. Таким образом, возникает сложноорганизованное единство когнитивного механизма прагмаориентированных имплицатур [Макурова, 2016], используемых в конфликтогенном дискурсе, задающих особый прогностический вектор в восприятии информации [Кретов, 2006]. Мы согласны с мнением исследователей о том, что кинесический невербальный маркер «поднятый вверх кулак» относится к одному из самых древних символов в человеческой культуре [Кеворкян, 1990; Крейдлин, 2015; Костева, 2018], используемого в качестве альтернативного коммуникативного знака в ментальном пространстве участников конфликта [Ахиджакова, 2007] и усиливая эффект медианасилия [Марзан, 2018].

Насыщение текста конфликтогенными маркерами вербально-паравербального характера способствует формированию лингвотоксичности текста, что отрицательно влияет на психоэмоциональную сферу человека [Никитина, 2019; Сковородников, Копнина, 2017]. В связи с конфликтогенной импликацией особую актуальность получает мысль З. Шмидта о текстовой связанности языковых знаков, обладающих смыслом. Исследователь говорит о текстообразующих языковых знаках, которые точно передают содержание текста, заданное продуцентом [Шмидт, 1978: 95]. Современный конфликтогенный медиадискурс выступает как сложноорганизованный информационный комплекс [Кириллов, 2022], в котором вербально-невербальные уровни иерархии соотносятся с собственно речевыми [Никитин,

2022]. Понимание смысла относится к информации, которая значима для конкретной системы символов, а не просто коррелятивна. Сами представления относятся к единицам обыденного сознания, определяя концептуальные образы предметов и явлений с использованием перцептивного чувственно-наглядного аппарата [Попова, 2006], поскольку они формируют фоновое пространство знаний, содержащихся в наивной языковой картине мира. Вместе с тем конфликтогенный текст носит потенциально опасный характер, поскольку выступает как некий информационный комплекс, который находится максимально ближе к конфликтогенному провокативному намерению, нежели нижестоящие компоненты лингвосемиотической иерархии, напрямую согласуясь с речевыми интенциями и целевыми установками речевого акта, в связи с чем полная семантическая интерпретация должна быть заложена до начала предъявления конфликтогенной информации [Карабулатова, 2020; Фрумкина, 1995]. Конфликтогенность в тексте может проявляться как один из способов развития сюжета, приближения к точке катарсиса и проявления ярких сторон вербально-невербального поведения как у реальных, так и потенциальных участников коммуникативного процесса.

Конфликтогенные коммуникативные знаки, с одной стороны, фиксируют устоявшиеся концептуализированные знания о конкретных реалиях действительности, а с другой стороны, вмещают в себе громадный объем когнитивного содержания, гипертекстуально раскрывая интериоризацию потенциально конфликтных ситуаций с учетом их многообразия и информативной полиинтерпретационной многослойности в эпоху метамодернистской постправды (вспомним, рис. 3, где на диаграмме показан резкий скачок публикаций на тему постправды в 2016 г. – М. Н.). Конфликтогенные коммуникативные знаки служат не только для изобразительной индикации реальных или вымышленных героев и/или событий конфликта, но и для передачи ценностно-оценочных установок и целей инициатора конфликта. Например, такой оним, как *Мымра* в кинофильме «Служебный роман» содержит ярко выраженную негативную

окраску, подспудно указывая на скрытый конфликт между начальницей Калугиной и коллективом, которым она руководит [Qin, 2022]. Не случайно, ономасты подчеркивают значимость говорящих имен в художественном тексте и фольклоре [Абрегов, 2016; Дмитриева, 2018; Никитин, 2021; Киосе, 2015; Чеснокова, 2018]. В связи с этим показательно издание специального словаря синонимов патронима Навальный по заказу Администрации Президента РФ (2020 г.) объемом 10 000 слов. Среди эвфемизмов, под которыми подразумевается оппозиционер А. Навальный приводятся такие, как *собеседник Дудя, отголосок 90-х, оператор квадрокоптера, заштрафованный борцун, отравленная пешка, црушный недобиток, позеленевший москвич, берлинский пациент, иной политик, оппозиционный и осужденный персонаж, различный активист, политический проходимец, блогер Леша* [Ефим Неизвестный, 2020]. Разнообразие политических ярлыков, появившихся в эпоху метамодерна, позволило сибирским ученым А.П. Сковородникову и Г. А. Копниной собрать их в «Словарь современных политических ярлыков» [Сковородников, 2022]. По заверениям авторов, некоторые лексем были зафиксированы впервые, показав динамический характер современных медиа, которые несколько опережают национальный корпус русского языка, при этом в словаре не указано, какая из лексем зафиксирована впервые авторами «Словаря...». Данная ситуация характерна для таких негативных экспрессивов с ярко выраженным конфликтогенным потенциалом, как *путинярня, эрэфия, рашка, рашист, победобесие, Пиндостан, майданутый, путиноид, укропия, гейрона, ватник, укроп* и т.д. Несомненно, что ярлычно-негативная функция таких лексем поддерживается контекстом [Сковородников, 2022]. Позже нами были обнаружены такие конфликтогенные ярлыки, как «*мамочкины/бабушкины пирожки*» - уклонисты от мобилизации, маменькины сынки; *релоканты* – эмигранты, не поддерживающие СВО и уехавшие из России; *славаукраинцы, укрофашисты, необандеровцы* – современные украинские националисты; *чмобики* – мобилизованные солдаты, участвующие в

спецоперации на Украине; (парень) *универсал* – гомосексуалист, который может быть, как активным, так и пассивным в паре и т.д.

Моделирование глобальных коммуникативных знаков (таких, как текст и дискурс) становится эффективным для выявления как интегральных, так и дифференциальных признаков того или иного объекта, которое может быть реализовано в рамках концепции компьютерного моделирования коммуникации К. Р. Пиотровской [2007] и Е. А. Шингаревой [1987], где языковые состояния четко разграничены, определены поля, исходя пространственно-временного показателя: 1) за пределами и/ или в рамках коммуникации; 2) в момент общения и/ или вне общения. По мнению Е. А. Шингаревой, пространственный параметр объединяет всех возможных коммуникантов в данной коммуникативной ситуации. При этом второй временной параметр нацелен на реципиента, выступающего интерпретатором коммуникативной ситуации [Шингарева, 1987]. Исходя из этого, обнаруживается некая конфликтогенная семантическая пирамида, в которой внутреннюю, скрытую сторону составляет модус реализации коммуникативного знака, который переходит во внешнюю, эксплицитную сторону актуализации виртуальной позиции медиадискурса. При этом вероятностное моделирование конфликтогенных знаков-интерпретантов с антропоцентрической позиции лингвосемиотики дает возможность атрибутировать доминантные элементы семиозиса конфликтогенного медиадискурса (рис.11).

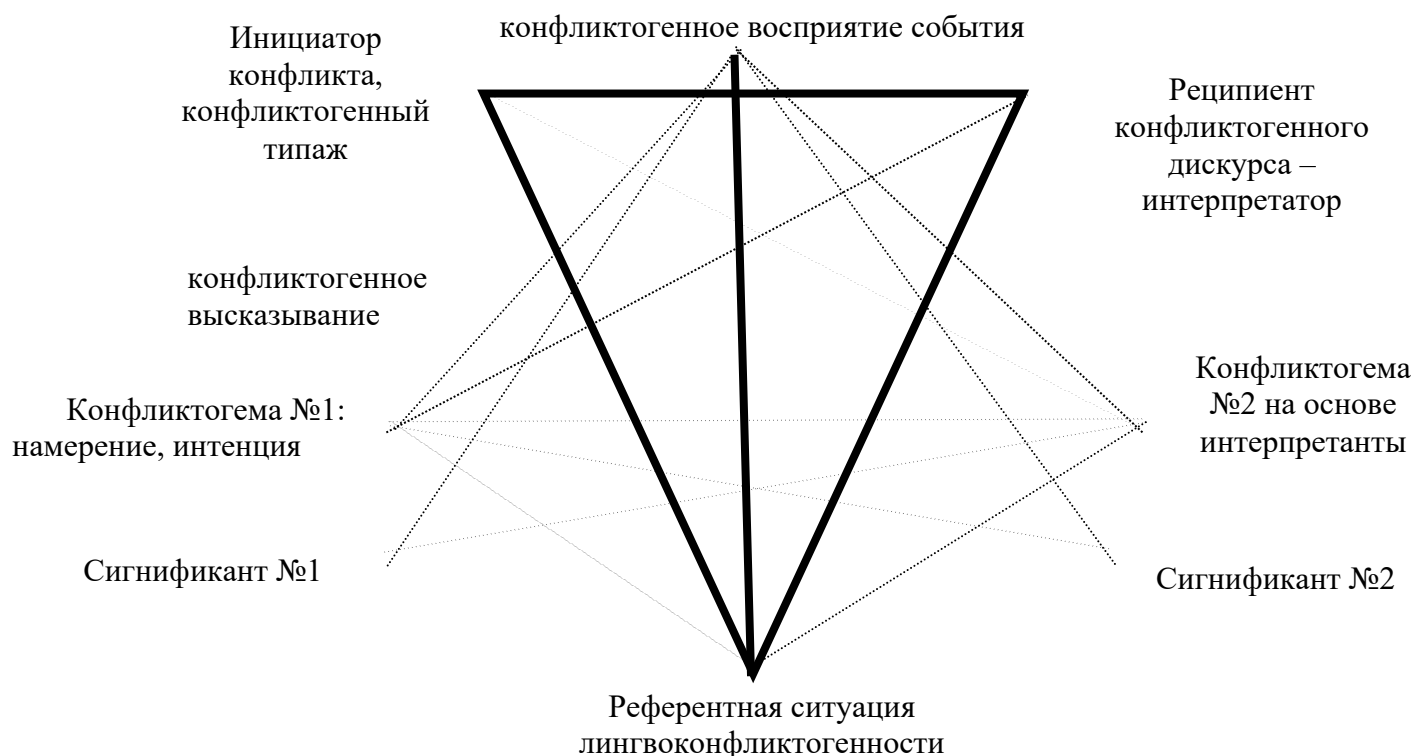

Рис.11. Конфликтогенная семантическая пирамида: модель лингвоконфликтогенности как коммуникативного знака (авторская схема – М.Н.)

Модель семиозиса конфликтогенного дискурса представляется нами в виде конфликтогенной семантической пирамиды (рис.11), которая обусловлена пониманием структуры речевого такта [Кретов, 2021: 38], когда любая информация воспринимается сквозь призму интерпретации и пост-интерпретации (конфликтогема №2 на рис. 11), поэтому каждая информация, любое высказывание встроены в некую когнитивную схему, которая представляет собой набор аналоговых представлений о мире с включением оценочного отношения [Залевская, 2002]. Согласованность когнитивного и семиотического подходов нацелена на вскрытие ментальных процедур, опосредованно определяющих как сам акт конфликтогенеза, так и объем языковых единиц, как неких трансляторов интериоризированной информации о «возможных мирах» [Ахиджакова, 2013; Яковлева, 2019; Унарокова, 1998].

Очевидно, что объективная реальность предлагает обширный набор конфликтогенных приемов воздействия, которые базируются на психологии восприятия человека [Осин, 2012]. Российский аналог измерения позитивных

и негативных эмоций (ШПАНА) методики PANAS опирается на единую биполярную шкалу психоэмоциональных состояний. При этом Е. Н. Осин подчеркивает, что сама система поведенческой ингибции (behavioral inhibition system) регулирует отрицательную эмоциональность, вызывая торможение негативного речеповеденческого алгоритма, а также являясь жизнесберегающей психофизиологической стратегией для субъекта [Осин, 2012]. Современные исследования в области психолингвистики опираются на теорию «куба Лёвхейма» (рис.12), согласно которой существует четкая взаимосвязь между эмотивностью слова и психофизиологическими показателями организма [Kolmogorova, 2022].

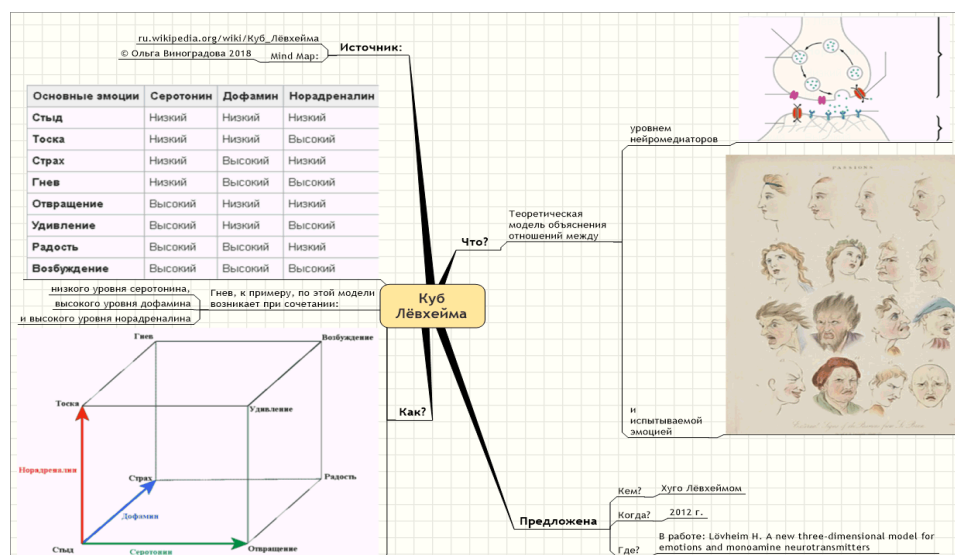

Рис. 12. Соотношение эмоций и уровней психофизиологического состояния реципиента (Источник: <https://nlpt.livejournal.com/492528.html> - М.Н.)

В принципе, «Куб Лёвхейма» [Lövheim, 2012] можно назвать лингвопсихофизиологической картой знаний о мире, в которой конфликтность соотносится с опасностью и переживанием негативных эмоций. Этим и объясняется активное использование эмотивов и экспрессивов в направленном конфликтном медиадискурсе, поскольку эмотивы, определяя эмоции, осуществляют контроль над психоэмоциональным состоянием, что позволяет не только управлять вниманием и восприятием

информации/ события/ персоны [Hyungil, 2006], но и позволяет выжить в условиях опасности и угроз [Fellous, 2005]. Конфликтогенность характеризует персуазивную коммуникацию [Громыко, 2021], являющейся спецификацией ментально-речевой коммуникации участников, в которой предпринимается попытка воздействия продуцента на реципиента для достижения принятия решения адресатом о необходимости (при жестком управлении им), или желательности/ возможности (при мягком управлении реципиентом) некоего пост-коммуникативного поступка в интересах продуцента, или лиц, стоящих за ним [Голоднов, 2003: 8]. При этом конфликтогенный шаг выступает как речевой макроакт персуазивности, поскольку в ходе реализации конфликта продуцент воздействует на психоэмоциональную сферу реципиента, трансформируя его концептуальные установки [Громыко, 2021: 68]. Отбор и комбинирование персуазивных конфликтогем ориентированы на достижение перлокуции: 1) актуализация концептуального пространства «страх, ужас, кошмар»; 2) контрастивная дихотомия «мы – они»; 3) эвфемизация и псевдодисфемизация конфликта; 4) осмеяние и обесценивание; 5) героизация и романтизация конфликта.

Например, **использование ключевых слов концептуального поля «страх, ужас, угроза, кошмар»** актуализирует состояние сплоченности у целевой аудитории в ситуации реальной или мнимой опасности, формируя чувство уверенности у реципиентов в возможности преодолении кризисных ситуаций. Так, в 1932 г. А. Гитлер актуализировал концепты страха у немецкой аудитории в период собственной избирательной кампании, используя емкость и краткость лозунгов, что позволило ему успешно прийти к власти. Например: *«страна **разрушена экономически!**»; «крестьянство **уничтожено!**»; «средний класс **доведен до нищеты!**»; «ресурсы земель и сообществ **исчерпаны!**»* [Величайшая предвыборная речь Адольфа Гитлера. 1932 год, «ВКонтакте», электронный ресурс]. Соответствующие настроения переданы такими лексемами и выражениями с ярко выраженным негативным коннотатом, как ***нищета, сплошные банкротства, разрываться, борьба,***

уничтожено, исчерпаны, разрушена, внутренняя борьба. В своей речи А. Гитлер акцентировал внимание на социально-экономической и политической нестабильности в немецком обществе, обозначая внутреннего врага (*бунтующие студенты, коммунисты, партии-противники*) и внешнего врага (*Советская Россия*), подчеркнув необходимость сплочения вокруг лидера, в связи с чем показательное его обращение: *«Соратники немцы!»* [Величайшая предвыборная речь Адольфа Гитлера. 1932 год, «ВКонтакте», электронный ресурс].

Пропагандистские стратегии прошлого хорошо экстраполируются и на современную реальность в ситуации острых социально-политических и экономических конфликтов. Например: *«В то время как простой народ пытается выжить на свою нищенскую пенсию и зарплату, начинает брать мелкие займы для того, чтобы элементарно купить поесть, когда медицина которая существует для видимости, уже практически не занимается лечением, цены в магазинах катастрофически выросли, а по заверениям Набиуллиной и некоторых других политиканов ситуация в стране должна ещё ухудшиться, и это по их заверениям надолго, или навсегда, с народа сдирают налоги, которые идут в том числе и на помощь олигархам»* [Лисовой, Яндекс-Дзен, 2022]; *«Город в шоке с происходящего»: жители Белгорода живут в страхе перед новыми бомбежками. Карта пострадавших от ракетных ударов – 16 населенных пунктов РФ обстреляли ВСУ»* [Костина, Курьер-среда, 05.07.2022]. В это семантическое поле входят также и страх перед неизвестностью, и страх предстоящих изменений, поскольку они относятся к базовым эмоциям конфликтогенности [Никитин, 2022]. В связи с тем, что люди предсказуемо испытывают страх перед неизвестностью, это явление спровоцировало выработку специфических психофизиологических реакций человеческого организма на неизвестность как на опасность и возможный дискомфорт при предъявлении конфликтогенной и деструктивной информации [Волкова, 2014; Дускаева, 2017; Копнина, 2020; Никитин, 2022]. Само появление авангардной и

пионерской ассимилирующей системы всегда базируется на ранее разработанной и уже функционирующей схеме, при которой новая ассимилирующая система выступает как инвариант, обеспечивая постепенный переход к новым условиям стандарта для эволюции интеллектуального развития. Несмотря на это, у целевой аудитории все равно возникает страх потери привычных условий.

Конфликтогенность далеко не всегда обнаруживается «на поверхности», что обусловлено законами человеческой психики, потому что для продуцента конфликтогенного дискурса сложно осознать и признать осознанность и целенаправленность провокативных конфликтогенных стратегий, нацеленных на психоэмоциональную систему восприятия реципиента с акцентуацией унижений, оскорбления, обесценивания и травли оппонента и пестованием чувства собственной значимости в глазах потенциального наблюдателя конфликта [Волкова, 2014: 51].

Контрастивная дихотомия «мы – они» заключается в создании избирательной выборки иллюстративного материала, благодаря которому реципиент оценивает факты, сведения, явления, личности людей в определенном ракурсе, что позволяет проводить демаркационные линии как на макроуровне идей и тем в локусе человеческой цивилизации и/или страны, так и на микроуровне в рамках одной личностной истории. Особенно ярко этот параметр наблюдается при использовании в российских массмедиа ссылок на успешный зарубежный опыт (типа: *израильские/ канадские/ китайские/ японские/ немецкие (...) ученые установили*), зарубежное признание (типа: *получивший признание в Италии и вернувшийся на отечественную оперную сцену и т.д.*).

Специфический отбор такого рода ссылок не просто нацелен на формирование общественного мнения о неправомерности/ неправомерности/ несоответствия описываемых действий общемировой практике, что в итоге разрушает индивидуальную этносоциокультурную идентичность реципиента, инициируя как внутрличностный конфликт, так и внешний социальный

конфликт. В этом случае конфликтогенность может реализовываться как на микроуровне (в одном новостном сообщении, одной публикации), так и макроуровне (в серии публикаций в разных источниках: печатные СМИ, видеосюжеты и т. п.). Конфликтогенная фактуализация выступает, как персуазивно обусловленное осмысление конфликта в сознании массового адресата через информирование, воздействие и развлечение. Например: «Нет, предыдущая *здравица* трехлетней давности - «*Да здоровствует азиопский народ*», - нынче *слабовата*» [Сошенко, Русская народная линия, 03.11.2016].

Мы считаем, что подробная классификация речевого акта, предложенная А. А. Кретовым [2021], в преломлении к конфликтогенному дискурсу позволяет определить такой дискурс как некий отрицательно заряженный коммуникативный знак, который возникает в психоэмотивной карте реципиента на пересечении вероятностных вселенных (или «возможных миров»» по А. П. Бабушкину [2001]), обладающих аналоговыми свойствами симулякра, а потому вызывающих схожие реакции, исходя из заданных продуцентом прагматических ориентиров в пространстве конфликтогенного медиадискурса.

2.2. Мотивационные критерии целеполагания в лингвопрагматических сценариях конфликтогенного дискурса

Не вызывает сомнений, что текст есть некий концентрат дискурсивной практики, которая включена в системную иерархию компонентов фоновых знаний, представленных в языковой картине мира [Хачмафова, 2010; Ruan, 2021]. Этот сложный механизм оказывает влияние на речемыслительные процессы, в том числе относительно вторичной интерпретации вербальной информации [Желтухина, 2003; Кретов, 2018; Леонтович, 2016; Тармаева, 2019]. Поскольку сегодня мы проживаем «в мире симулякров» [Бодрийяр, 2015], для которого характерна реальность метамодерна [Vermeulen, 2010], механизм вторичной интерпретации [Болдырев, 2011; Борисенко, 2004;

Блохина, 2021; Никитина, 2019; Якоба, 2022] довлеет над другими способами объяснения мира. Сегодня природа мотивационного целеполагания в конфликтогенном дискурсе базируется на медийном нарративе, в котором фактологический материал и его аналитика уступают готовым интерпретативным решениям, выступающим как эрзац-продукт цифровой реальности с более или менее целостным представлением о мире, что вступает в резонанс с индивидуальной картиной мира каждого реципиента. Так, показателен анализ сниженной лексики, которая присутствует в публичных речах Марии Захаровой, представителя МИДа России, что является характерным маркером негативно окрашенных фактов действительности «недружественных России стран», присутствующая поляризация оценок (реакция Запада на дело Навального – «обзывания», действия США по отношению к российским СМИ – «изничтожение» и т.п.) подчеркивает конфликтогенный характер общения между странами с разными мировоззренческими установками [Артемьева, 2021: 115]. Перед нами целенаправленная стратегия обесценивания конфликтогенных действий идеологических противников российской власти. Этой же обесценивающей стратегии «черного юмора» придерживаются и другие лидеры России. Например: *«Если бы бабушка была бы дедушкой»* - о курсе рубля; *«результат первой брачной ночи»* – о неизбежности объединения стран Евросоюза. Интерпретация юмора первых лиц страны в медиадискурсе также служит этим целям [Бакланов, 2014]. При этом для смягчения используется эвфемизация, которая еще больше снижает уровень ценности оппонента в общественном сознании [Антонова, 2010; Арсентьева, 2012; Беликов, Крысин, 2001; Седов, 2002]. Использование смехового дискурса как способа противостояния конфликтогенной манипуляции запускает механизм освобождения от внутреннего психологического напряжения, что позволяет исследователям говорить о блокирующей функции смеха, отменяя оценку ситуации с позиции логики и смысла, отвергая нормы морали и этикета [Антонова, 2010], поэтому значимость использования комического в СМИ возрастает [Дускаева, 2022].

Осмеяние конфликта возникает в процессе коммуникативного обмена значениями между индивидами с использованием переинтерпретации символов и/или знаков из общей лингвокогнитивной системы [Маслова, 2010: 10]. В итоге прагмалингвистика конфликта создает новое пространство, в котором акторы конфликтогенной ситуации соединены посредством использования коммуникативных тактик и стратегий жизненного цикла конфликта. Феномен понимания тесно взаимосвязан с представлениями и понятиями, которые являются параметрическими маркерами разных картин мира [Добровольская, 2020: 71].

Конфликтогенность базируется на противостоянии идей, ценностей, интересов, установок, из-за которых происходит ущемление одних за счет превознесения других. Однако феномен понимания выступает в провокативной роли, поскольку есть обыденное представление о ком-то/ или о чем-то, как нечто чрезвычайно простом, не требующем особых усилий, что употребляется повсеместно в значении «схватывать» или «усваивать смысл сказанного», и есть осознанное или неосознанное упрощение значимости текста как социокультурного конструкта [Каразия, 2006]. Исходя из этого, мы можем говорить о семиотике конфликта, поскольку коды, представляя собой общепринятые семиотические системы, построены «с участием разных по своей субстанции знаков, воспринимаются по-разному и не тождественны по своему положению в жизни общества» [Кубрякова, 1993: 21], при этом «знаки могут классифицироваться прежде всего по той субстанции, которая оказывается закононосителем, - и рев сирены, и витрины магазинов, и улыбка на лице человека - выступают для нас как репрезентирующие конкретные смыслы» [Кубрякова, 1993: 21]. Семантический континуум конфликтогенного дискурса в его многоуровневом объеме содержания, выступает, как «семантическое измерение семиозиса» [Моррис, 2001: 50], благодаря которому происходит репрезентация знака к означаемому объекту. Сама формула семиозиса, предложенная Ч. Моррисом, опирается на уровни

синтактики, семантики и прагматики, поскольку они эксплицированные константные составляющие процесса означивания.

Мотив, приводящий к конфликту, обозначается **конфликтогеном**, вбирая в себя генезис конфликта и вербальные маркеры конфликта [Шейнов, 2014: 7], в котором ведущая роль принадлежит агрессии [Налчаджян, 2007]. Например, разносторонний анализ и интерпретацию получила компания по уничтожению воробьев в КНР. При этом подчеркивается, что однобокий учет факторов опасности провоцирует акцентуацию более жестких вербальных средств атрибуции конфликта [Шергалин, 2015]. Сама борьба с воробьями стала эвфемизмом для обозначения бессмысленных действий и человеческой глупости. Например: «*Птичий геноцид. Как природа отомстила китайцам за воробьев*» (АиФ, 12.02.2018). Развитие конфликтногенного дискурса согласовано с закономерностью, именуемой **эскалацией конфликтогенов**, позволяющей манипулировать реципиентом, исходя из полученной ранее ответной реакции, с увеличением степени агрессии, критики [Горина, 2016: 30]. Такая стратегия является деструктивной, потому что человек отвечает на конфликтную реплику аналогично окрашенным, негативным ответом, зачастую с более сильным отрицательным посылом [Миронова, 2015]. Мы, вслед за В. П. Шейновым, считаем, что конструктивным выходом из конфликта может быть так называемый «благожелательный посыл», или некий вербально-невербальный знак позитивной окрашенности (улыбка, рукопожатие, проявление внимания и сочувствия, похвала, комплимент, проявление уважения и т.д.) [Шейнов, 2004: 242].

Инициация конфликта начинается с обозначения конфликтногенной мишени, обозначая некую внутреннюю связь между номеном и некоторым фактом/ предметом/ явлением/ личностью и т.п. как отражение эйдоса (идеальной сущности вещи). Например: «*Одумайтесь, Гейропа и Пиндосия! На кого пасть раскрыли?!*» (Одумайтесь, Гейропа и Пиндосия! На кого пасть открыли? - Последние новости России и Мира сегодня (anticwar.ru)), «*Поскольку Оркистан оказался в ситуации, когда он может только вести*

боевые действия в Украине и угрожать миру, в Москве решили усилить давление на Украину» (<https://ghall.com.ua/2022/04/26/zhest-otchayaniya-provokatsii-putina-v-pridnestrove-predvaryayut-agoniyu-rossii/>, 26.04.2022); *«Украиния - это не только страна ставших явью анекдотов, но и какая-то территория сюрреализма и оживших кошмаров»* (<https://zugunder.com/index.php?topic=223936.0>). Обозначение с помощью неких «игровых имен» (типа: *Оркистан*) позволяет соотнести оным «не только с именуемой мишенью «и ее идеальной сущностью, но и с образом (идеей) имени, который отражает способ интерпретации человеком сущности вещи» [Лотман, 1970: 42].

Вместе с тем сама проблема номинации [Киосе, 2015; Намитокова, 1998] является одной из краеугольных в конфликтогенном дискурсе, поскольку, используя прием аффективной номинации навешивания ярлыков (например, *ватник* вместо *русский*, *укроп* вместо *украинец*, *мавр* вместо *мигрант*), достигает успешного манипулирования общественным сознанием посредством массмедиа [Катермина, 2019а; Karabulatova, 2020]. Активно используется экспрессивная универбация [Абрегов, 2005] для усиления воздействия на реципиент массмассмедиа. Например, *нашист* «наши» + «фашист» (негативно-оценочный номинатив для обозначения сторонника российской прогосударственной точки зрения, или представителя движения «Наши» в оппозиционно-враждебном конфликтогенном дискурсе), также как «рашист» («Russia» + «фашист», крайне негативно-оценочная лексема с аналогичным значением), с одной стороны, направлены на усиление конфликтогенности в оценке воспринимаемого дискурса, а с другой стороны, насаждают неприятие социокультурной гражданской идентичности у граждан России, акцентируя к дихотомии «свой – чужой» (причем *нашисты* – это не есть *наши*): *«Чиновница Гладких заявила, что «государство не просило вас рожать и ничего не должно детям». А летом она создавала «кибердружину», искавшую подозрительные картинки в соцсетях и сдававшую людей полиции.*

Это и есть кадровый резерв Путина: оголтелые нацисты с людоедскими взглядами» (<https://www.svoboda.org>. 17.11.2018).

Если оттолкнуться от концепции Платона, то конфликтогенная ситуация, как знак, обладает четырехкомпонентной структурой, которая мотивирована эйдосом мишени, понимаемой как ее объективно существующий исток (рис.13).

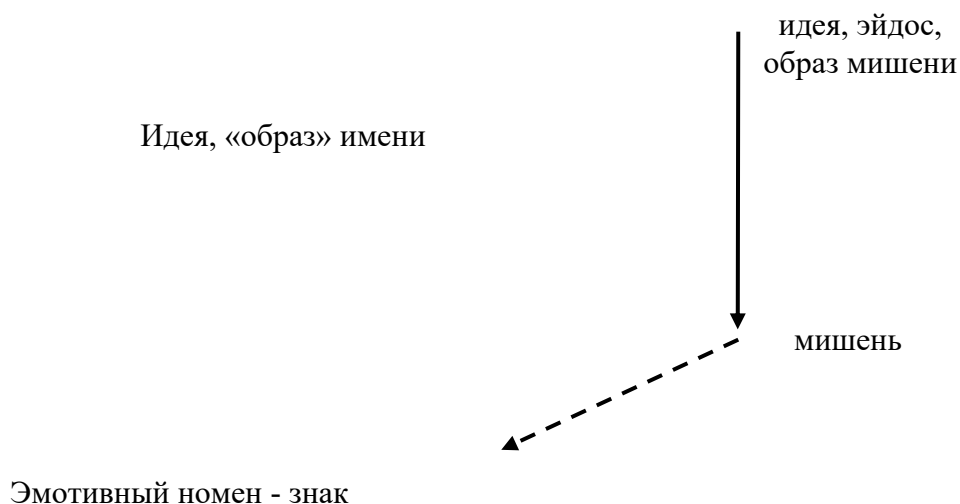

Рис.13. Четырехкомпонентная структура мишени, порождаемая эйдосом (обобщено нами по материалам [Античные теории языка и стиля, 1996] – М. Н.)

Сами мотивы могут быть детектированы из мифологем и идеологем, входящих в языковую картину мира реципиента как носителя языка. Так, например, для антропонимикона народов Северного Кавказа характерно использование ярко выраженных архетипов гендерного поведения [Абрегов, 2016; Намитокова, 1998], устойчивых мифологем [Унарокова, 2016]. При этом конфликтогенный массмедийный дискурс может апеллировать к мифологическим концептам языковой картины мира для усиления отрицательной реакции реципиента на предъявляемую информацию. Например, *«тысячелетнее рабство»* - «обесценивающая оценка взаимоотношений русского народа с другими народами России»: *«...С другой стороны, это вечная Россия, она же тысячелетнее рабство»*, (Эксперт. 2014. № 15).

Скрытые мотивы-конфликтогены, содержащиеся в самой структуре мишени, позволяют использовать их для веерного, разновекторного разворачивания конфликта. Содержание мотива тесно связано с субъективно формирующимся образом номена, который постигается, по Платону, на уровне логоса как лектон. Как подчеркивал А. Ф. Лосев, античные стоики под лектоном понимали «чисто смысловое содержание, которое выражено словом» [Лосев, 1989: 172]. Причем лектон как некая «идея имени» обладает этносоциокультурной спецификой «ауры» в разных языках, о чем писал еще Секст Эмпирик: «... мы ее воспринимаем, как установившуюся в нашем разуме, варвары не понимают ее, хотя и слышат слово» [Античные теории языка и стиля, 1996: 169]. Стоит отметить, что стоики указывали на реляционный характер лектона. Они связывали это с тем, что абстрактная реализация лектона воплощается лишь благодаря конкретному выражению в коммуникации [Античные теории..., 1996: 181]. Для нас важно, что лектон как мотивационный критерий целеполагания может быть представлен как в семантическом, прагматическом, так и синтаксическом аспектах. В связи с этим знаковая ситуация конфликта базируется на четырех столпах (рис. 14).

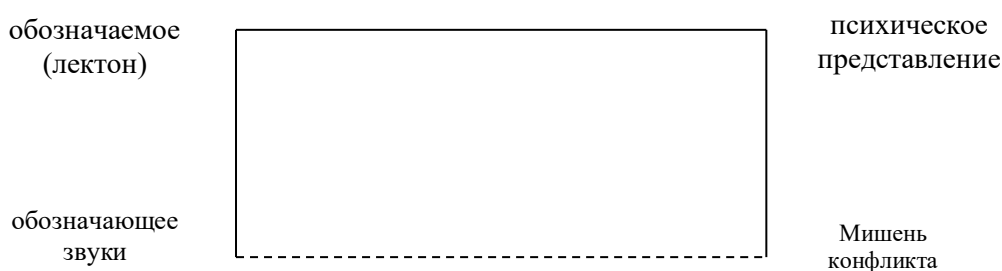

Рис.14. Модель конфликтогенного семиозиса ситуации (обобщено нами по материалам [Античные теории языка и стиля, 1996] – М. Н.)

Знак, с точки зрения стоиков, как двуединая сущность проецирует саму структуру знака на стадию функционального использования в речи, устанавливая стратегии с позиции адресата: «воспринимаемое» → «означающее» и «понимаемое» → «означаемое». Здесь, на наш взгляд, на передний план выдвигаются так называемые природные конфликтогены, как мотивационные критерии целеполагания конфликта. Среди природных

мотивационных конфликтогенов ведущая роль принадлежит агрессии, которая является одной из базовых человеческих реакций [Шейнов, 2004: 277–279]. Конфликтогенный потенциал агрессии проявляется в некоей ситуации из-за существования внутреннего конфликта индивидуума вследствие определенных обстоятельств (типа: *жизненные неприятности, плохое здоровье, смерть близких, потеря работы и/или жилья, развод, свадьба* и т. д.), ситуативная агрессия является ответной реакцией на предъявленный конфликтоген.

Например: *«Ты мне по понятиям, что ли, пытаешься предъявить?»* — заявил Соловьев. — *То есть я должен говорить, как с губернатором? Следить за базаром поганой метлой? Это вот что сейчас было — „следить за языком“? То есть ты мне стрелку, что ли, забиваешь? Это что, „уралмашевское“ прошлое сказывается? Не завода, а преступных группировок бандитских. За языком следить? Это у нас государственный муж! А может, Куйвашев присоединится теперь к тем, которые меня грохнуть пытались?»* (Соловьев – губернатору Куйвашеву: *«По понятиям пытаешься мне предъявить? Стрелку забиваешь?»*), Бизнес-онлайн, 28.04.2022). В результате психическое представление о конфликтогенной ситуации провоцирует **фрустрацию**, т.е. такое состояние, которое, по мнению психологов, мотивировано присутствием реальной или воображаемой помехи, которая препятствует достижению цели реципиента [Лебедева, 2017]. Конфликтогенность поведения В. Соловьева способствует усилению негативных настроений в обществе, повышая градус допустимых отрицательных реакций в публичном пространстве. Например: *«Центр мерзотной либероты»* («Центр мерзотной либероты»: наезды Соловьева на Екатеринбург и ответы уральцев — в одном видео, Новости Новосибирска, 28.04.2022).

В этом случае конфликтогенная ситуация, исходя из «договорной теории» Аристотеля, являет собой пример типичной знаковой ситуации,

которая выступает как совокупность трех составляющих: 1) предмет/ объект конфликта, 2) представление о предмете конфликта, 3) слово (рис.15).

Рис.15. Модель конфликта как знаковой ситуации (обобщено нами по материалам [Античные теории языка и стиля, 1996] – М. Н.)

Следует обратиться к схоластам, которые вслед за Платоном и Аристотелем, стали разграничивать имя и предмет. Однако схоласты трактовали языковой знак как бинарную психическую сущность, которая аккумулировала в себе не только означающее и означаемое, но и представляемый образ вещи. Исходя из схоластических догматов, модель мишени в конфликтогенном семиозисе включает в себя четыре компонента (рис.16).

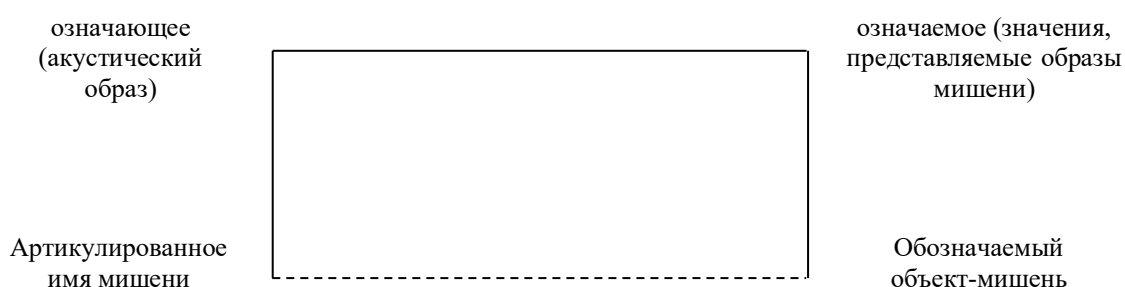

Рис.16. Модель мишени в конфликтогенном семиозисе: позиция схоластов (разработано нами по материалам [Античные теории языка и стиля, 1996] – М. Н.)

Теоретические идеи модистов отождествляли модус существования и модусы познания и обозначения вещи. В связи с этим модисты выделили так называемый модус обозначения, который стал пониматься как в акустическом

представлении имени, так и двух типах значения: *dictio* - предметном и *parsorationis* – грамматическом. Кроме того, мысль о тождестве языковых и логических категорий стала концептуальным обоснованием рационалистической теории в интерпретациях мишени конфликта как языкового знака, в которых идея объекта конфликта соотносима с идеей звука [Курашкина, 2007]. Отсюда, на наш взгляд, такое доминирование сниженной лексики в выступлениях В. Соловьева с ярким фоносемантическим антропофонным представлением в сознании реципиентов: «*забить стрелку*», «*мерзотная либерота*» и т. п., направляющей внимание целевой аудитории по заданному вектору.

Не случайно, в свое время авторы грамматики Пор-Рояля, атрибутировали языковые знаки как сущность, обладающую двумя сторонами: «Первая – то, чем они являются по своей природе, а именно звуки и буквы. Вторая - их значение, то есть способ, каким люди используют их для означивания своих мыслей» [Арно, 1991: 71]. Мотивационные критерии конфликтогенности массмедиа тесно связаны с работой по вовлечению целевой аудиторией, что обусловлено эмоциональным восприятием темы конфликтогенного сообщения и объекта-мишени. Наглядно это видно в освещении конфликта по поводу земельного участка ИКЕА в Подмосковье: «*Арбитраж подтвердил права ИКЕА на землю под главным офисом в Химках*»; «*В Сети раскритиковали «ИКЕА Россия» за сравнение женщины с собакой*»; «*ИКЕА продаст все фабрики в России*»; «*Арест участка ИКЕА в Химках продлили до 28 февраля*» и т.п. При этом эмотивное понимание самого процесса обозначения возводит в абсолют специфику индивидуально-чувственных образов в разнообразии всей эмоциональной палитры оттенков, которые соотносятся в сознании реципиентов не только с воспринимаемым объектом-мишенью, но и с ее именем. Позиционирование ИКЕА идет вроде в нейтральном дискурсе, однако с формированием яркого негативного образа объекта-мишени с помощью слов с сильно выраженным негативным коннотатом и отрицательным этнолингвокультурологическим ассоциативным

«шлейфом»: *арест, продажа всех фабрик, сравнение женщины с собакой* и т. п. Следует отметить, что в европейском медиадискурсе скандал вокруг «российской» IKEA использовал другие триггеры: *детский труд, нелегальное производство в России* (The illegal Russian wood hidden inside Ikea children's furniture, Earthsight, 15.07.2021; Losing the good fight: IKEA's struggle to remain honest in Russia, Russia beyond, 29 August 2016). Земельный конфликт в Химках из-за строительства IKEA (2016-2021) был инициирован 7 основными публикациями в значимых источниках, которые послужили основой для 198 тыс. публикаций об этом конфликте только в российских медиаисточниках. Этот пример подчеркивает значимость отражательной функции языка, имеющей базовый онтологический характер, поскольку содержательная сторона языка проявляется, по мнению В. фон Гумбольдта, как сформированный уклад интеллектуально-чувственного восприятия окружающего мира [Гумбольдт фон, 1984: 63].

Эта логика присутствует и в разворачивании конфликтогенной модели в массмедийном дискурсе, ориентированном на трансформацию общественного сознания к тому или иному факту, явлению, событию, что наглядно представлено на рис.17. Алгоритм лингвоинформационной атаки, представленный на рис.17, позволяет понять, кто является мишенью, какие темы достижения скандальности и конфликта могут быть использованы, и кто является основным бенефициаром в случае успешной лингвоинформационной атаки. Далее мы смотрим, какими средствами достигается цель. Особенно ярко это можно было наблюдать на примере «скандала» на тему якобы «трансгендерности» жены президента Франции (рис.17). Серия информационных атак сопряжены с выстраиванием коммуникативных стратегий полимодального восприятия информации в зависимости от общекультурного багажа предполагаемой когортной группы [Стернин, 2011].

Рис.17. Алгоритм работы с пониманием мотиваций конфликтного дискурса в СМИ на примере скандала вокруг четы Макрон (авторская разработка – М.Н. Фотография четы Макрон из открытых источников: <https://www.medikforum.ru/persons/70851-bridzhit-makron-boyalas-chto-buduschiy-prezident-francii-zahochet-ot-nee-detey.html>)

Противники Э. Макрона неоднократно акцентировали внимание на значительной разнице в возрасте между супругами, имплицитно указывая на несамостоятельность фигуры самого Э.Макрона. В конфликтном медиадискурсе получил особое распространение такой коммуникативный типаж, как конфабулятор, который занимается фальсификацией информации и ее продвижением в общественном сознании [Рязанцев, 2012]. Особая роль конфабулятора заключается в создании конфликтной информации, распространяемой с помощью искусственных слухов (например, информация о том, что жена Макрона – трансгендер, сделавший себе операцию по смене пола). У любого анонимного слуха есть автор, который неизвестен большинству адресатов текста, но лично выбран заказчиками конфликтной информации для старта «движения» ложной и/или конфликтной информации. Так, в ряде СМИ была подана информация о «трансгендерности» Б.Макрон. Например: «Грандиозный скандал – еще на предстартовой фазе президентской гонки во Франции, который, безусловно, характеризует политическую культуру страны, что из века в век своими мыслителями определяла европейские и мировые духовные тренды. (...)

Оказывается, *первая леди Франции* родилась изначально *мужчиной*. Эта *грязь* сейчас во Франции *переполняет* социальные сети, а вся история говорит о явных признаках *культурной деградации*» [Киселев, Вести.ру, 26.12.2021]; «Жена президента Франции Эммануэля Макрона Брижит заявила, что *злоумышленники* с помощью *манипуляций* с данными *выдали* ее за родного брата и *обвинили* в том, что раньше *она была мужчиной*» [Кошечкина, Лента.ру, 14.01.2022]; «*Трансгендер ли Бриджит Макрон?*» [Игнатов, Журналистская правда, 23.12.2021] и т. п. На фоне такой новости предыдущая «о разнице в возрасте» утрачивает свою значимость, исчезая за новой волной интерпретаций, появившихся в результате другой информации.

Конфабулятору противостоит ролевая позиция понимающего собеседника, который выполняет функцию третейского судьи, пресекающего токсичные слухи, заполняя информационные лакуны «проверенной информацией» из «достоверных источников». Так, журналист Г.Игнатов размышляет о скандале вокруг якобы трансгендерной Б.Макрон и предлагает свое видение и решение данной проблемы со ссылкой на устойчивые мифологемы в истории, связанные с правлением так называемой папессы Иоанны, после чего при избрании на престол папы стали использовать специальное кресло для проверки гендерной принадлежности: «*Во Франции бушует конспирологический шторм – десятки тысяч людей обмениваются друг с другом версией, что жена французского президента, Брижит Макрон, на самом деле является не урождённой женщиной, а трансгендером. Какой бы ни была безумной эта теория, она сразу же нашла живейший отклик в массах и большое количество сторонников...*» [Игнатов, Журналистская правда, 23.12.2021]. Журналист ориентирован на максимальный охват целевой аудитории, повествует о нормах морали, принятых в европейском и французском (как части европейского) обществе. Такой посыл в сторону возможной трансгендерности не нов. Достаточно вспомнить, что одиннадцать лет назад в Интернете также всплывали вопросы о возможной транссексуальности Валерии Новодворской [Правда, что Новодворская

транссексуал???, ответы.mail.ru, 2011]. Апелляция к авторитетным экспертам переносит конфликт в другую плоскость, обращая внимание аудитории на мелочи, проводя так называемый фактчекинг, нейтрализуя скандал: *«Пластический хирург Абозин определил, может ли жена Макрона быть трансгендером»* [Миссуми, Life, 20.12.2021].

Вербально-невербальное поведение лидера общественного мнения (ЛОМа), выступающего в качестве доверительного собеседника в конфликтогенном медиадискурсе по отношению к целевой аудитории, играет одну из ключевых ролей, поскольку позволяет скорректировать общественное мнение в ту или иную сторону. Исходя из этого, идеологические оппоненты в конфликтогенном медиадискурсе привлекают ЛОМов, чтобы создать атмосферу независимой экспертизы, авторитетности оценок и прогнозов, эмоциональной компрессии для максимального воздействия на целевую и потенциально целевую аудитории. Так, конфабуляторы-эксперты обращали внимание аудитории на черты лица Б. Макрон, строение ее фигуры, неестественную густоту волос, яркий и сильный макияж: *«Ее плечи слишком широкие, как у мужчины, ну физиологически такого не может быть. Вы можете поставить три головы на мужские плечи и только две на женские. Такова анатомия. И бедра у женщины шире, чем у мужчины. А посмотрите на ее руки. Как она стоит – четко прямо. Ну не похожа она ни на одну из женщин, которых я видел», – говорил телеведущий Алекс Джонс»* [Первая «не леди»? Кто и зачем подогревает скандал с трансгендерностью Брижит Макрон, Мир.24, 26.12.2021]. Конфабулятор всегда связан с сетью групп поддержки, которая способствует «полевому рассеиванию» информации своего ЛОМа. В эту сеть входят такие конфликтогенные коммуникативные типажи, как **агитатор, разносчик-распространитель, провокатор, стресс-менеджер по быстрому реагированию, флешмоб-организатор шок-контента**. В медиапространстве эти типажи реализуются, как одиночки, и в рамках небольших групп и сообществ. Нейтрализация конфликтогемы *«трансгендерный скандал Первой леди Франции»* в российских СМИ был

завершен публикацией серии материалов о том, что *«Брижит Макрон подает жалобу на распространителей слухов о том, что она трансгендерная женщина»* [Панкина, Spletnik, 21.12.2021]. Далее указывается, что ее внешность не соответствует канонам, поскольку она достаточно возрастная женщина. Следует отметить, что сам по себе эйджизм достаточно силен в современном обществе, поэтому существует стигматизация таких изначально заданных природой координат, как возраст и пол. При этом исследователи разных стран подчеркивают, что само по себе не принятие возраста и старости в обществе обусловлено страхом перед беспомощностью, увяданием и смертью [Qin, 2022].

Для нейтрализации такого воздействия были предприняты контратаки информационного воздействия, демонстрирующие, что чете Макрон легче будет добиться понимания и согласия с А. Меркель, а, следовательно, «выбить» дополнительное финансирование для Франции. При этом инициаторы и пролонгаторы конфликта не анализировали кинестетический язык Б. Макрон, ни особенности ее речей. В связи с этим справедливо мнение Е. И. Горошко о гендерной стереотипизации восприятия образов мужчины и женщины, поскольку мужская аудитория акцентирует внимание в образе современной женщины на тех чертах, которые демонстрируют ее отношение к мужчинам в целом, а женская аудитория анализирует представленность деловых качеств в образе женщины [Горошко, 1996]. В то же время З. Р. Хачмафова апеллирует к гендерной эмотивной карте, подчеркивая, что для мужчин свойственно сверхкритичное отношение к женщинам с усиленной негативизацией, в то время как женщины настроены на выражение позитивных эмоциональных оценок [Хачмафова, 2010].

В связи с этим в методологии конфликтогенного медиадискурса необходимо рассмотрение гендерного психолингвистического портретирования [Хачмафова, 2010]. При этом особое место занимает детекция истинности автора устной и письменной речи с позиции гендера, выявление имитативного вербально-невербального и имитативного

паравербального поведения с позиции гендеристики. Данная тактика, изначально распространенная в преступной среде, получила «второе дыхание» в эпоху цифровой коммуникации, развиваясь в виде фейков, дипфейков и пранка. Сам факт имитации может быть связан с попытками дискредитации объекта-информационной мишени и приписыванием этому объекту несвойственных высказываний, созданных в рамках стереотипного гендерного поведения, усиливающих конфликтность восприятия в целевой аудитории с акцентом на универсальную оппозицию «мужское – женское». Недостаточная проработка четко верифицируемого репертуара конфликтных признаков мужского и женского вербально-невербального поведения является одной из существенных причин распространения конфликтности в обществе.

Языковое содержание, которое рассматривается на вербальном уровне, соотносится с ближайшим и дальнейшим значениями используемого слова. Причем, ближайшее значение выступает как общий для всех носителей языка содержательный объем, включающий определенное количество признаков, дальнейшее значение расценивается как результат субъективного восприятия и включает неограниченное открытое множество признаков, варьирующих в сознании носителей языка. В итоге возникает проблема истолкования имплицитных смыслов реципиентом, которая создает у адресата необходимость обладания полным контекстом ситуации предоставляемой информации. При этом продуцент сообщения может понимать, а возможно и нет, что целевая аудитория неоднородна, поэтому реципиенты погружены в различные слои информационного фона [Скулимовская, 2013: 31], поэтому значимость имплицатур в конфликтном сообщении будет различной.

Не случайно в свое время Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» позиционировал семиотический статус языковой системы как некий объективно существующий, самоорганизующийся базис развития семиологических исследований, отмечая, что благодаря лингвистике семиология увидела знак с иной позиции, возведя понимание сущности знака

на новую высоту, когда «его не только можно передавать, но и что он по самой своей природе предназначен для передачи» [Соссюр де, 1977: 105]. Соссюр, развивая теорию о конвенциональности знаков, выходит на обоснование двусторонней природы языкового знака, позиционируя этот факт, как фундаментальное свойство последнего. Поскольку интерпретативная составляющая конфликта является едва ли не движущей силой распространения конфликтности, конфликты могут быть подразделены, исходя из мотивов, на несколько групп, которые можно представить в виде следующей схемы (рис.18).

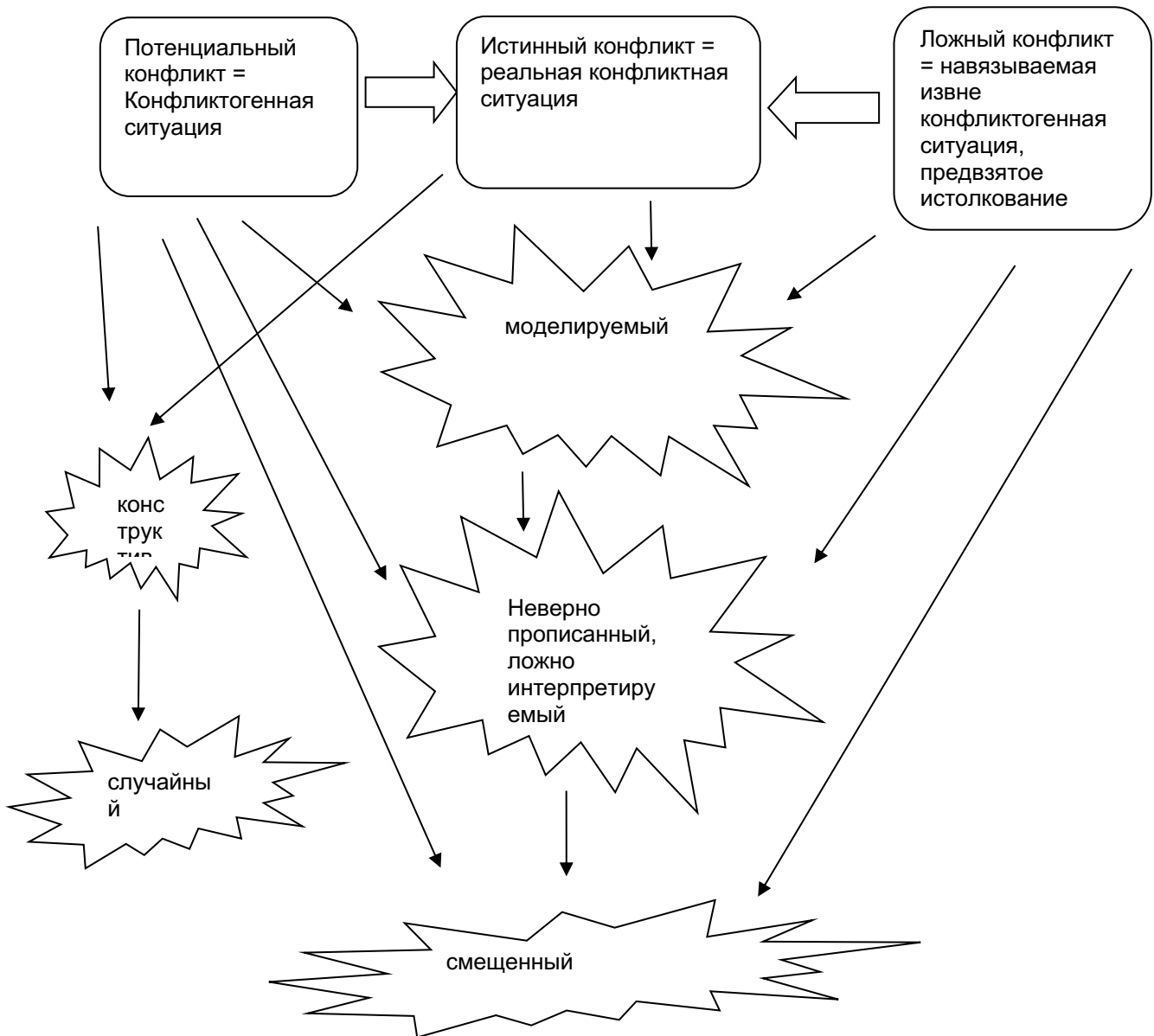

Рис.18. Типология конфликта, исходя из восприятия реципиентом и мотивационных установок продуцента (авторская схема – М. Н.)

Как можно видеть из предложенной нами схемы (рис.18), истинный конфликт, базирующийся на реальном столкновении между сторонами-участниками конфликтной ситуации, является целью для продуцентов как ложного конфликта, так и потенциального конфликта. Истинный конфликт опирается на реальном факте противостояния неких объективных существенных оппозиций, которые обнаруживаются в открытой конфронтации субъектов конфликта [Козырев, 2022]. При этом сам истинный конфликт может реализовываться как в случайном конфликте, так и в заранее моделируемом конфликте, а также в смещенном и неверно интерпретируемом конфликте. Эти формы конфликта могут быть как в бытовой коммуникации, так и в общественно-политической. Продуцируемое конфликтное поведение в коммуникации само становится причиной возбуждения у реципиента необходимости выбора в принятии позиции, решения с уходом от вариативных альтернатив, формируя деструктивный исход конфликта с сопутствующим психотравмирующим эмоциональным компонентом.

Однако ложный конфликт, как и другие типы конфликта, может неверно трактовать конфликтные факторы, в силу чего возникает ложно интерпретируемый конфликт, при котором истинный виновник находится за «кулисами» противостояния, но подталкивает к конфликту участников, не имеющих реального отношения к этому конфликту. Например, таковы обвинения в каком-либо правонарушении в сторону моделируемой мишени конфликта, при этом сама мишень не совершала в реальности этого преступления. Ложный конфликт потому и считается ложным, потому что он трактует ситуацию, как конфликтную, несмотря на отсутствие реальных причин для конфликта как такового. Иными словами, ложный конфликт «видит» то, чего нет на самом деле, основываясь на когнитивном искажении восприятия реальности [Пикалина, 2021]. Задача ложного конфликта – создание и нагнетание конфликтной обстановки и изменение установок в обществе.

Потенциальный конфликт, или конфликтогенная ситуация имеет место быть в реальности, однако не угроза развития конфликта при этом как-то не осознается в силу субъективно-объективных причин. В свою очередь, потенциальный конфликт может быть: 1) конструктивным, т.е. развившимся на базе реальных противоречий между участниками; 2) случайным, или ситуационным, возникнув на основе случайного стечения обстоятельств или вследствие недопонимания/ недоразумения; 3) ложно интерпретируемым, исходя из интересов реального «интересанта» / выгодоприобретателя от ситуации конфликта. В этом случае конфликт рассматривается с позиций теории кооперации и конкуренции М. Дойча в рамках закона социальных отношений, поскольку целеполагание обусловлено общностью целей и интересов участников, а конкуренция – на их различиях [Гришина, 2008: 63].

Смещенный конфликт имеет некоторые общие черты с моделируемым и ложно интерпретируемым конфликтами, поскольку в смещенном конфликте акцент формирования конфликта базируется на ложном основании, когда истинная причина скрыта от окружающих. Такая ситуация типична для учебной коммуникации между преподавателем и студентом/учеником, в ходе которой обучающийся вступает в конфронтацию с педагогом с целью избежать возможного оценивания знаний в ходе тестирующих вопросов и т. п. [Куприянов, 2011; Белинская, 2009].

Приведенная нами схема достаточно условна, поскольку реальная жизнь пронизана взаимосвязями, которые объединяют различные сферы жизни общества. В связи с этим, например, А. В. Дмитриев дополнительно классифицировал конфликты, исходя из их ресурсности, выделяя материальные, духовные, социальные ресурсы, учитывая психоэмоциональный компонент, идеологические доктрины и принадлежность к тем или иным политическим, гражданско-правовым и общественным институтам [Дмитриев, 2000: 68–69]. Так, конфликты в среде мигрантов могут быть обусловлены как этноконфессиональными мотивами, так и политическими, бытовыми, межличностными причинами [Коробов, 2008].

В то же время конфликты в семейно-бытовой коммуникации могут возникать не только на базе межгендерных противоречий [Коростылева, 2003], но и на базе политических разногласий. Например, «Газета.ру» сделала специальный обзор с привлечением психологов и психотерапевтов, которые поясняли, почему *«в российских семьях обострились конфликты из-за политических разногласий»* [Сашина, Газета.ру, 01.03.2022].

В качестве примера конфликтного события можно привести разразившийся в августе 2022 г. скандал в семье представителя югорской политической элиты, стоившей карьеры Э. Исакову, вынужденному подать в отставку [Артемьев, Ура.ру, 19.08.2022; Завьялов, Ура.ру, 20.08.2022]. Только сайт Ура.ру сделал свыше 10 основных публикаций за два дня (19–20 августа 2022), привлекая все большее количество экспертов, заинтересованных лиц и лидеров мнений: депутат Госдумы Валерий Милонов, экс-супруга сенатора Наталья Томенчук, глава холдинга «Минченко консалтинг», политконсультант Евгений Минченко, политолог Дмитрий Журавлев, директор департамента общественных, внешних связей и молодежной политики Югры Елена Шумакова, Уполномоченная по правам человека в ХМАО Наталья Стребкова, правозащитник, экс-председатель совета при президенте РФ по правам человека Михаил Федотов и т.д. Сам алгоритм информационной операции, нацеленной на элиту Ханты-Мансийского округа-Югра РФ, являющегося центром нефтедобывающей отрасли страны, разворачивается в нескольких направлениях, затрагивая, как образ чиновника – безответственного отца, бросившего мать с ребенком после развода ради карьеры и не выстраивавшего поддерживающую коммуникацию с собственной дочерью, так и с бывшей женой, имплицитно конструирует у реципиентов негативный образ всей элиты России. При этом попытки политического истеблишмента округа устраниться от ситуации были подвергнуты крайне критическими заявлениями о необходимости чисток среди элит разного уровня со стороны лидеров политической элиты России. Одновременно мы обнаруживаем в том же выпуске публикацию о другом

скандале «с подачей заявки на получение президентского гранта для оказания помощи жителям Донбасса» [Завьялов, Ура.ру, 19.08.2022], что позволяет нам объединить эти два скандала в одно целое комплексное информационное мероприятие по формированию негативного имиджа политических элит России.

Маленький промежуток между публикациями, четкая направленность на объект-мишень (Эдуард Исаков = политическая/ «нефтяная» элита Югры\ России) в разгар другого скандала вокруг поставок российской нефти на Запад позволяют сделать вывод о том, что перед нами специально подготовленная информационная операция. Нагнетание ситуации вокруг непростых взаимоотношений между «отцами и детьми» шло по нарастающей, что позволяет нам определить такой прагматический алгоритм как психолингвистическую информационную операцию:

№	Мишень – инфообъект	Направление информационной атаки	Пример
1	Нефтяная элита России	Региональные власти ХМАО	Завьялов, Д. В ХМАО разразился скандал из-за грантов для помощи Донбассу. Ура.ру, 19.08.2022. В ХМАО разразился скандал из-за грантов для помощи Донбассу (ura.news)
2	Нефтяная элита РФ	Семейные ценности, конфликт «отцов и детей», спецоперация, власть	Артемьев, А. Югорский сенатор Эдуард Исаков назвал свою дочь от первого брака Диану Исакову предателем за осуждение российской спецоперации на Украине. Ура.ру, 19.08.2022, Сенатор из ХМАО назвал

		оппозиция, «старая» Россия – «новая» Россия,	дочь предателем из-за критики спецоперации (ura.news) Сенатор назвал дочь «предателем» из-за ее критики «военной операции» на Украине, Forbs, 19.08.2022, Сенатор назвал дочь «предателем» из-за ее критики «военной операции» на Украине Forbes.ru
3	Региональн ые власти	Конфликт «центр – регион»	Бестужева, О., Завьялов, А. Депутат Госдумы осудил сенатора ХМАО за отречение от дочери. Ура. Ру, 19.08.2022, Депутат Госдумы осудил сенатора из ХМАО за отречение от дочери (ura.news)
4	«центральн ая власть» России	Конфликт «центр – регион»	Завьялов, Д. Политэлита ХМАО встала на поддержку сенатора в скандале с дочерью. Ура. Ру, 19.08.2022. Политэлита ХМАО встала на поддержку сенатора в скандале с дочерью (ura.news)
5	Политическ ая элита РФ	Россия - Запад	«Он мне сказал, что я враг народа»: Дочь члена Совета Федерации выступила против военной операции и покинула Россию, Капитал страны, 19.08.2022, «Он мне сказал, что я враг народа»: Дочь члена Совета Федерации выступила против военной операции и покинула Россию Капитал страны (kapital-rus.ru)

6	Региональн ые власти	Конфликт «центр – регион»	М. Подкин, Завьялов, Д. Экс-глава СПЧ пристыдил сенатора из ХМАО за скандал с дочерью. Ура.ру, 20.08.2022, Экс-глава СПЧ пристыдил сенатора из ХМАО за скандал с дочерью (ura.news)
7	Политическ ая элита РФ	Конфликт «центр – регион»	Завьялов, Д., Артемьев, А. Политолог предрек отставку сенатора Исакова из-за скандала. Ура.ру, 20.08.2022, Политолог предрек отставку сенатора Исакова из-за скандала (ura.news)
8	Россия	«Россия – Запад», «власти – оппозиция»	Завьялов, А. Дочь сенатора из ХМАО, осудившая СВО, подалась в оппозицию. Ура.ру, 20.08.2022, Дочь сенатора из ХМАО, осудившая СВО, подалась в оппозицию (ura.news)
9	Политическ ая элита РФ	Россия – страны Запада, раскол внутри элиты	Завьялов, Д. Дочь сенатора из ХМАО после скандала с отцом улетела в Грузию, Ура.ру, 20.08.2022, Дочь сенатора из ХМАО после скандала с отцом улетела в Грузию (ura.news)
10	Элита РФ	Раскол внутри элиты РФ	Завьялов, Д. Милонов: скандал с дочерью сенатора ХМАО — повод для чистки элит, Ура.ру, 20.08.2022, Милонов: скандал с дочерью сенатора ХМАО — повод для чистки элит (ura.news)
11	Региональн ая элита РФ	Оппозиция «центр – периферия»,	Завьялов, Д., Подкин, М. Власти ХМАО отстранились от скандала с

		регионализация и централизация власти	дочь сенатора Исакова, Ура.ру, 20.08.2022, Власти ХМАО отстранились от скандала с дочерью сенатора Исакова (ura.news)
12	Политическая элита РФ	Семейные ценности	Бестужева, О., Завьялов, Д. Экс-жена сенатора Исакова заступилась за дочь, осудившую СВО, Ура.ру, 20.08.2022, Экс-жена сенатора Исакова заступилась за дочь, осудившую СВО (ura.news)
13	Элита РФ	Семейные ценности, морально-этические нормы	Завьялов, Д. Подкин, М. Экс-жена сенатора Исакова осудила его за отречение от дочери, Ура.ру, 20.08.2022, Экс-жена сенатора Исакова осудила его за отречение от дочери (ura.news)
14	Элита РФ	Противодействие Западу, покаяние, оправдание, соответствие нормам этики и морали	Бестужева, О., Завьялов, Д. Сенатор Исаков заявил, что не отрекался от дочери, осудившей СВО, Ура. Ру, 21.08.2022, Сенатор Исаков заявил, что не отрекался от дочери, осудившей СВО (ura.news)
15	Элита РФ	Вброс новой информации, приоритет семейных ценностей	Сенатор Исаков опроверг отречение от осудившей СВО дочери, Лента.ру, 22.08.2022, Сенатор Исаков опроверг отречение от осудившей СВО дочери: Политика: Россия: Lenta.ru «Она разрывает мое сердце»: сенатор Исаков рассказал об отношениях с

			дочерью. Полный текст заявления, 86.ru, 22.08.2022, Сенатор Исаков рассказал об отношениях с дочерью, полный текст заявления, 22.08.2022 г. 86.ru - новости ХМАО — Югры
16	Элита РФ	Обесценивание опровержения, уличение во лжи	Сенатор Исаков отрекся (а потом сказал что не совсем) от дочери из-за позиции по военной операции, AfterShok, 25.08.2022, DjSens • Сенатор Исаков отрекся (а потом сказал что не совсем) от дочери из-за позиции по военной операции (aftershock.news)
17	Элита РФ	Восстановление семейных ценностей, поддержка	Матвиенко пыталась помочь сенатору Исакову в скандале с дочерью, Ура.ру, 25.08.2022, Матвиенко пыталась помочь сенатору Исакову в скандале с дочерью (ura.news)
18	Политическая элита	Обесценивание скандала	Политолог о семейном скандале сенатора Исакова: «Мыльные оперы в политике случаются», Ханты-Мансийский автономный округ, 25.08.2022, Политолог о семейном скандале сенатора Исакова: «Мыльные оперы в политике случаются» Ханты-Мансийский автономный округ ФедералПресс (fedpress.ru)

Рис.19. Информационная операция против политической элиты России на примере скандала вокруг сенатора Э. Исакова (август 2022 – составлено нами – М.Н.)

Последние публикации (№№14-18) являются попыткой нейтрализации негатива, опубликованного ранее. Как видно из таблицы (рис.19), инициаторы конфликта использовали разные обоснования, с учетом уровня культуры участников конфликта и реципиентов информации, степенью принятия норм и традиций семьи, региона, страны. Данный конфликт демонстрирует, что в российском обществе представлено несколько конфликтующих подсистем: *семья – общество, власть – оппозиция, семья – карьера, тиран/ абьюзер – жертва, отцы – дети, центральная власть – регион, элита – простые граждане, Россия – Запад* и т.п. Каждая подсистема провозглашает собственные интерпретации по отношению к прошлому страны и ее руководителям, к современной политической ситуации, направленности социально-экономического развития как единственно правильные по следующим осям: *«центр-периферия/регионы», «отцы – дети», «элита – простые граждане», «Россия – Запад», «правительство – оппозиция», «тоталитаризм – демократия»* и т.д.

Вместе с тем поливариативность конфликтогенных мотивов связана с разнообразием типов конфликта как такового, что обусловлено социальной структурой общества, в которой люди как социальные элементы взаимодействуют друг с другом, попадая в некоторых обстоятельствах в ту или иную конфликтогенную ситуацию.

2.3. Матрица конфликтогенного дискурса: свойства и признаки

При анализе поликодовой трансляции конфликтогенности в массмедиа-публикациях обнаруживается многослойность с характерными признаками и свойствами, которые управляют когнитивными процессами в сознании реципиента, что позволяет составить методику анализа конфликтогенного мультимодального массмедийного дискурса. Рассмотрим матрицу конфликтогенного дискурса с креолизацией информации в массмедиа.

Мы считаем, что сама матрица опирается на алгоритм рассмотрения слоев и кодов самого массмедийного дискурса, состоящего из нескольких слоев, которую можно обозначить как полимодальную и поликодовую [Лунькова, 2016; Полимодальные измерения дискурса, 2021].

2.3.1. Слой 1: информационный повод и персонализированные мишени в конфликтогенном массмедийном дискурсе

Любой политический конфликтогенный дискурс, как правило, посвящен конкретному политическому событию (скандал, связанный с Б.Макрон; скандал в семье сенатора Исакова; конфликты из-за СВО и т.п.). Кроме того, наблюдается корреляция между провокативной публикацией и стартом общественной дискуссии, которая обнаруживает существующую в обществе оценку сложившейся политической, социокультурной, социально-экономической ситуации. Провокативная публикация может быть представлена как в информационном ключе, так и в карикатурном. Например, сообщение о том, как российский летчик спас пассажиров и самолет, посадив летательный аппарат на кукурузном поле [«Он спас 233 жизни»: пассажиры о пилоте Дамире Юсупове, который их спас, посадив самолет на кукурузу, Комсомольская правда. Урал, 15.08.2020], стало стартом для масштабного обсуждения в СМИ. Однако предприимчивые граждане стали использовать этот факт в ином контексте (объявления о продаже кукурузы, якобы «с того самого поля»), что позволяет справедливость утверждения, что информация является «новой нефтью» XXI века [Мишустин считает, что данные - новые нефть, платина и золото XXI века, ТАСС, 22.05.21]. Казалось бы, такой безусловно заслуживающий поощрения, как спасение жизней, все равно стал предметом споров [Степанов, Царьград, 21.11. 2019; Что скрывает следствие по делу о героической посадке в кукурузу, за которую наградили пилотов, Бортпроводник, Дзен-канал, 20.01.2020], привлекая внимание различные слоев общества, в том числе как маркетинговую стратегию [Симонова,

Семенова, Комсомольская правда-Саратов, 2019]. Информация, особенно конфликт-контент, считается новым трендом медиалингвистики мнений [Алентьева, 2021; Костюков, 2004], в которой большое место занимает использование тегов, использование чужого инфоповода и поиск самых обсуждаемых новостей с целью собственного пиара, использование принципа соревновательности, провоцирование более экспрессивных эмоций у реципиентов. Без учета психологического контура проблематично понимание авторской интенции в ситуации невладения информацией по теме конфликтного дискурса. Для разворачивания конфликтного дискурса, по мнению психологов, современные массмедиа активно используют устойчивые мифологемы и архетипы человеческой цивилизации, что позволяет переводить конфликт в зону мифологической части восприятия действительности (рис.20), обеспечивая конфликту устойчивую воспроизводимость в человеческом сообществе [Ольшанский, 2001]. Предлагаемая шкалированная схема позволяет учитывать формы устойчивого поведения, склонного к конфликтности, в сопоставлении с современными каналами коммуникации (рис. 20).

Рис. 20. Шкалированная схема соотношения устойчивых форм устного фольклора, способствующих сохранению и воспроизводству конфликтных ситуаций в современных условиях человеческой цивилизации (создано нами на основе [Ольшанский, 2001] – М. Н.)

Каждый пункт этой шкалы соотносим с типом конфликтогеми: от инициатора до нейтрализатора. При этом способами распространения конфликтогенной информации являются мессенджеры, социальные сети, массмедиа и т.п., выполняя функции сплетен и слухов.

2.3.2. Слой 2: иконические компоненты, композиционные решения конфликтогенного массмедийного дискурса

Этот модуль опирается на семиотику цвета, кинесику и референс эмоций, жанровое своеобразие рисунка, параграфемные средства. Первостепенное место в конфликтогенном мультимодальном тексте занимает изображение, которое объединяет несколько семиотических кодов: цвет, невербальную коммуникацию персонажей, технику рисунка, шрифтовое варьирование и т.д. Проходя психолингвистический информационный «квест», читатель постепенно раскрывает многослойную информацию, заложенную автором.

Конфликтогенность часто используется в карикатурах, пародиях, современной рекламе, выступая как триггер в формировании того или иного типа поведения [Анумян, 2022]. Например, реклама Burger King в России носила откровенно скандально-провокативный и конфликтогенный характер, не только привлекая покупателей определенного психологического склада личности, но и предлагая протестные деструктивные формы поведения [Волкова, 2014] в качестве новой поведенческой нормы (рис.21). Эту особенность специалисты характеризуют, как проявление виктимного вербально-невербального поведения в сфере торговли и услуг [Лебедь, 2020], что усиливает конфликтогенность в обществе.

Скандальная реклама Burger King в России

1 часть триптиха: эксплуатация сексуального подтекста. Он такой большой... сможешь взять его в рот?
 2 часть триптиха: усиление сексподтекста, развитие действия. Наслаждение от еды, наелся до самого "не могу".
 3 часть триптиха: призыв к большему с провокацией "на слабо". Кто запьет – тот телка (слабая, глупая девчонка)

Рис.21. Скандальная реклама Burger King в России на примере рекламы продукта «Злейший воппер» (создано нами на основе данных из открытых источников: <https://omsk.bezformata.com/listnews/novoj-skandalnoj-reklami-burger/51643150/?amp=1> – М. Н.)

Если мы посмотрим на рекламу «Злейший воппер» от Burger King (рис.21), то бросается в глаза уподобление композиции триптиха, свойственного сакральным и фундаментальным художественным работам. Отсылка заключается и в использовании образа дьявола в качестве активного провокативного элемента в рекламе. Однако различие заключается в не в развитии графического сюжета со стороны изображения, а в намеках на совершенные действия, в скрытых импликатурах, которые подразумеваются, благодаря изменениям рекламного текста. Вместе с тем короткие фразы, сопровождающие рекламные изображения, сближают такой рекламный дискурс с представлением информации в комиксах, что создает ощущение включенности реципиента в игровое пространство рекламы Burger King. Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, переход средств массовой информации на цифровую основу обеспечило погружение современного человека в новый тип реальности. В принципе это уже гиперпространство реальностей оффлайна и онлайн, реального и виртуального миров. Для него характерна семиотически неоднородная информационная среда, что мы видим в организации рекламной кампании Burger King (рис. 21). Именно эта среда является жизненным пространством с особым устройством.

Каждая из этих кодовых систем имеет принципиальное значение, которое должно быть полностью понято реципиентом. Все зависит от уровня развития критического мышления: «Должен ли я доверять всему написанному или озвученному?» - вопрос далеко не праздный. Итак, Burger King является довольно интересной компанией, базирующейся в США, но представленной во многих странах мира. Когда данная фирма выходила на российский рынок, то ее представители обещали, что их реклама не будет агрессивной, позиционируя себя с помощью нестандартной рекламы, однако этого не произошло. Еще психофизиолог И. П. Павлов подчеркивал, что первоочередное значение для инициации реакции напряжения и ожидания опасности является «не столь сила стимула, сколь его новизна». Это качество активно используется в современном конфликтогенном дискурсе массмедиа, вписываясь в так называемую информационную теорию П. В. Симонова [1987], суть которой заключается в следующем. Каждый момент времени актуализирует ту или иную потребность человека, в связи с чем человек вынужден выполнить некие конкретные действия, поэтому он ищет и использует информацию об объектах и их признаках, об условиях, которые могут способствовать удовлетворить указанный запрос. Анализируя соотношение эмотивного восприятия жажды удовлетворения потребности, В. П. Симонов создал схематичный алгоритм, в котором: « $\text{Э} = \text{П} (\text{Ис} - \text{Ин})$ ». При этом под «Э» он расположил силу проявления эмоции, выраженную посредством использования эмотива. Под литерой «П» обозначил качественную значимость актуальной потребности для индивидуума или группы лиц. Кодовое обозначение «Ин» включает в себя совокупность информации о потенциальных средствах, нужных для разрешения проблемы в утолении этой потребности. Символ «Ис» происходит от сокращения «информация о средствах», при этом под средствами подразумеваются лишь те, которые имеются в настоящий момент времени у человека и/или группы заинтересованных лиц. Согласно формуле В. П. Симонова, эмоциональный ответ будет позитивным или по крайней мере нейтральным, если показатель

Ис будет равен Ин, или будет превышать показатель Ин. В противном случае выражение отрицательной эмотивной реакции будет сильнее. Позже исследователи А. Г. и Ю. М. Караяни уточнили, что сила проявления эмоций становится сильнее при ярко выраженной востребованности и остроте потребности [Караяни, 2015: 107]. Мы можем видеть это на примере продвижения агрессивного и сексуально ориентированного рекламного дискурса различных торговых компаний и не только.

В таких случаях возникает конфликт между принятыми устойчивыми нормами социального поведения и нарочито откровенным эпатажем. Как правило, такая конфликтность характерна межпоколенческой коммуникации, в ходе которой происходит отстаивание границ собственного пространства и личности. Вместе с тем этот прием активно используется в качестве манипуляции общественным сознанием в рамках так называемого «окна дискурса», или «окна Овертона» [Карабулатова, 2019].

Особую популярность «окно Овертона» в трансляции конфликтности приобрело благодаря работам политтехнолога Дж. Шарпа [2005], который применил стратегии «ненасилия» в коллаборации с политтехнологиями «ненасильственных» переворотов существующей власти в государствах антиамериканской направленности, что трансформировало «молчаливые» протесты в ярко выраженные акты принуждения к террору и открытым конфликтам, провоцируя насилие, «облагораживая» его псевдоположительными смыслами пост-интерпретации [Борисов, 2015: 86]. В связи с этим рассматривается отдельно стратегии формирования языковой репрезентации геополитонимов в массмедийном дискурсе [Политический имидж России в западных СМИ в лингвистическом ракурсе, 2020]. «Ненасилие» по Дж. Шарпу, на наш взгляд, имплицитно содержит насилие и конфликтность в отношении реципиента, являясь, по сути, психологическим насилием. Например, Дж. Шарп в разделе «Символические общественные акции» перечисляет невербальные символы конфликтного противостояния: «18. Вывешивание флагов, использование предметов

символических цветов; (...); 22. Раздевание в знак протеста (...)» и т.п. [Шарп, 2005: 76 - 77]. Яркая демонстрация конфликта используется в этом случае в конфликтогенном медиадискурсе в качестве иллюстраций с обеих сторон. В связи с этим растет сакральное «осквернение» обнаженного женского тела конфликтогенными надписями и рисунками (рис.22) наряду с использованием нацистской символики.

Рис. 22. Эксплуатация обнаженного женского тела как маркера конфликтогенности: авторский коллаж по материалам из открытых источников (по материалам открытых источников Сети Интернет: <https://www.yaplakal.com/forum28/st/40/topic2291977.html>; <https://www.come-on.de/deutschland-welt/fotos-femen-nackter-protest-gegen-prostitution-zr-2719205.amp.html>; <https://moyapolyana.livejournal.com/5409.html>; <https://news2.ru/story/628567/>; <https://goliedevushki.pro/16600-golye-ukrainskie-patriotki-64-foto.html>; <https://olsch-sport.livejournal.com/622.html>; <https://otvet.mail.ru/question/196227890> - М.Н.)

По мнению Р. Г. Аббасова, использование такого рода символики предполагает разнообразные пост-интерпретативные дискурсы, позволяющие повысить градус конфликтогенности в медиадискурсе, чтобы трансформировать эмотивные оценки в обществе к тем или иным событиям, меняя содержание концептуальной матрицы в целом [Аббасов, 2016:139]. Трансформация классических теорий конфликта, насилия и революций, используемая как в менеджменте, так и геополитике, постепенно приучает к агрессивному поведению как к социальной норме.

Тот же Burger King не случайно определяет свою целевую аудиторию в возрасте 14–25 лет, поскольку это возраст максимальной пластичности, когда формируется отношение к себе и миру, а протестное поведение является нормой [Соина, 2008]. Burger King пришел на российский рынок, когда там царил McDonald's, активно начав эксплуатацию извечного конфликта «отцов и детей», продвигая не только свои установки, но и свое государство, «ненасильственно» завоевывая другую страну, стартуя с сотрудничества с российским бизнесом, маскируясь почти в соответствии с Библией: «Мы пришли к вам с миром!». Как правило, позиционирование такого миролюбивого послания всегда маскирует агрессивные цели [Кишко, 2003]. В качестве таких иконических конфликтогенных маркеров могут быть использованы изображения персонажей комиксов, анимации, четко ассоциирующиеся с тем или иным типом поведенческой стратегии, что активно используется в качестве средств воздействия на сознание целевой аудитории [Бабикова, 2017].

2.3.3. Слой 3: текстовый компонент и его понимание; композиционно-структурная организация; экспрессивные языковые средства и языковая игра; корреляция текста и изображения

Современный поликодовый креолизованный текст с конфликтогенным потенциалом характеризуется незначительным объемом вербального компонента, который включен в единое смысловое целое с рисунком, звуком.

При определении вербальных маркеров мы отталкиваемся от понимания языкового знака, который был определен известным российским ученым А. А. Уфимцевой согласно сосюрковского реляционного толкования, как универсальная билатеральная сущность материально-идеального плана, где формой знака в реальном вербально-невербальном поведении становится логически обусловленный цикл фонем, графем, параграфем и/ или эмодзи, мемов, рисунков во всем разнообразии условий – в виде отображения его в

качестве некоего аудиально-визуального образа. Содержание языкового знака определено семантической значимостью, которая была выработана и закреплена эволюционно за тем или иным звуковым комплексом, выполняющим роль формального оформления знака при его становлении [Уфимцева, 2002: 52]. Сложность детекции вербального маркера конфликтности заключается как в бинарности структуры самого языкового знака, так и в специфике внутрискруктурной реляции между двумя сторонами знака. На эту двойственность указывал Л. Ельмслев, трактуя ее как неизбежный результат «конституирующего качества языка» [Ельмслев, 1960: 48]. Конфликтный маркер может реализовываться как сугубо вербальный, так и креолизованный (с добавлением рисунка, графем и т. п.), либо невербальный (например, рассмотренная ранее нами кинема «поднятый кулак»), либо паравербальный (например, использование других средств общения, эмодзи и т.п.). В связи с этим сам анализ строится, как поиск ответов на следующие вопросы:

1. Перед нами монолог? Диалог? Полилог? Например, при использовании так называемых мем-сериалов (рис.23):

Рис.23. Обесценивание конфликтности в мем-сериале «Наташа, мы все уронили» в полилоге: (коллаж из открытых источников Сети Интернет: <https://sport24.ru/news/football/2020-05-27-yevseyev-stal-geroyem-populyarnogo-mema-pro-natashu-i-kotov-foto> - М. Н.)

Зачастую используются узнаваемые лидеры общественных мнений (ЛОМы), выступающие как информационные мишени. В таком случае

эффективна стратегия моделируемого возможного диалога между представителем ЛОМа и населением. При этом в качестве оппонента могут выступать герои популярных кинофильмов, мультфильмов, телеведущие: Владимир Соловьев и дядя Федор, Владимир Соловьев и крокодил Гена и т. п. Возникающая визуальная прецедентность [Мардиева, 2011] наделяет новыми смысловыми характеристиками прецедентный визуальный образ, который исследовательница трактует, как некое ментальное образование, выступающее, как лингвосемиотический знак сохраненных в этногенетической памяти визуальных образов этносоциокультурного пространства, характерных для той или иной когортной группы [Мардиева, 2011: 203], иллюстрируя витальность «прецедентного визуального феномена» как сложившегося, материально выраженного способа реализации образа (рис. 24). При этом в качестве ЛОМа выступает телеведущий В.Соловьев, в качестве населения – персонажи мультфильма «Каникулы в Простоквашино».

Рис. 24. Моделируемый конфликтогенный диалог между представителем ЛОМа и населением (из открытых источников Сети Интернет: <https://m.fishki.net/3311135-prodazhnye-nichtozhestva-vladimir-solovyev-pozhalovalsja-na-travlju.html/comment-37566505/> - М. Н.)

Образы из мультипликационных и кинематографических фильмов, относящихся к воспоминаниям светлого детства (дядя Федор, Шарик и кот Матроскин; крокодил Гена и Чебурашка; Алиса из «Гости из будущего»; Штирлиц, Борман из «17 мгновений весны»; Малыш, Карлсон и Фрекен Бокк и т.п.), оказались крайне востребованы в современном массмедийном конфликтогенном дискурсе с политической составляющей в связи с тем, что

эти персонажи узнаваемы, обладают высоким прагматическим потенциалом. Как правило, массмедийный конфликтогенный дискурс нацелен на усиление реакций у социально активного населения (это средний возраст), так и на привлечение молодого поколения в условиях метамодернистской коммуникации [Костина, 2017; Павлов, 2018]. В связи с этим конфликт в современном массмедийном политическом дискурсе реализуется с помощью узнаваемых в российском обществе образов, что представлено нами в виде диаграммы (рис.25).

Рис. 25. Представленность мультипликационных персонажей в конфликтогенном массмедийном политическом дискурсе (авторская разработка – М. Н.)

Следует отметить, что образы этих героев «обросли» массивным ассоциативным шлейфом, благодаря расширению характеристик за счет анекдотов про Буратино, Винни-Пуха и Пятачка, Чебурашку и Крокодила Гену, Вовочку.

2. Присутствуют ли на уровне грамматики и лексики языковые формы, находящиеся за рамками литературного языка? В этом случае особое внимание обращается на стилистические средства: диалектизмы, жаргонизмы, просторечие, обценную лексику: «*попробуй маминых люлей*» (в смысле люля-кебаб); «*Обана! Цены снижены на мебель*»; «*Я ни хера не поняла, но Штаты выражают озабоченность*» (с фотографией Дж.Псаки); «*Эй, гомосек, что там с Асадом и Мадуро*» (с фотографией М. Симонян) и т.п.

Сильнее всего это прослеживается в рекламном дискурсе, представленном как в наружной рекламе, так и в массмедиа. Вместе с тем условная демаркационная линия, которая более 300 лет отделяла «высокий штиль» от низкого, а письменную речь от разговорной, стала динамичной под влиянием информационного общества, приведя к размыванию границ между стилями речи. В итоге кодификация нормы литературного языка стала утрачиваться наряду с падением общей грамотности среди носителей русского языка, на что указывают исследователи [Углова, 2016]. Использование лексем и оборотов, не относящихся литературному языку, довольно активно используется в массмедиа в условиях когнитивных информационных войн, когда воздействие на психоэмоциональную сферу реципиентов становится приоритетной задачей. Мы полагаем, что решение этого вопроса тесно связано с детекцией эмотивной тональности и полярности оценок, а это и есть следующий вопрос в экспликации третьего слоя в составе мультимодальной матрицы конфликтогенного дискурса в массмедиа.

3. Есть ли эмотивы на вербальном и невербальном уровнях?

Эмотивы в массмедийном конфликтогенном дискурсе используются в пропагандистских текстах в условиях психолого-информационных когнитивных войн, в предвыборной креолизованной массмедийной агитации, рекламном дискурсе, реализуясь, как **аффективы**, **коннотативы** и **потенциативы**, которые поддерживаются невербальными (параграфическими) маркерами. Например, в рекламном слогане «*Попробуй маминых люлей*» языковая игра обыгрывает фразеологизм «*дать люлей*» и название блюда «*люля-кебаб*». При этом слоган поддерживается изображением улыбающейся мамы, демонстрирующей бицепс. Однако «рекламная мама» держит в руках шпажки люля-кебаб. Насколько конфликтогенный медиадискурс относится к сфере креолизованной письменной коммуникации, настолько эмотивное пространство конфликтогенности массмедиа включает в себя невербальные знаки, определяемые, как **иконические параграфемы**, под которыми

подразумеваются эмодзи, рисунки, фотографии, диаграммы, карты, коллажи, мемы [Кириллов, 2022]. Конфликтогенный медиадискурс расширяет понятийное пространство **эмотива**, существенно влияя на развитие эмотивной лингвистики. При этом **параграфические эмотивы** в конфликтогенных массмедийных микротекстах могут быть проклассифицированы с позиции эмотивологии в том же контексте, что и **вербальные эмотивы**, в связи с тем, что оба типа эмотивов выполняют одну и ту же функцию [Андреева, 2018; Болотов, 1981; Гюрджян, 2008; Комалова, 2016; Куликов, 2022; Пешкова, 2021; Филиппова, 2006].

Однако поликодовые конфликтогенные микротексты в массмедийном дискурсе, как правило, содержат преобладающее количество **аффективов с отрицательной оценкой** [Исхакова, 2014], **инвективов** [Заложная, 2011], **обсценизмов** [Бортников, 2020], **потенциативов** [Гавриш, 2022], **провокативов** [Петровский, 2013], **экспрессивов** [Дзякович, 1995; Трофимова, 2011] для символической детекции конфликта [Малинова, 2013] над нейтральными словами. В условиях современной психолого-информационной войны и развития электронно-цифрового формата общества конфликтогенный массмедийный дискурс, реализуясь, прежде всего, в виртуальном пространстве, становится действенным инструментом символической политики. Понимая имплицитность конфликтогенности, при анализе вербально-паравербального слоя обнаруживаются глубинные корни конфликта, произрастающие из архетипов нашего бессознательного [Дмитриева, 2018] в соответствии со стадиями антропогенеза и принципами культурно-исторического развития человеческой цивилизации [Политический имидж России в западных СМИ в лингвистическом ракурсе, 2020]. Например, в ситуации жесткого контроля за вербальным поведением повышается значимость невербальной коммуникации: *«**Шик госслужащего**» набрал популярность онлайн в основном среди людей младше 25, которые одеваются нарочито неброско и в строгие костюмы серого или черного цветов, чтобы точно воспроизвести стиль членов Коммунистической партии Китая. Для*

многих из этих молодых людей это не просто мода, а идеологическое высказывание, пишет Washington Post. Таким образом они демонстрируют разочарование в частных компаниях и их стремление увеличивать прибыль, игнорируя интересы работников» [Муравьева, Forbes, 27.08.2022].

Следует отметить, что **вербальные коннотативы** [Шаховский, 2012] включают в себя такие стилистические средства, как **эпитет, метафора, гиперболо, литота, эвфемия, обесценивание, ирония, сарказм** и т. п., например, социальные сети иллюстрируют рост эвфемии в таких тематических сферах, как «наркотики» и «сексуальная ориентация, ЛГБТ». По данным Викисловаря, на сегодняшний день насчитывается свыше 200 синонимических эвфемизмов для атрибуции лиц с гомосексуальной ориентацией. Многие из этих определений не отягощены негативными коннотациями для рядового носителя русского языка (типа: «*незабудка*» или «*рудокон*»). [Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.facebook.com/search/top/?q=%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BF&era=SEARCH_BOX, дата обращения: 26.11.2017]. Однако при попадании в медиадискурс эти слова утрачивают свою нейтральность, обрстая новой оценочностью. Так, полная смена в поляризации оценки произошла при использовании фразеологизма «*парень хоть куда*» с изначальной позитивной коннотацией социального одобрения (эвфемизм, фразеологизм, обычно обозначающий восхищение мастеровитым человеком, - метафорическое переосмысление к понятию «*бисексуал*» и гомосексуал, выполняющий как активную, так и пассивную роль), что демонстрирует возможность замещения изначального значения в контексте ситуации описанием конфликтной ситуации практически любого слова и/или выражения. При этом конфликтный медиадискурс демонстрирует использование эвфемизмов с негативной коннотацией из криминогенной среды (тюремного арго) в качестве оскорбительного атрибутива в социально-политическом медиадискурсе («*нетух*») для обозначения отрицательного отношения к лицам с неустойчивой жизненной позицией, приспособленцам.

Так, «*За свои слова петух Соловьев должен ответить*», — написал в своем фейсбуке екатеринбуржец Дербенев», - об этом сообщает «Рамблер» [«Петух должен ответить»: уральский журналист захотел «дать леща» Соловьеву, Рамблер, 22.05.2019].

Существует корреляция между использованием оскорбительной лексики, обценизмов, связанных с сексуальной сферой, и обозначением идеологических противников, оппозиции. Например: «*В середине июня 2017 года телеведущий назвал людей, вышедших на несанкционированную акцию протеста на Тверской улице в Москве, “вечными 2% дерьма” и “детьми коррупционеров”*» [Кошеленко, Московский комсомолец, 20.05.2019]; «*”Эдгар, вы же не по красавицам. Найдите себе красавца, и пусть он терпит. А я не ваша. Или это очередной каминг-аут?”* — написала Захарова в Telegram-канале» [Захарова ответила главе МИД Латвии на слова о борще: вы же не по красавицам, а я не ваша, Известия.ру, 02.07.2022].

Преследование в России по линии ЛГБТ активизирует процессы эвфемии в интернет-коммуникации за счет включения новообразований на базе заимствований из английского языка. Таковы, например, слова *трап*, *траповать*, *трапинка* от от английского «*trap*» – “ловушка”, подразумевая, что человек, выглядящий как девушка, не обязательно девушка «*trap*» – “ловушка” [Электронный ресурс: https://www.facebook.com/search/top/?q=%C2%ABtrap%C2%BB%20%E2%80%93%20%E2%80%9C%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0%E2%80%9D&era=SEARCH_BOX, дата обращения: 28.09.2018]. Первоначальное заимствование трап стало основой для новых слов: «*траповать*» - переодеваться в одежду противоположного пола, «*трапинка*» - девушка-транс.

Общественно-политический, социально-экономический массмедийные дискурсы склонны к использованию метафорических цепочек с использованием эвфемии. Например: «*Третий распространенный случай оспариваемых корпоративных решений* — решения об отказе в объявлении

дивидендов. *«Моя правовая интуиция говорит о том, что рано или поздно мы можем столкнуться с таким революционным подходом со стороны суда, когда, основываясь на своем понимании справедливости, суд может сказать, что не было экономических причин для отказа в объявлении дивидендов. На мой взгляд, это неправильный подход: не должен суд вмешиваться в такие корпоративные решения и пересматривать их», — говорит Вадим Бородкин»* [Редакция спецпроектов, Forbes, без даты]. В контексте формирования конфликтности массмедийного дискурса в сознании реципиентов, важно понимание процессов преобразования языкового значения в речевой смысл с помощью вербальных коннотативов в связи с тем, что адресант и адресат, как правило, обладают различиями в индивидуальных картинах мира.

Паравербальные, или иконические эмотивы в конфликтном массмедийном дискурсе также распадаются на три большие группы: **аффективы, коннотативы и потенциативы**. С распространением дипфейков в массмедиа среди **иконических параграфемных эмотивов** особое место стали занимать **фото-, видеоаффективы**, которые запечатлевали ярко выраженную мимику и кинесику объектов-мишеней, либо конструировали определенные жесты и выражения лица для обесценивания, осмеяния, возвеличивания или вызова других экспрессивных чувств в сознании реципиента. В связи с чем такие фотопортреты сопровождаются **диффамацией**, т. е. информацией, порочащей человека, вызывая ярко выраженное негативное отношение [Эдилова, 2017]. Как правило, это могут быть фотографии, сделанные в неудачном ракурсе, врасплох. Они могут стать конфликтными и/или потенциально опасными для имиджа лидера общественного мнения, или политика. Нарочито неудачные фотографии активно эксплуатируются в диффамационных фоторейтингах, мемах и т. п. При этом вербальная составляющая характеризуется в этом случае сверхплотностью эмотивов, преобразуя текст в развернутую эмотивную цепочку с заведомо заданной конфликтной оценкой. В этом случае

определение конфликтогенных эмотивов представляет значительную сложность в связи с подвижностью и конвергенцией средств, провоцирующих конфликт. Как правило, конфликтогенно заряженные эмотивы активно используются в геополитических информационных войнах, предвыборных кампаниях, «торговых войнах» конкурентов и т. п. В такого рода публикациях идет нарастание отрицательно оценочных, эксплицитно оскорбительных, обценных эмотивов, что в целом говорит о присутствии конфликтогенности как нарушении **коммуникативного кодекса** [Красовская, 2011; Почтарь, 2014]. Мы полагаем, что конфликтогенность массмедийного дискурса находится в зависимости от **индекса эмотивности** (термин Солодовниковой Н. Г. [2010]), а степень этого качества — от насыщенности текста негативно окрашенными эмотивами. Конфликтогенность массмедийного дискурса в значительной степени зависит от его эмотивной насыщенности и погружения в психоэмоциональную ситуацию конфликта/ противостояния.

2.3.4. Слой 4: аллюзивные, интертекстуальные компоненты, имплицитные ресурсы конфликтогенного массмедийного дискурса

Этот подтип дискурса ориентирован на применение аллюзивных и интертекстуальных компонентов, что дает возможность реципиенту при декодировании данных приемов получить объемное представление о событии, объекте с точки зрения инициатора информации. Конфликтогенность в этом случае базируется на креативных приемах языковой игры и аллюзии на уровне текста и изображения, формируя у реципиента новые семантические связи [Ильясова, 2018], которые влекут за собой образование новых ассоциативных направлений. Как подчеркивают исследователи, языковая игра в массмедийном дискурсе создает **перифразу-экспрессему**, под которой понимается такая единица речи, воплощающая в себе итог лингвоментальной игры для выражения денотативного или коннотативного смысла путем опосредованного представления понятия через призму языковой игры

[Лисоченко, 2010, электронный ресурс]. Аллюзии с перифразой-экспрессемой апеллируют к лингвистической, экзистенциальной и логической пресуппозициям реципиента. На грамматическом и лексическом уровнях в конфликтогенном массмедийном дискурсе обнаруживаются отступления от нормы речеупотребления с акцентуацией на обценнизмы, сленг и жаргонизмы, клише, лозунги и слоганы, паремии с учетом структуры вербального компонента конфликтогенного массмедийного дискурса. При рассмотрении этого слоя мы обнаруживаем в семиозе присутствие изначальных фреймов, которые встроены в скрипты, позволяющие понять ту или иную перифразу [Лисоченко, 2010, электронный ресурс]. Современные массмедиа вследствие профессиональных компетенций имеют больше ресурсов для массивованного и быстрого реагирования в публичном пространстве [Гилязова, 2022].

Вопрос интерпретации, пост-интерпретации вероятностных смыслов для реципиента состоит в необходимости владеть в максимальной мере контекстом рассматриваемой ситуации. Как правило, авторы интерпретативного конфликтогенного дискурса массмедиа справедливо полагают, что реципиенты включены в различный информационный фон, поэтому интертекстуальные имплицитные ресурсы также будут отличаться. Например, публикации в СМИ о санкциях и противостоянии России с стран НАТО / стран Запада у русскоязычного населения вызывают импликатуры: 1) усиление противостояния России и стран Запада в условиях российско-украинского конфликта может быть поводом для старта III Мировой войны; 2) ухудшение энергетического положения европейских стран из-за разрыва поставок российского газа и усиление позиций России; 3) возможность проведения военных действий стран Запада по свержению действующей власти в России и установления проамериканского правительства для контролирования природно-ресурсной базы России; 4) усиление изоляции России от мирового сообщества с формированием этнотравмы «изгоя». Как отмечает П. Грайс, неконвенциональная импликатура отличается от логического следствия с помощью критерия «зависимость от контекста»

(context-dependence) [цит. по: Cruse, 2004:365]. Следовательно, в таких случаях мы имеем дело с функциональной прагматикой геополитического и официально-делового общения в межкультурной коммуникации. Информационное сообщение с единственной темой, содержащей одну пропозицию, также может инициировать разнообразные коммуникативные импликатуры, в том числе и конфликтогенного характера, исходя из контекста. Например, в высказывании *«Я убрал со стола»*, столь распространенном в повседневно-бытовой коммуникации, в зависимости от контекста импликатуры могут быть различны: 1) *«Ты опоздал(а) на обед/ужин»*; 2) *«Я убрал(а) посуду и еду со стола»*; 3) *«Я поел(а) без тебя, накрой себе сам(а)»*; 4) *«Я подготовил(а) рабочее пространство на столе»* и т.д. Исходя из этого, можно говорить о множественности импликатур, которые зависят от разнообразных вариаций контекста коммуникации. В результате происходит трансформация «языковых ключей», позволяющая кардинальным образом изменить ценностную картину мира реципиента.

Итак, рассмотрим основные три модели, реализующиеся в рамках данного слоя.

Модель 1 «Рисунок = тема, вербальная часть = рема». В понимании интерпретативного ресурса конфликтогенного массмедийного дискурса большую роль играет соотнесенность использования известной информации (темы) и новой информации (ремы), что проиллюстрировано на рис.23. При этом с учетом поликодовости динамика представления в креолизованном конфликтогенном массмедийном тексте может демонстрировать такую структуру, когда изображение содержит в себе тему, а вербальная часть – ремю. Например, изображения Распутина, Николая II, Сталина, Брежнева, Путина могут быть темой текста или конфликтогенного видео также, как и изображение картины *«Три богатыря»*, или фрагменты мем-сериала *«Наташа, мы всё уронили»* в разных вариантах (рис.26). Сама рема может быть представлена вербальным рядом – надписью *«The Reminiscences of the*

Future» и т. п. При этом конфликтогенность, как правило, камуфлируется под иронию, пародию, анекдот, мягко внедряясь в подсознание реципиента.

Рис.26. Коллаж из фрагментов из мем-сериала «Наташа, мы всё уронили» со скрытой конфликтогенностью (составлено нами из открытых источников: 1) <http://shop-archive.ru/category-33789-vinnyu-bokal.html>; 2) <https://zen.yandex.ru/media/meow/rospatient-poluchil-zaiavku-na-frazu-pro-natashu-i-kotov-kotorye-vse-uronili-6063821dfa23f523d3ef78df>; 3) https://forum.guns.ru/forum_na/forum_picture/27540213.html; 4) https://ne-ukurim.ru/forum/threads/25_1-pokoriteli-vysot.61865/page-732; 5) <https://chel.mk.ru/photo/gallery/20345-378143.html>; 6) <https://www.klerk.ru/tribune/buhgalterada/500307/>; 7) <https://www.pinterest.ru/pin/323555554482712971/>; 8) <https://www.sports.ru/profile/2784584/status/2211221/> – М.Н.)

Возникающая целостность семиотического единства преподносимой информации скрытно воздействует на сознание реципиента на глубинном уровне, а это позволяет составлять дополнительные вербальные ремарки в соответствии с интертекстуальным фоном события дает возможность связать

информацию как на верхнем, так и на нижних уровнях через взаимодействие компонентов формально-структурного единства информации.

Модель 2 «Тема-рематическая конфронтация между вербаликой и невербаликой». Например, темой может быть библейский/ новозаветный сюжет с трансформацией установок под влиянием новых реалий. А далее помещается новая информация на основе современных реалий и последствиях этого действия (разрушения всей страны и даже планеты). В мем-сериале «*Наташа, мы все уронили*» одна из «веток» активно эксплуатирует тему апокалипсиса, нечистой силы, религиозной тематики (рис. 27). При этом образы также достаточно узнаваемы по своей стилистике для реципиента: *не упокоенная ведьма (панночка), монах, бесы, одичавшие животные* (рис. 27). В ряде случаев это может быть узнаваемый кадр из кинофильма (в нашем случае – «Вий», реж. К. Ершов, Г. Кропачев, 1967 г. – М. Н.), характерное изображение в средневековой стилистике религиозного содержания и т. д.

Рис. 27. Апокалиптически-религиозные сюжеты тема-рематической организации конфликтогенного дискурса: авторский коллаж на основе открытых источников (https://auto-rodeo.mirtesen.ru/blog/43633630135/Skrinyi-iz-sotsialnyih-setey?nr=1&utm_referrer=mirtesen.ru; <https://skverweb.ru/natash-vstavaj-my-vsyo-uronili-otkuda-vzylis-memy-pro-natashu-i-kotov-kotorye-teper-bukvalno-vezde/>; <https://gnomomamochka.livejournal.com/187105.html?replyto=6804449> – М. Н.)

Такая организация подачи конфликтогенной информации особо востребована в видеосюжетах с прогностической/ псевдопрогностической составляющей в условиях информационных войн. В этом случае развитие

конфликтогенности идет в рамках реализации трансформированной новой карнавальской культуры, спровоцированной условиями виртуальной реальности и исторического опыта, по стереотипным психолингвистическим сценариям вербально-паравербального поведения в треугольнике Карпмана «Жертва – Агрессор – Спасатель». Сами варианты сценария, вербальные стратегии заданы, исходя из ролевых позиций участников конфликта, а также поведенческих шаблонов, реализуемых вербально. Конфликтогенность вербального поведения Жертвы связана с такими стратегиями, как: 1) обесценивание собственных ресурсов и принижение себя в решении проблемы; 2) отказ нести ответственность за собственные действия и поведение; 3) вытеснение собственной внутренней агрессии на внешний круг, или оппонента; 4) обращение за помощью и спасением к потенциальному Спасателю. Вариант: формирование оценочного отношения к Жертве, как проявление безответственности. Вербально сценарий проигрывается в схеме «*да, конечно, (...), но...*». Основные стратегии Спасателя: 1) девальвация Жертвы; 2) вытеснение собственной беспомощности и страхов; 3) формирование оценочного отношения к Жертве, как проявление безответственного поведения Жертвы. Вербально сценарий Спасателя проигрывается в рамках схемы «*Почему бы Вам не поступить (сделать) следующим образом...*». Конфликтогенность коммуникативного психотипа Агрессора реализуется в наказывающих стратегиях: 1) вытеснение уязвимости; 2) критика и обвинение Жертвы в провокации; 3) активность и грубое поведение; 4) приглашение в психологическую игру «*Избей меня, или достань меня, если сможешь...*». Вербально этот сценарий реализуется в рамках схемы «*Ты должен это сделать, потому что ты должен...*». Вербальная параметризация поведения Агрессора неоднократно подвергалась анализу представителями различных научных направлений [Гараева, 2015; Костяев, 2011; Щербинина, 2008]. При этом анализ виктимного поведения, как правило, реализуется в рамках психологии и криминалистики [Малкина-Пых, 2010].

Такой подход к конфликтогенному массмедийному дискурсу видится нам оправданным в аспекте влияния виртуальной реальности на сознание реципиентов, поскольку технологии фейков, дипфейков, мокьюментари и пранка прочно вошли в нашу жизнь. Заданные инварианты развития сценариев («Да, конечно, но...»; «Почему бы вам не поступить следующим образом...»; «Ты должен это сделать, потому что ты обязан...») регламентируют отбор лексических средств для позиционирования характеристик других участников конфликта в качестве информационных мишеней, что позволяет говорить об осознаваемом/ неосознаваемом конструировании конфликтогенных стратегий. Например, со стороны Жертвы: «*это Путин виноват!*»; «*спаси нас НАТО*»; «*Не виноватая я, он сам пришел!*». Со стороны Спасателя: «*Только мы можем помочь...*»; «*Потерпи немного, и я помогу тебе*»; «*Чип и Дейл спешат на помощь*». Со стороны Агрессора: «*Красная Шапочка, я тебя съем!*»; «*Кто не спрятался, я не виноват!*» и т.п.

Как указывают исследователи, например, вследствие жесткого контроля, американцы придерживаются стратегии ухода от политических обменов ограниченных наблюдением, поэтому американцы уклоняются от политических дискуссий [Baliatti, 2021], поскольку осознают конфликтогенность данной тематики в целом [Klar, 2018], особенно когда они предчувствуют конфликт [Cowan, 2018], согласно заданному стереотипу поведения в рамках треугольника Карпмана. Более того, американские исследователи приравнивают электронные СМИ и социальные сети к общению в «дикой природе», поскольку экран смартфона или компьютера создает иллюзию анонимности (как в карнавальной маске). Эта фейковая анонимность провоцирует потенциальных участников конфликтогенного массмедийного дискурса, которые деградируют до невежливости и деструкции [Bail, 2021], что еще больше увеличивает не только поляризацию мнений в обществе, но и его конфликтогенность в целом [Фаткуллина, 1999-2021]. Вследствие этого увеличивается использование обцензмов,

агрессивов, аффективов, эмотивов в межличностном общении, опосредованном виртуальной реальностью.

Сочетание старой и новой информации в узнаваемом сюжете усиливает смеховой эффект, смягчая конфликтогенность. При этом такое сочетание может быть, как агрессивным, так и мирным. Например, при передаче ремы вербальным компонентом часто используют стереотипное изображение политика в качестве темы, в то время как приписываемые ему реальные или приписываемые реплики могут входить как в тему, так и в рему сообщения (рис.25-26). Сама асимметрия тема-рематической организации возникает благодаря таким приемам, как опущение языковых элементов и вынесение отдельных компонентов в самостоятельную позицию. Вместе с тем феномен опущения языковых элементов реализуется за счет эллиптичности и компрессии [Леонтьева, 2009]. **Языковая компрессия** реализуется, как лексическая, семантическая, фонетическая с помощью таких способов, как **редукция, ассимиляция, эллипсис, аббревиатура, телескопия, синкретизм, метафоризация и метонимизация** (типа: «Он съел одну тарелку»), **включение иностранных слов и неадаптированных заимствованных компонентов** и др. [Абрегов, 2005; Шагланова, 2015].

В то же время приобретение отдельными компонентами самостоятельной позиции осуществляется с помощью парцелляции и сегментации. Вместе с тем использование визуального ряда максимального способствует компрессионному воздействию текста на реципиента. Интерпретируя текст, мы осмысливаем его. Это тот аспект смыслообразования, который В. Б. Шкловский удачно обозначил как «остранение» [Шкловский, 1990: 58 – 72]. Всякая интерпретация конфликтогенного массмедийного дискурса выступает как переосмысление, в котором идет формирование нового смыслового ряда из «остраненных» смыслов, подобно тому, как это происходит в художественном дискурсе [Ахиджакова, 2013; Чеснокова, 2018]. Например: «Манипулировать **Шариковыми**, конечно, проще, чем людьми думающими. Но в то же время это не значит, что всех **Шариковых** надо задушить, как

произошло в спектакле» (<https://russdramteatr.ru>. 18.10.2017) при этом отсылка к роману М. А. Булгакова «Собачье сердце» является «остраненной» (через рецензию на спектакль по одноименному роману), поскольку в современном конфликтогенном массмедийном дискурсе Шариковыми презрительно назван весь российский простой народ, которому якобы свойственна интеллектуальная и социальная примитивность.

Модель 3 «Представление темы в вербально-паравербальном виде при предъявлении ремы только вербальным компонентом/ только визуальным компонентом».

Данная модель активно эксплуатирует аккомодацию, как процесс приспособления индивида под новые многочисленные, разносторонние требования, которые окружающий мир ставит перед человеком. Вера в то, что я смотрю на мир объективно, в то время как мои оппоненты видят его сквозь призму своих предубеждений, способствует росту конфликтогенности в обществе (рис. 24). Это убеждение, известное как «иллюзия объективности», особенно ярко демонстрируется в предвыборных дебатах, торговых войнах, семейных конфликтах, межпоколенческих противостояниях, геополитических конфликтах и информационных войнах. Мастером реализации этой модели был политик В. В. Жириновский с его экспрессивностью речи и нетривиальными метафорами. Иллюзия объективности предсказывает последующую предвзятость и поляризацию, включая усиление конфликтогенности в отношении предполагаемых оппонентов в коммуникации.

Рассмотрим пример (рис.28), в котором, казалось бы, картинка (гуси на проталине) никак не связана с сопроводительным текстом относительно тех, кто не эмигрировал из России.

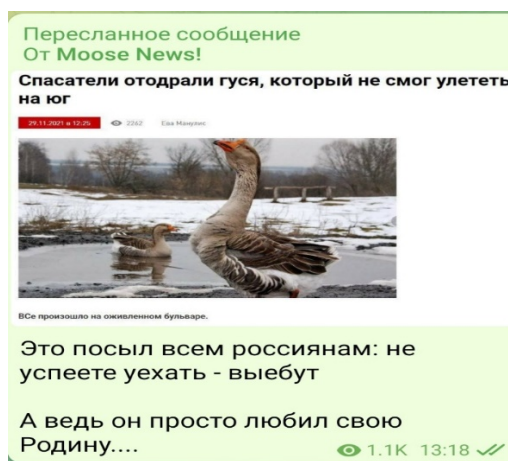

Рис. 28. Импликатура «подстрекательство к бегству, эмиграции» в Телеграм-канале MooseNews!

Известно, что гуси мигрируют на юг довольно поздно, глубокой осенью, зачастую с первыми заморозками. В современных российских реалиях массовая миграция уклонистов тоже совпала с началом перелетов птиц на юг, что обыгрывается в этой новости. В сообщении Телеграм-канала в грубой форме отмечается, что «спасатели отодрали гуся, который не мог улететь на юг». В самой информации нет четкой ясности, поскольку глагол отодрать мог быть использован в значении «оторвать нечто, прочно прикрепленное к чему-то, высечь; снять, отделить». В данном контексте, логично предположить, что гусь примерз ко льду, поэтому его отодрали, оторвали от ледяной поверхности. Однако в словаре сленга глагол «отодрать» употребляется в значении «совершать сексуальные действия в жесткой форме» (значения даны по сайту словарей: ОТОДРАТЬ - Энциклопедический словарь, Толковый словарь, Академический словарь, Словарь бизнес-сленга, Словарь сленга, Орфографический словарь, Словарь ударений, Трудности произношения и ударения, Формы слов, Синонимы, Грамматический словарь, Фразеологический словарь, Морфемно-орфографический словарь (sanstv.ru)). Именно на этом оскорбительном значении за рамками литературного стиля остановили свое внимание создатели сообщения, комментируя действия спасателей, как представителей государственных служб по отношению к простым гражданам России.

Интеллектуально подстроиться к действительности – значит формировать эту действительность, причем сформировать, используя устоявшиеся, устойчивые понятия соотносимо с хронотопом действительности. При всех возможных вариативных комбинациях следует учитывать, что элементы темы, всегда включены в изобразительный компонент, в то время как вербальная часть может выступать, как антагонист к плану изображения (рисунок, видео). Кстати, это достаточно распространенный прием при создании информационного сообщения с видеосопровождением. Вербальная часть в этом типе модели может игнорировать тему, отсылая к изображению, содержащему тему. Эта черта является характерной для данного типа модели, где приоритет при подаче ранее известной информации принадлежит визуальной составляющей. В новых условиях мультимодальности информационного сообщения, особенно в рамках конфликтогенного массмедийного дискурса, особую актуальность приобретает, так называемая, интер-иконичность в точках конфликтогенной напряженности как форма интертекстуальности.

Таким образом, поликодовые конфликтогенные тексты можно распределить на две большие группы: 1) группа с вербальными приемами искажения информации с последующей трансформацией картины мира реципиента; 2) смешанная группа с приемами, основанными на соотношении вербальных и невербальных средств речевого воздействия. Итак, вербальное речевое воздействие – это некое коммуникативное воздействие, которое использует средства языка, реализуясь с помощью языковых единиц. Иными словами, это воздействие посредством слова и/ или текста [Стернин, 2012: 56–57]. Оно связано как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста, восприятие которого приводит к добровольному принятию адресатом решения, выгодного манипулятору [Копнина, 2017: 28]. Рассматриваемые нами модели базируются на знаковой функции, которая динамически движется между двумя сущностями: выражением и содержанием. Именно дихотомия «выражение» vs «содержание» определена

созависимой солидарностью [Гийом, 1992: 52]. Согласно сепировской концепции также соблюдается принцип двусторонней организации языковых знаков, поскольку опирается на концептуальное заключение Э. Сепира о том, что сущность языка состоит в атрибуции неких условных звуков со специфической артикуляцией, равно как и их эквивалентов к другим кодовым обозначениям человеческого опыта [Сепир, 1993: 34]. Сама текстовая традиция истолкования, которая присуща познающему субъекту, есть одномоментно и предмет понимания, и его основа: человеку необходимо осознать пространство, внутри которого он находится изначально.

Выводы по второй главе

Конфликтогенный массмедийный дискурс реализуется как **семиотический макрознак**, проявляющийся в виде поликодового вербально-паравербального феномена, объединяющего в себе подходы синергетического лингвосемиотического описания. Информационные проекции в конфликтогенном дискурсе предопределены концептами картин мира продуцента/ реципиента с детекцией этнокультурной интерпретанты. Вводимое понятие **этнокультурной интерпретанты** подразумевает референциальные социостереотипы, реализующиеся как в процессе когниции окружающей действительности, так и в декодировании семиотических кодов. Интерпретативная составляющая конфликта способствует распространению конфликтогенности в обществе. Сценарные мотивы конфликтов, встречающихся в конфликтогенном медиадискурсе, классифицируют конфликты на следующие типы: истинный конфликт, моделируемый конфликт, ложно интерпретируемый конфликт, смещенный конфликт, случайный конфликт, конструктивный конфликт, ложный конфликт. Конфликтогема обладает специфической структурой, которая опирается на гипертекстуальность конфликтогенных моделей с динамическим балансом вербальных и невербальных параметров. Отбор и комбинаторика

конфликтогем, трансформирующих картину мира участников конфликта, направлены на перлокуцию с акцентом на: 1) концепты негативно эмотивной карты в координатах «страх, ужас, кошмар»; 2) контрастную противопоставленность ролевых позиций «мы – они»; 3) эвфемизацию и псевдодисфемизацию конфликта; 4) осмеяние и обесценивание; 5) героизацию и романтизацию конфликта.

Ключевые слова концептуального пространства конфликта, используемые в массмедийном конфликтогенном дискурсе, способствуют поляризации оценок в эмотивной карте носителя языка. Конфликтогенный массмедийный дискурс расширяет само понятие **эмотива** за счет активного использования **параграфемных эмотивов** наряду с **вербальными эмотивами**. Конфликтогенный массмедийный дискурс конструируется с помощью **оценочных аффективов, инвективов, обценизмов, потенциативов, провокативов** и **экспрессивов** для обозначения конфликта.

Сценарий реализации конфликтогенного дискурса соответствует «**эскалации конфликтогенов**», которая позволяет манипулировать реципиентом с увеличением степени агрессии, критики. Под **конфликтогеном** понимается мотив, приводящий к конфликту, включая в себя социокультурный, психологический генезис конфликта и вербальные маркеры конфликта с преобладанием агрессии как ведущего конфликтогенного признака. **Конфликтогенная ситуация** как знак, в рамках античных концепций, представлена четырехкомпонентной структурой, которая предопределена эйдосом мишени, понимаемой как ее объективно существующее начало. **Матрица конфликтогенного массмедийного дискурса** характеризуется многослойностью с соответствующими признаками и свойствами, которые управляют когнитивными процессами в сознании реципиента. Первый слой представляет собой инфоповод и персонализированные мишени в конфликтогенном массмедийном дискурсе. Сами варианты инфоповода и вербальные стратегии представления апеллируют к стереотипным ролевым позициям потенциальных участников конфликта и принятых в социуме

поведенческих шаблонов. Ролевые позиции обнаруживают связь с архетипическими образами, а также персонажами из мультипликационных и кинематографических фильмов, относящихся к воспоминаниям светлого детства (дядя Федор, Шарик и кот Матроскин; крокодил Гена и Чебурашка; Алиса из «Гости из будущего»; Штирлиц, Борман из «17 мгновений весны»; Малыш, Карлсон и Фрекен Бокк, Вовочка), узнаваемо маркируя мишени в современном массмедийном конфликтогенном дискурсе с политической составляющей. Второй слой содержит иконические компоненты и композиционные решения конфликтогенного массмедийного дискурса. В данном модуле упор делается на семиотике колористики, кинесического языка и языка мимики с этнопсихолингвистической спецификой референса эмотивной карты носителя языка, жанрового своеобразия параграфемных средств. **Иконические эмотивы** в конфликтогенном массмедийном дискурсе представляют три большие группы: **аффективы, коннотативы и потенциативы**. Распространение дипфейков и мокьюментари в массмедиа обусловило появление **фото-, видеоаффективов**, акцентирующих внимание реципиента на ярко выраженных элементах языка мимики и жестов с целью инициирования экспрессивно-оценочного восприятия в аудитории. Третий слой задействует текстовый компонент в контексте его декодирования реципиентом с учетом композиционно-структурной организации, экспрессивных языковых средств, корреляции вербального и невербального элементов. Демонстрируемый рост отрицательно оценочных, эксплицитно оскорбительных, обценных эмотивов говорит об изменении границ допустимого в рамках **коммуникативного кодекса**. Конфликтогенность массмедийного дискурса определяется эмотивной насыщенностью с погружением реципиента в психоэмоциональную ситуацию конфликта. **Эмотивная насыщенность** соответствует **индексу эмотивности**, который определяется от соотношения количества эмотивов и нейтральных слов в конкретном массмедийном дискурсе. Четвертый слой рассматривает аллюзию и интертекстуальные элементы с позиции имплицитного потенциала

конфликтогенного массмедийного дискурса. Контекст языковой игры создает **перифразу-экспрессему**, аллюзии с которой обращаются к лингвистической, экзистенциальной и логической пресуппозициям реципиента. Конфликтогенность в массмедийном дискурсе на грамматическом и лексическом уровнях демонстрирует отступления от нормы речеупотребления с акцентуацией на обценизмы, сленг и жаргонизмы, клише, лозунги и слоганы, паремии. Тема-рематическая структура конфликтогенного массмедийного дискурса реализуются в трех основных моделях. Первая модель **«Рисунок = тема, вербальная часть = рема»** апеллирует к компрессии средств передачи информации, поликодовое представление отсылает к изображению, содержащему в себе тему, а вербальная часть – рему. Вторая модель **«Тема-рематическая конфронтация между вербаликой и невербаликой»** демонстрирует яркую противопоставленность между содержанием изображения и семантическим значением вербальных средств. Третья модель **«Представление темы в вербально-паравербальном виде при предъявлении ремы только вербальным компонентом/ только визуальным компонентом»** использует аккомодацию в качестве приема адаптации человека к новым многочисленным и разнообразным требованиям окружающей социальной среды перед каждым индивидом. Когнитивные искажения вследствие «иллюзии собственной объективности» продуцирует конфликтогенность с усилением поляризации оценок в отношении предполагаемых оппонентов в коммуникации.

ГЛАВА 3. ДИНАМИЧЕСКОЕ ЛИНГВОМОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТОГЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Современные реалии массмедиа используют шаблоны и модели при предъявлении конфликтогенного инфоповода с позиций обеспечения интереса потенциального реципиента, отвлекая от несущественных черт с позиции продуцента [Булыгина, 2000: 304]. В связи с чем нельзя не согласиться с позицией Г. П. Мельникова о сущности моделирования, представляющего собой некий прием исследования объекта, основанный на замещении одного из ингредиентов оригинала в научно-исследовательском анализе неким особым его альтер эго – моделью [Мельников, 2003: 148], в силу того, что модель может результативно и емко отобразить заданные качества анализируемого оригинала, вследствие невозможности отразить не заложенные в модель иные качественные характеристики [Мельников, 2003: 155]. Конфликтогенное лингвомоделирование интересно в аспекте дискурсологии [Полимодалные измерения дискурса, 2021; Угланова, 2014], поскольку выступает действенной стратегией трансформации вербально-паравербального поведения индивидуумов в установленных условиях «задачи», в его действенном прогностическом потенциале, позволяющем формализовать многообразный «хаос» описываемого материала с позиций различных классификаторов с последующими обобщениями.

3.1. Психолингвистическая репрезентация коммуникативных типажей в конфликтогенном дискурсе

Современные условия взаимоотношения виртуальной и объективной реальностей таковы, что моделирование вербального и невербального поведения в различных форматах действительности стало необходимостью современного этапа развития общества. **Конфликтогенный коммуникант –**

участник конфликтогенной коммуникации, ролевые проявления которого реализуются в **конфликтогенных коммуникативных типажах**. Так, конфликтогенный типаж *«правдоруб»* склонен к открытому провоцированию конфликта, типаж *«сплетник»* – к скрытой провокации и т.д.

Психолингвистическая репрезентация участников конфликтогенного массмедийного дискурса строится на эстимационных характеристиках: 1) невербального поведения индивидуума-участника конфликта; 2) вербального поведения в конфликте; 3) специфики контекста, в которой происходит формирование и развитие конфликта; 4) этносоциокультурных и иных факторов, влияющих на конфликтогенность. Выделение отдельно психолингвистической репрезентации участников конфликтогенного массмедийного дискурса обусловлено работами лингвистической конфликтологии, которая рассматривает вербальные стратегии участников коммуникации в аспекте снятия психологического напряжения за счет друг друга [Непшекуева, 2006]. При коммуникативном контакте возникает конфликт между внутренним переживанием, личностным опытом конфликта и способами его вербализации и передачи информации о конфликте другим лицам. Н. Хомский полагал, что при передаче знаний и/или собственного опыта люди оперируют некими метапрограммами, которые, в принципе, носят универсальный характер для носителя любого языка и культуры [Хомский, 2017]. Мы, вслед за Н. Хомским [2018], полагаем, что вместе с тем индивидуальные характеристики конструирования таких лингвоментальных «контуров» передачи опыта выполняют роль ключа, открывающего двери в мир психики, мышления, а, следовательно, вербально-невербального поведения человека в условиях трансформирующейся реальности.

Психолингвистическая репрезентация обусловлена коммуникативными типажами, участвующими в конфликтогенной ситуации, которая предопределена вербально-невербальными **паттернами метапрограмм**. Сами по себе **метапрограммы** представляют собой «сценарные поведенческие карты», в которых зафиксированы социостереотипные

установки, воспроизводимые благодаря фоновым знаниям о мире. Мы полагаем, что метапрограммы составляют основу **коммуникативных типажей** [Волкова, 2022], при этом в контексте конфликтогенного массмедийного дискурса метапрограммы выступают как базовые фильтры восприятия конфликта человеком, которые возможно применить ко всему спектру вербально-невербального опыта в конфликте с учетом установок, актуальных ценностных ориентаций, приоритетных личностных качеств, поведенческих стереотипов, что влечет за собой алгоритм образа жизни.

Каждая метапрограмма вербально-невербального поведения участника конфликтогенного дискурса может реализовываться в двух или более направлениях, которые нацелены на переориентацию на вариативные пути в «карте» конфликта, формируя избирательность развития и закрепления конкретных личностных качеств, ценностей, поведенческих и речемыслительных стереотипов. Соответственно выбор той или иной стратегии предопределяет избирательность репертуара лексических средств и приоритет конструирования предложений и высказываний. Как правило, поведенческая составляющая метапрограмм исследуется психологами-профайлерами [Филатов, 2015]. В суггестивной лингвистике метапрограмма понимается, как заданный фильтр перцепции, предопределяющий вербально-невербальное поведение индивидуума в привычной обстановке [Халимова, 2011: 21].

Анализ метапрограмм вербально-невербального поведения конфликтогенного дискурса демонстрирует результат **вербальной технологии управления конфликтной ситуации**, под которой мы понимаем набор конкретных приемов конфликтогенности с алгоритмом их работы в конфликтогенном дискурсе на основе полевого моделирования.

3.1.1. Линейность конфликтогенной метапрограммы

Сама по себе поведенческая метапрограмма носит универсальный характер, и, как правило, репрезентация метапрограммы задана движением от исходной точки до конечной точки [Филатов, 2015]. Целеполагание обусловлено структурой доминирующего количества поступков и действий человека конфликтной, провокативной направленности в большинстве контекстов. При этом конфликтогенная мотивация напрямую зависит от эволюционной составляющей, заставляя реализовывать одну из двух метапрограмм «Бей или беги», или «Спрячься или умри». В связи с этим полезно рассмотреть поляризацию конфликтогенной метапрограммы в контексте ее порождения и реализации. Линейность развития конфликтогенной метапрограммы подразумевает наличие некоего источника/мотива, при котором индивидуум мотивируется моделируемыми негативными последствиями своей апатичности или бездействия. Иными словами, есть некая исходная точка конфликта, которая акцентирует конфликтную установку как таковую. «Современный словарь по конфликтологии» трактует **конфликтную установку**, как «психологическое состояние сторон, вовлеченных в конфликтную ситуацию» [Светлов, 2016: 320]. Имплицируя к конфликту, инициатор конфликтогенного действия будирует у реципиента внутриличностный конфликт [Непшекуева, 2006] за счет представления яркого образа несчастья при отсутствии изменения ситуации, укореняя в сознании реципиента внедряемую девиацию [Вольф, 1989; Панарина, 2020], которая впоследствии вступает уже в социальный конфликт [Емалетдинов, 2018; Майсак, 2016; Менделевич, 2008]. Например: *«Невежественное отношение к себе плохо заканчивается: как меньше переживать и быть счастливым»* (Клубер, 21.09.2022); *«10 типов мужчин, которых стоит избегать, если Вы уважаете себя»* (Счастливая женщина, электронный ресурс).

Конфликтогенность в этом случае формируется за счет ярких образов, возникающих ассоциативно в сознании реципиента конфликтогенного дискурса [Барт, 2008]. При этом каждый тип девиации характеризуется не

только повышенной конфликтностью, но и реализуется в конкретном коммуникативном типаже [Гасан, 2018; Леонтьев, 1973; Шагиева, 2021; Шалаева, 2007]. Исследователями были выделены конфликтно-агрессивный коммуникативный типаж и конфликтно-манипулятивный коммуникативный типаж [Седов, 2002; Сейранян, 2012], которые по-разному используют маркеры конфликтности в зависимости от мотива [Шейнов, 2004: 247 - 253]. Однако если мотив является начальной точкой, то конфликтность в этом случае развивается по оси «начало (от) – конец (до)», что позволило определить данную метапрограмму как линейную. Начало этой метапрограммы ставит в исходную позицию понимание высокой ценности целеполагания: избегание, уход от проблемы, игнорирование проблемы.

В целом для декодирования той или иной метапрограммы необходимо понимание **когнитивной стилистики** [Луныкова, 2016], оказывающей имплицитно влияние на ценностную картину мира реципиента. Эта психолингвистическая стратегия, как правило, подкрепляется невербальными маркерами (кинесика, мимика, одежда) и соответствующими внутренними установками личности, отражающими рефлексию человека относительно конфликта [Багаева, 2015]. Так, психофизиологически по габитусу данная стратегия отражает такие основные эмоции, как отвращение, печаль и гнев, в связи с чем лицо и позы тела редко бывают расслабленными, а жестикация отрывистая, резкая и центростремительная (от себя) [Аллахвердова, 2009]. Как правило, такой кинесический язык [Геворкян, 1988; Мартынова, 2016] характерен для истероидов (например, *В. Жириновский*) и эпилептоидов (например, *Маргарита Павловна Хоботова* из к/фильма «Покровские ворота»). Не случайно в психолингвистической характеристике этих психотипов указывается склонность к конфликтному поведению и поведению, провоцирующему конфликт [Ганнушкин, 1982; Тюрязина, 2016; Юань, Алексеева, Ахмедшин, 2020], как форма аномальной коммуникации «кнута и пряника» [Мартынова, 2016].

Сама метапрограмма демонстрирует приоритет использования:

1) негативных экспрессивов с частицей «не» («Россия уже **не может сражаться** на Украине с одной рукой за спиной», Царьград, 17.09.2022); «Женщина **не может быть уравновешена** эмоционально, если она **не понимает**, кто она для мужчины», ВК, Простые мамыны хитрости, 13.01.2022; «IKEA **не вернется** и почему ее нельзя быстро заменить», КП, 15.06.2022); «(...) с развитием экономики в России нам уже **не хватает**, а скоро это будет очень заметно, **не будет хватать рабочих рук**», РИА НОВОСТИ, 03.07.2020);

2) конфликтогем-усилителей с коннотациями необходимости (**нужно vs не нужно**). Например: «“В настоящий момент нам на самом деле **нужно больше нефти и газа, а не меньше**”, — заявил миллиардер Илон Маск в понедельник на конференции 2022 Offshore Northern Shore, посвященной вопросам энергетики, проходящей в норвежском Ставангере», Рождественская, Коммерсантъ, 28.08.2022; «Если смотреть реалистично, нам нужны нефть и газ в краткосрочной перспективе, потому что иначе цивилизация рухнет, — сказал в своем выступлении на конференции господин Маск», Рождественская, Коммерсантъ, 28.08.2022; «“Нам **не нужны иностранцы!**”» Ловчев призвал российский спорт отказаться от легионеров, Spartak Moscow Club, 16.09.2022; «Такие «джунки» нам **не нужны!**», Хабр, 16.09.2022)

3) конфликтогем долженствования (**должны vs не должны**), например: «Дмитрий Певцов: “Люди **не должны умирать** от нехватки врачей”» (АиФ, 21.04.2021); «Вы **должны смотреть** на факты так, как они на Вас”. У. Черчилль» (Ву, Современность, 18.03.2019);

4) конфликтогем с коннотацией обязательств (**обязан – не обязан**), например: «Вы **обязаны отдать** мне одного внука! Второго оставьте себе! (...) Она орет, что мы **обязаны отдать** ей внука» (Babyblog, 2014); «Это оскорбление, когда говорят, что **не обязаны помогать?**» (Большой вопрос, 16.09.2022).

В целом метапрограмма ориентирована на обесценивание личностных установок потенциального реципиента, в связи с чем происходит отбор таких конфликтогенных маркеров, как: 1) сравнительная степень с негативной коннотацией «не хуже», «не плохо», «не меньше», «незначительно»; 2) глаголы с негативной окраской (**избежать, избавиться, исключить, выбросить, помешать** и пр.); 3) акцентуация на негативном опыте («*у Вас никогда не получится, потому что мы пытались пойти таким путем, ничего не вышло...*», «*можете даже не стараться, Ваш путь заведомо ошибочен...*»); 4) обращение к описанию прошлого (типа: «*а вот в наше время...*», «*когда я попал в аналогичную ситуацию, то...*» и т.п.); 5) критичные **высказывания и скепсис по поводу актуальных задач, планов и решений.**

3.1.2. Паравербально-невербальные характеристики конфликтогенной метапрограммы

Каждый конфликт при всей своей стереотипности обладает собственной уникальностью. Конфликтогенность не всегда может иметь очевидный и явный характер, зачастую проявляясь имплицитно под влиянием поведенческих маркеров конфликта: собственно, лингвистических [Кишина, 2017; Кишко, 2003; Новгородова, 2021], паравербальных [Ганнушкин, 1982; Сейранян, 2012] и эмоциональных [Вольф, 1989; Кириллов, Никитин, 2022; Пешкова, 2021].

Степень выраженности конфликтогенной метапрограммы оценивается в обществе в зависимости от условий базового окружения и моделирования возможной опасности для индивидуума или всего социума. Как указывал в свое время А. Р. Лурия, избирательность выбора интерпретации сбивается при погружении в особые состояния сознания вследствие нивелирования возбудимости различных связей, что влечет за собой сложности выбора нужного слова из множества возможных согласно семантическим правилам

[Лурия, 1998: 120]. Исходя из этого, конфликтогенность считается не только на основе истолкования вербальных знаков.

Сама зона конфликтогенности находится на оси новаторства и консерватизма, а сами ценности получают вариативное истолкование, исходя из отношения к традиционности как таковой [Новгородова, 2021]. Осями дихотомического конфликтогенного диалога становятся такие пары, как: «безопасность – опасность», «простота – сложность», «порядок – анархия», «долг – свобода», «жизнеспособность – безжизненность», «дисциплина – вседозволенность», «исполнительность – волокита», «качество – количество», «контроль – бесконтрольность», «независимость – подчиненность», «вежливость – грубость», «опыт – наивность», «почтение – неуважение», «ответственность – безалаберность», «перфекционизм – небрежность», «постоянство – изменчивость», «этика – цинизм», «экономия – расточительство», «семья – одиночество», «старость – молодость», «уединение – толпа», «скрытность – открытость», «стабильность – неустойчивость» и др.

Сама поведенческая стратегия мотивируется, исходя из предположений моделирующего характера (например, *вакцинация против COVID-19 менее опасно, чем сама перспектива заболеть коронавирусом; астрологический прогноз о том, что якобы звезды говорят о необходимости миграции*).

Имиджевые стратегии внешнего вида являются имплицитным невербальным маркером, сигнализирующим о комфорте/ опасности: *просто одет/ повседневный стиль → «не усложняет»; спортивный стиль при соответствующих данных → возможна скрытая агрессия при провокации; вычурный стиль → конфликтность, нарциссизм, акцент на протесте и несогласии с установленными правилами*. Следует учитывать, что одежда является самым легко считываемым маркером для разделения на «своих и чужих», актуализируя агрессивно-защитное поведение, влекущее за собой ограничения и отстраненность, которые формируют некоторую интактность по отношению к «другому» опыту и исследованиям. Использование

корреляций теста Люшера в отношении цветовых решений в одежде позволяет сделать заключение о приоритетах индивидуума к конкретному виду деятельности, понять его внутренние мотивы и настроение, выделив наиболее устойчивые личностные черты [Гришков, 2006; Яньшин, 2006], которые соотносимы с разработанными вербальными маркерами. Так, известна психосемантика белого цвета, которая стала активно использоваться в невербальном конфликтогенном дискурсе, типа: *молчаливые пикеты с белым листом бумаги в руках; белые ленточки на одежде и аксессуарах в противовес георгиевским ленточкам и т.д.*

Использование внешнего вида в качестве паравербально-невербального маркера конфликтогенности определяется некоторыми исследователями, как «**текстильная упаковка**» [Романов, 2005: 43], поскольку присутствует нарочитая неаккуратность внешнего вида, или наоборот четко продуманный имидж (авангардный провокативный или четко классический дорогой). Однако мы полагаем, что данный термин не совсем удачен, а сам феномен еще нуждается в дополнительном научном осмыслении.

Например, в рамках сознательно моделируемого конфликтогенного дискурса может быть нарушение дресс-кода: использование футболок, кроссовок в одежде президента Украины В. Зеленского на встрече с официальными лицами в рамках мероприятий (рис.29).

Рис.29. Встреча В. Зеленского на встрече с лидерами европейских стран (Источник: <https://bloknot.ru/politika/pripodnyatoe-sostoyanie-zelenskogo-v-seti-obsuzhdayut-proisshestvie-v-ego-shtanah-pri-vzglyade-na-makrona-944146.html>)

Понятен внутренний посыл: «моя страна в войне, я приехал прямо с поля сражений». Отсюда нарочито неухоженный внешний вид: заношенные спортивные брюки защитного цвета, несвежая армейская футболка, запыленные/ грязные кроссовки, заросшее щетиной лицо. Образ В. Зеленского «работает» на контрасте рядом с ухоженными представителями Франции и Германии (Макрона и Шольца) как противопоставление символа «страна в войне» и символа «мирная страна». На образ «страны в войне» указывает и мимика, и кинесика В. Зеленского: скорбная складка в межбровье, насупленные брови, ладони, сжатые в кулаки. Для определения конфликтогенности необходимо учитывать весь спектр ассоциативных связей, поскольку, как правило, нормированные связи вытесняются на периферию за счет доминирования ситуативных. Сложность вычленения конфликтогем в современном массмедийном дискурсе обусловлена тем, что эти ассоциативно-образные связи оказываются не просто более значимыми, нежели смысловые, но и являются подвижными. Не случайно исследователи указывают на значимость кинесики и мимики в распознавании конфликта, отнеся их к **невербальным маркерам конфликта** [Белоус, 2007]. Невербальные знаки конфликтогенности важны при анализе крелизованного текста с визуальным сопровождением, демонстрируя вариативность интерпретации [Дугалич, 2018; Лунькова, 2020; Крейдлин, 2015].

Конфликтогенный кинесический язык включает в себя следующие жесты и позы: *указующий перст, руки в боки, задиранье подбородка, выпячивание груди, разворачивание плеч, нервно сжатые руки и ноги*. В этом случае конфликтогенность считывается мгновенно и однозначно интерпретируется в любой аудитории.

Рис.30. Кинесический конфликтогенный маркер «руки в боки» (кадр из мультфильма «Вовка в тридевятом царстве», 1965, <https://bigbookname.com/en/user/aleksandr-tolstov-2149215/photos> - М. Н.)

Как можно видеть из рис. 30, кинесика поддерживается и языком мимики: *задранный кверху подбородок*. Также к мимическим конфликтогенным маркерам относятся: *неподвижная ухмылка, нарочито поджатые губы, вздернутая одна вверх бровь, пристальный прямой взгляд, брезгливый взгляд, насупленные брови, сморщенный нос* и т.п.

Эти характеристики составляют коды невербального выражения конфликта, которые именуется, как «коды экспрессии лица, коды движений глаз, коды движений тела – позы, интонационно-ритмические коды, жестовые коды, проксемические и проксемико-кинесические, такесико-кинесические и т.п.» [Лабунская, 1999: 109]. При этом наиболее исследована экспрессивная мимика лица, а другие проявления кинесического языка находятся в стадии активной разработки [Лабунская, 1999; Крейдлин, 2015].

Параллельно выделяются паравербальные знаки конфликтогенного массмедийного дискурса, которые важны для аудиального распознавания ситуации конфликта (телевидение, радио, каналы YouTube с аудиосопровождением, публикации медиа с аудиовизуальным сопровождением). Исследователи относят к **паравербальным маркерам конфликта** такие параметры, как темпоритм речи, тон и интонационные характеристики речи, которые включены иерархическую структуру семиотической классификации конфликта как такового [Белоус, 2007].

К дополнительным паравербальным конфликтогенным маркерам можно отнести фоновые шумы: *отвлекающие внимание (привлекающие внимание)*

шумные вдохи/ выдохи, кашель (особенно такое часто встречается на концертах), *звуки бьющейся посуды, падающей мебели, скрежет по стеклу, щелканье авторучкой и/или карандашом, шуршание бумагой* и т.п. Особенно часто указанные конфликтогенные маркеры используются в коротких видеосюжетах, клипах в соцсетях Тик-Ток, Инстаграм, Телеграм, Яппи и т.п. Они выполняют моделирующую роль программированного реагирования на короткую предъявляемую информацию.

При определении характера и интенсивности конфликтогенного влияния массмедийного дискурса акцент делается на выявлении специфики **конфликтогенного сознания**, которое формируется на основе этносоциостереотипов пространства сотрудничества и/или враждебности. Например, лингвоинформационная конфликтогенность медиадискурса в разрешении абхазо-грузинского конфликта была акцентирована в работах исследователей обеих стран с ярко выраженной поляризацией оценок и поиском фальсифицирования событий противоположной стороны [Авидзба, 2012; Кварандзия, 1996; Папаскири, 2010; Разоренова, электронный ресурс; Чамагуа, 2017]. При этом М. Разоренова и К. Дзиндзибадзе подчеркивают, что за месяц до начала абхазо-грузинского военного противостояния в грузинских проправительственных газетах освещение данной проблемы практически отсутствовало, возрастая лишь к моменту апогея конфликта с формированием специальной лексики и конфликтогенных штампов, типа: **«бандформирования», «оголтелый сепаратизм», «империалистические действия России», «развязывание антигрузинской истерии», «обстановка накалилась до предела», «стало взрывоопасным», «над нами сгущаются тучи», «сепаратисты сами подписали себе приговор», «грузинские оккупанты»** и т.п. [Разоренова, электронный ресурс].

Паравербально-невербальные маркеры конфликтогенного дискурса указывают на присутствие той или иной степени агрессивности (явной или скрытой, осознанной или неосознаваемой), которая инициирует разнообразный спектр негативных эмоций у предполагаемых участников

конфликтогенного дискурса. Проявленность конфликтогенной метапрограммы можно проранжировать по трем степеням: легкая, средняя и тяжелая.

Легкая степень проявленности **конфликтогенной метапрограммы** связана с такими характеристиками индивидуума, как *воспитанный, тщательный, рассудительный, задумчивый, интеллигентный, предусмотрительный, учтивый, скромный, совестливый, тактичный, обходительный, ироничный, настороженный, осторожный, неуверенный, брезгливый, опечаленный, пессимистичный, подозрительный, тревожный, неуравновешенный*. В связи с этим ставится приоритет в отборе лексических средств в соответствии с личностными характеристиками личности. Как правило, это лексика нейтральная, с неярко выраженным отрицательным коннотатом, в пределах литературного языка. Легкая конфликтогенность обнаруживается у любого человека, поскольку нацелена, как правило, на поиск решения в случае отказа системы или отсутствия обратной связи. Например, в публикации «*Какие болезни позволяют избежать мобилизации в России: разбор с юристами*» (Psychologies, октябрь 2022) легкая степень конфликтогенности заложена в выражении «*избежать мобилизации*», что обусловило появление осуждающих постов в Сети. Однако анализ самого текста статьи обнаруживает отсутствие конфликтогенных маркеров, поскольку статья нацелена на предупреждение конфликтных ситуаций. Сам концепт «мобилизация» содержит в себе конфликтогенный потенциал [Поцелуев, 2019]. Не случайно исследователи подчеркивают, что в зарубежной и отечественной научной литературе не определено лексико-семантическое содержание концепта «*мобилизация*» [Поцелуев, 2019: 2], что также создает конфликтогенность восприятия. Так, «Социологический энциклопедический словарь» объясняет мобилизацию как «*направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, военных, экономических и других целей*» [Социологический энциклопедический словарь, 2000, электронный ресурс]. Однако проведение

правительством России мобилизации для решения вопросов со спецоперацией на Украине. «Словарь ассоциаций русского языка» в качестве ядерной ассоциации к понятию «мобилизация», выделяет «война», которая однозначно имеет негативный коннотат [Ассоциации к слову «мобилизация», электронный ресурс]. Ряд исследователей, анализируя концепт «мобилизация», понимает под ней некое «коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом» [Яницкий, 2012: 3]. При этом количество слов с конфликтогенным значением не является значительным, или критическим при легкой конфликтогенности в рассматриваемой публикации о мобилизации. Надо учитывать, что сама по себе конфликтогенность не является абсолютно негативным свойством общества, поскольку также выполняет созидательную функцию, способствуя трансформации конфликтной ситуации, снижая степень напряженности, объединяя соратников и потенциальных единомышленников, предотвращая переход конфликт в деструкцию.

Усиление градуса конфликтогенности происходит за счет насыщения речи отрицаниями (типа: *никто, никогда, нигде, ни при каких условиях* и т.п.), обобщениями (типа: *все, везде, всегда, вечно* и т.д.), ярлыками (типа: *подлец, жулик, ватник, антиваксер, провокатор, паникер* и т.п.), крайне экспрессивными оценками (типа: *примитивный, жирующий, скандальный, навороченный, огульный, нищий, тупой, жуткий, заумный* и пр.), словами с ярко выраженным негативным коннотатом (*бандитствующий, злобный, фашиствующий, никчемность, циничность, пренебрежение, ужас, бездна, ярость* и т.п.).

Средняя степень **конфликтогенной метапрограммы** обусловлена такими характеристиками индивидуума, как *консервативный, ответственный, традиционный, бдительный, директивный, серьезный, строгий, педантичный, раздражительный, суровый, ревнивый, суеверный, беспокойный, недоверчивый, ворчливый, меланхоличный, обидчивый, вспыльчивый, грустный, застенчивый, пассивный, закомплексованный,*

замкнутый, огорченный, откровенный, пошлый. Вместе с тем личностные характеристики отражены в конфликтогенном дискурсе средней степени напряженности с помощью синонимо-антонимических и ассоциативных рядов. Например: «*Князь Владимир, застенчивый агрессор. ...*» (Аргументы недели, 12.01.2017); «*Пассивный агрессор: злобный мститель за маской грусти*» (Эконет, электронный ресурс); «*Святая обязанность каждого честного рукопожатного блоггера — быть ворчливой и придирчивой сволочью, готовой обгадить любую, даже самую хорошую новость*» (Типовая методичка для травли *запутинцев* и прочих *ватников*. Памятка оппозиционеру, Твиттер, 04.03.2021).

Для средней степени конфликтогенности характерно массированное использование таких лексем и оборотов, которые вызывают раздражение, обиду и агрессию, проявляясь в виде ответной, более экспрессивной агрессии. В целом алгоритм нагнетания конфликтогенности средней степени соответствует эскалации конфликтогенов [Гилязова, 2022; Фаткуллина, 2002], т.е. любой провоцирующий конфликтоген вызывает ответный конфликтоген в виде более экспрессивных эмоций негативного спектра [Волкова, 2022; Карамурза, 2020; Телюкина, 2016].

Для **сильной степени конфликтогенности** такие маркеры, как: *принципиальный, скептический, контролирующий, конфликтный, критичный, негативный, агрессивный, гневный, грубый, деспотичный, жестокий, злой, угрюмый, ожесточенный, циничный, язвительный, яростный.* Семиотическое пространство конфликтогенности также определяется локусом конфликта (реального и/или предполагаемого). Исходя из этого, символом конфликта могут быть рынок/ базар (ср.: *базарная баба* – о скандальном человеке), лобное место (ср. *быть на лобном месте*), реалити-шоу (ср. *свободный микрофон*) и т.п.

Следует отметить, что американский политтехнолог Дж.Шарп предложил в свое время активно использовать паравербально-невербальные средства конфликтогенности для формирования социального базиса «цветных

революций» [Шарп, 2005]. Хотя Дж. Шарп писал о ненасильственных методах власти, но предлагал **методы символической пассивной агрессии**, которые реализовывались по вектору «нападение – отражение» с максимальным кумулятивным конфликтогенным потенциалом воздействия на общественное сознание [Аббасов, 2016; Родькин, 2015]. В рамках паравербально-невербальных конфликтогенных средств отмечается использование цветов государственного флага стран конфликта, или белого цвета как цвета протеста. Например: *«Теперь адвокат защищает задержанного на Тверской площади, который был в **сине-желтых кроссовках**»* (Адвокат сообщил о задержании мужчины на Театральной площади из-за сине-желтых кроссовок, Москвич, 21.04.2022); *«На Красной площади задержали девушку с **желто-голубым маникюром**. На нее завели два дела»* (MSK1RU, 25.04.2022); *«Штраф в 50 тысяч рублей выписан Константину Надеину вышел на Бассейную улицу в надетой толстовке **синего цвета с желтыми надписями** спереди, сзади и на рукавах (**сине-жёлтый** – цвет государственного флага Украины)»* (В Петербурге выписаны штрафы за **сине-жёлтую одежду и стояние на коленях**, Рамблер, 06.04.2022); *«Полиция задержала петербуржца за пикет с **белым листом ватмана**»* (MP7RU, 06.05.2022); *«У Красной площади задержали 33 человека с **белыми ленточками**»* (Newsland, 25.03.2012); *«Полиция задержала семерых человек, гулявших по Красной площади с **символами протестного движения - белыми шариками и ленточками.**»* (Полиция задержала семерых человек, гулявших по Красной площади с белыми ленточками, Вестник К, 08.03.2012).

Следует отметить полиметафоричность используемых символов в конфликтогенном дискурсе [Антонова, 2018], которая повышает градус скрытой агрессии, что рано или поздно приводит к явному противоборству оппонентов в социально значимом пространстве, вовлекая в конфликт все большее число участников [Гилязова, 2022; Кирсанова, 2014; Навасартян, 2017]. Например: *«Китай – это **бумажный тигр**. Это **карточный домик**, готовый рухнуть»* (Игорь Питерский о финансовом благосостоянии Китая,

ЖЖ, 26.08.2019); «По нашей информации, **Россия ворует зерно, хранящееся в оккупированных Херсонской и Запорожской областях, и отправляет его в третьи страны**» (Ukrnews, 23.06.2022); «Путин превратил доллар в хромую утку» (Politikys, 13.07.2022).

Таким образом, некоторая интеллигентность и обходительность могут быть отображать легкую степень конфликтогенности с тенденцией к усилению при насаждении пассивной агрессии, выраженной как вербально, так и невербально.

При этом насаждение конфликтогенности в обществе посредством массмедийного дискурса культивирует такие черты вербально-паравербального поведения, как *замкнутость, педантичность и раздражительность*, которые, в свою очередь, формируют такие формы деструкции, как *агрессивность, деспотичность и критицизм*.

Сам по себе массмедийный дискурс актуализирует декорпоруацию негативных переживаний, способствуя выплескиванию их в комментировании публикаций СМИ, обсуждении в социальных сетях, публикации собственных комментирующих постов. В итоге возникают ассоциативно расширенные вербальные реакции, которые образуют пост-интерпретативные тексты с элементами конфликтогенности, отражающие процессы восприятия, понимания и интерпретации информации массмедийного дискурса, что обеспечивает прогностическую возможность вербальных стратегий конфликтогенного поведения в виртуальной реальности массмедиа и реальной жизни.

3.2. Конфликтогенные репликовые шаги как иллокутивные действия в массмедийном дискурсе

Психолингвистическая репрезентация коммуникативных типажей конфликтогенного дискурса связана с **конфликтогенным репликовым шагом**, выступающим в роли провокатива конфликтогенной ситуации. Сам

алгоритм репликовых шагов рассматривался исследователями в аспекте поведения в конфликте, как примере диалога в социокультурной репрезентации [Барбина, 2019; Кошкарлова, 2009; Малюга, 2008]. Инициация конфликтогенного репликового шага рассчитывается, исходя из ценностной парадигмы концептуальной картины мира адресата конфликтогенности как объекта направленной и моделируемой конфликтогенной коммуникации. Это приводит к тому, что субъект моделируемой конфликтогенной коммуникации становится более лабильным, суггестивно управляемым с точки зрения дальнейших манипуляций. Коммуникативные «поглаживания» обеспечивают подстройку к внутренней картине мира реципиентов, подсознательно подстраивая к когнитивно-поведенческой парадигме адресата массмедийного дискурса. Как правило, субъектом сознания самой конфликтогенной истории, начинающейся словами «*В этом городе / районе / стране / поселке / семье / коллективе...*», является **корреспондент / очевидец / блогер**, который описывает место и время завязки конфликта как некоего сюжета, конкретизируя или создавая видимость конкретизации описываемого конфликтогенного источника сообщения. Например: «**Жительница Валуек рассказала подробности обстрела. Местная жительница рассказала, как это было**» (Бел.ру, 16.09.2022); «**Переселенцы вспоминали, как на образовавшихся посреди воды островках сидели напуганные зайцы, и люди, с жалостливостью Деда Мазая, делали для них плоты и валили деревья, сооружая мостки, чтобы зверьки могли перебраться “на материк”**» (Преступление сталинизма: трагедия русского города Молога, ЖЖ, 10.05.2019). Иницирующий конфликтогенный шаг в идеале выстраивается с подстройки к значимым концептам этносоциокультурной картины мира объекта направленного медиадискурса, а после происходит плавное ведение коммуникации в усугубление конфликта. По мнению К.Ф. Седова, инвективное речевое поведение характеризуется низкой семиотичностью [Седов, 2002]. Вместе с тем позже другие исследователи стали говорить о более разнообразном репертуаре конфликтогенных средств в связи с

распространением цифровой коммуникации и дигитализации коммуникативных практик [Желтухина, 2020; Клушина, 2020; Новоселова, 2020; Привалова, 2020], что способствует усилению лингвосемиотических черт в конфликтогенном массмедийном дискурсе. Конфликтогенный потенциал реализуется как организованная агрессия [Мамаева, 2005], которая вписывается в психосемантическую модель сознания, разработанную В.М. Петренко [2010].

Согласно этой модели, осуществляется трансформация отношения к кому-либо или чему-либо с увеличением степени выраженности признака:

- 1 шаг – трансформация позиции реципиента к теме потенциального конфликта без изменения картины мира субъекта, но с изменением коннотативных значений слов в сторону приоритета конфликтогенности. Как правило, этот процесс наблюдается в рекламном дискурсе, в лозунгах, призывах, предвыборном дискурсе. Бифуркация в сторону конфликтогенности происходит за счет связывания темы потенциального конфликта с новыми эмоционально насыщенными образами;

- 2 шаг формирует соответствующего психоэмоционального настрой с использованием архетипов картины мира реципиента. Как правило, эта позиция реализуется устойчивыми формами суггестии, характерными для художественного творчества и искусства (стихи, поэмы, песни, оперы и т. п.), воздействия на матрицу концептуального образа мира в сознании реципиента;

- 3 шаг трансформирует поведение реципиентов путем последовательного введения новых конструктов, обладающих разрушительным действием для устоявшейся картины мира.

Так, рассматриваемые нами ранее примеры о белых ленточках протеста 2011-2012 г., апеллируют к чистоте белого цвета, как символу честных и прозрачных выборов. Например: «Для меня белая ленточка – это визуальный показатель моего протеста\», - *говорит Алена. – Мне не нужна революция, но я хочу, чтобы в России прошли новые выборы, на которых бы не воровали голоса*». Как и многие другие, Алена узнала об акции “Белая ленточка” из

интернета. *«Случайно прочитала в Twitter», - говорит она. – Но узнала бы и без него, у меня много активных друзей “ВКонтакте”»* (Белая ленточка: недовольные выходят из сети на улицы, Южный федеральный, 09.12.2011). Позже этот символ стал подменять семантику чистоты на семантику капитуляции (достаточно вспомнить, что ранее в международной невербальной военной капитуляции поднятие белого флага означало сдачу на милость победителя), а также как опознавательный знак оппозиции и своеобразной моды среди элиты: *«Спустя две недели после последнего протеста белые ленточки, используемый оппозицией символ, можно встретить на любой московской улице, на рюкзаке студента и на дорогой сумочке, что свидетельствует о массовой симпатии»* (Белые ленточки – мода среди *элегантных протестующих* россиян, ИноСМИ, 16.02.2016).

Конфликтогенный репликовый шаг может быть растянут на несколько лет с целью трансформации ценностной картины мира молодежи. К усилению нового смысла использовались публикации ЛОМов об обесценивании победы в Великой Отечественной войне и замене георгиевских ленточек на белые, либо на красные маки. Например: *«Виторган призвал отказаться от празднования Дня Победы. Виторган закрыл свой пост для комментариев, сопроводив его изображением красного мака — символа победы над нацистами, принятого на Западе»* (Виторган призвал отказаться от празднования Дня Победы, РИА Новости, 10.05.2019). Иными словами, мы имеем пролонгированный конфликтогенный репликовый шаг.

Первый конфликтогенный репликовый шаг регулируется следующими факторами: 1) описание референса события, т.е. ситуаций и условий, которые входят в обыденную сферу привычных действий и событий, не внося какие-либо коррективы; 2) использование вполне объяснимых оценочных критериев психолингвистического анализа при отсутствии какой-либо двусмысленности; 3) включение иерархической дистанцированности в публикации с позиционированием авторской отстраненности от смыслового

содержания и юридических последствий от публикации. В связи с этим адресант выступает в роли третейского судьи, надевая маску незаинтересованного лица, что создает иллюзию объективности излагаемой информации у адресата. Первый конфликтогенный репликовый шаг, как правило, вызывает заинтересованность у аудитории, подготавливая потенциальных реципиентов к восприятию новой информации, которая зачастую содержит дезадаптационный фактор конфликтогенности, меняя концептуальную картину мира целевой аудитории. Как правило, вопросы, которые ставятся перед целевой аудиторией носят значимый характер: *«В чем конкретно заключается проблема? Достаточно ли велика эта проблема, чтобы ее решать?»*.

Второй конфликтогенный репликовый шаг завязан на хаотизации предъявляемой информации с частой сменой раздражителей, что вызывает разбалансированность ассоциативных связей, появление новых ассоциатов, зачастую нетипичных для устойчивых лексических связей. Возникнув, как языковая игра, преобладание предъявляемых нетипичных для языка слов, словосочетаний, графических и иных оформлений, расшатывает языковую норму. Хаотизация предъявляемой информации состыкуется с возникающей у реципиентов нестабильной мотивацией, которая дисгармонично влияет на вербально-паравербальные паттерны у адресантов с формированием деструктивных нарушений патопсихолингвистического спектра с характерными периодами маниакального подъема и полного безразличия. В результате возникает эффект отклоняющегося вербального поведения как инварианта общеповеденческой нормы, что формирует конфликтогенность в обществе. Вопросы второго конфликтогенного репликового шага сконцентрированы вокруг темы угрозы и опасности для индивида, целевой группы и общества: *«Как и чем эта проблема может угрожать мне и другим людям? Что будет, если эта проблема не будет решена? Кто виноват в том, что эта проблема появилась? Каковы причины этой проблемы? Кто несет ответственность за развитие проблемной ситуации? Реально ли*

предотвратить появление аналогичной проблемы в будущем?». Причем хаотизация освещения конфликтогенной темы накручивается за счет привлечения все новых и новых акторов в освещение проблемной ситуации.

Третий конфликтогенный репликовый шаг связан с так называемым журналистским «плюрализмом», который не просто моделирует ситуацию неопределенности оценок, но и размывает поведенческую норму, поскольку одна и та же информация преподносится во взаимоисключающих друг друга инвариантах, повышая градус конфликтогенности в обществе. В принципе третий конфликтогенный репликовый шаг представляет собой эволюцию второго конфликтогенного репликового шага, укрепляя в сознании целевой аудитории уже новый вариант вербально-невербального поведения и новые оценки к тому или иному феномену/ явлению/ событию в качестве новой нормы. Сценарные ходы конфликтогенной ситуации акцентируются в сторону не стандартизированного, размытого поведенческого стереотипа, позволяя управлять оценочным восприятием аудитории, как это было в усилении дифференциальных различий в языковой картине мира таких близкородственных языков, как украинский и русский [Шапталов, 2016].

Четвертый конфликтогенный репликовый шаг объединяет в себе коммуникативные события, которые требуют от реципиентов полной вовлеченности в обсуждение информации, но при этом растормаживают вербально-невербальное поведение целевой аудитории ввиду отсутствия четкой регламентации приоритетов в социально-коммуникативной деятельности. При этом нагнетается аутонегатив у реципиента, формируя резистентность к медианасилию [Марзан, 2018].

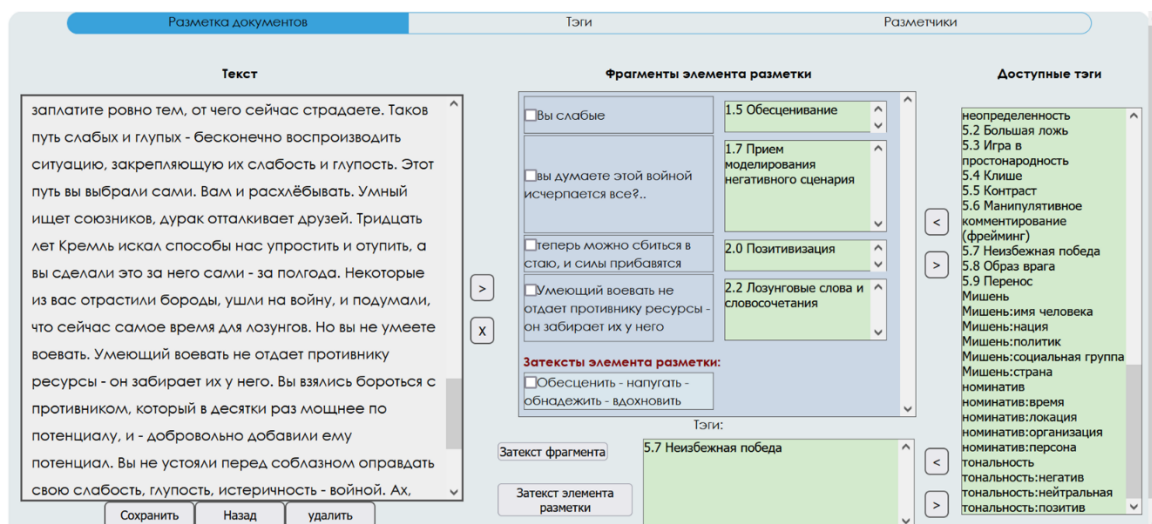

Рис. 31. Фрагмент интерфейса экспертной семантической разметки конфликтогенного дискурса А. Арестовича «Вы слабые»: предварительный этап для последующего машинного обучения (коллективный проект на базе МГУ- МФТИ, рук. - д.физ-мат-н., проф. РАН К. В. Воронцов – М.Н.)

Аутонегатив хорошо представлен в публикации А. Арестовича «Вы слабые», адресованной населению России (рис.31). Смешанный (гуманитарно-технический) состав авторского коллектива на базе МГУ-МФТИ занимается распознаванием конфликтогенного контента с целью последующего обучения искусственного интеллекта для автоматического распознавания. Сложность работы с конфликтогенным дискурсом заключается в том, что каждый конфликтогенный репликовый шаг эксплуатирует вербализованные искаженные архетипы, на которых базируется информация в конфликтогенном сообщении. На данном этапе идет работа с усовершенствованием инструкции к семантической разметке. Однако эти вербализованные представления обладают определенной структурой последовательностей: введение/ вводная информация, предшествующая конфликту (1), завязка конфликта с использованием конфликтогем-инициаторов (2), развитие конфликтогенности с использованием конфликтогем-пролонгаторов и (3), кульминация/ апогей конфликта с конфликтогемами-усилителями (4), развязка конфликта с конфликтогемами-гармонизаторами (5), эпилог с конфликтогемами-нейтрализаторами (6)

сценарных ходов конфликта, приводящих к неосознаваемому реципиентами переходу из виртуального пространства в реальное. Иными словами, конфликтное событие, размечаемое вручную или автоматически, обладает гипертекстуальностью и интертекстуальностью.

В связи с этим мы можем говорить о направленности конфликтогенного массмедийного дискурса на конкретизацию понятийных признаков, отсылающих реципиента непосредственно к моменту инициации конфликта и вариативному развитию конфликтогенных действий.

Вместе с тем, количество компонентов в публикации может варьироваться при общем виде паттерна репрезентации конфликта, который и понимается нами как **конфликтогенный репликовый шаг**. При этом активно эксплуатируются концепты как традиционной русской языковой картины мира [Кусов, 2000], так и представленные в картинах мира других лингвокультур [Арсентьева, 2012, Мардиева, 2011; Ширяева, 2015].

Агрессивные действия в конфликтогенном поведении вполне предсказуемы и ожидаемы. Именно этот инстинкт трактуется С. А. Гороховым вслед за З. Фрейдом, как механизм формирования агрессии импульсивной жестокости [Горохов, 2020]. Этот вид агрессии спровоцирован инстинктом самосохранения, защитить себя от опасности.

Конфликтогенные репликовые шаги в массмедийном дискурсе поступательно подталкивает оппонента в его вербально-невербальном поведении к проявлению агрессии как кульминационной точке конфликта.

Мы предполагаем следующий **алгоритм осуществления конфликтогенности в массмедийном поведении**:

1. Плохо осознаваемый дискомфорт от физического присутствия оппонента и рост раздражения от необходимости коммуникации;
2. Опосредованная агрессия в виде конструирования и распространения сплетен, анекдотов, шуток, фейковых новостей и свидетельств участников событий, псевдоисторических публикаций, перемежающая с приступами ярко выраженного контента, отражающего

ярость. Сюда также относится и провокационная кинесика в сторону оппонента (потрясание кулаком; перекатывание предмета с последующим сбрасыванием; гримасы недовольства; «каменное лицо» при обращении оппонента; изменение высоты голоса с целью устрашения и подавления противника в коммуникации);

3. Неосознаваемая склонность к раздражению и совершению агрессивных действий по отношению к оппоненту при потенциальной опасности и/или малейшем намеке на нее;

4. Акцентуация и поощрение легковозбудимого поведения (коммуникативного, психосоциального, физического) в целевой аудитории и в социуме с переводом агрессии в инвариант поведенческой нормы;

5. Культивирование негативного отношения к базовым концептам этносоциокультурной картины мира с продвижением стратегий оппозиционного поведения от пассивной амбивалентности (так называемый «пофигизм») до активного сопротивления различных формах борьбы, вплоть до войны;

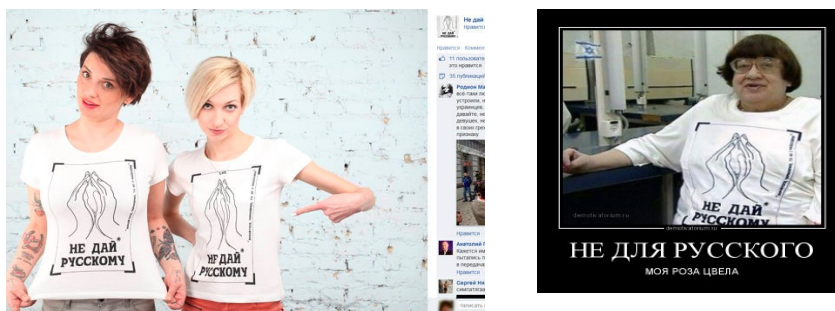
6. Продвижение с последующим закреплением девиации и деструкции вербально-невербальном поведении реципиентов с помощью акцентуации внимания на таких качествах человеческой реакции, как *обида, зависть, ненависть, перенос чувства вины, психотравма, недоверие, подозрительность, тревожность, мнительность, унижение и публичное унижение, фрустрация, замкнутость, невротические реакции;*

7. Усиление девиантных черт в вербально-невербальном поведении с использованием вербальной агрессии как некоей допустимой поведенческой социальной нормы через ссору, крик, визг, аудиально-музыкального фона, хейта, газлайтинга, буллинга, инвектив (в виде *угрозы, проклятия, ругани*) и реальных физических проявлений агрессии (*удар, драка, борьба, избивание, убийство, «разборки», войны* и т.п.).

Конфликтному коммуникативному шагу (открытому конфликту) предшествует **эскалация конфликтогенных репликовых шагов**, под

которой понимается поступательное внедрение вербальной информации рассогласованного и провокационного характера, способствующей развитию конфликта с трансформацией внутренней картины мира участников конфликтной ситуации и наблюдателей-реципиентов.

В итоге эмотивная реакция вербализует эмоциональный ответ души и тела (например, на уровне психофизиологии, психосоматики) на некое внешнее воздействие, при этом сама эмотивная реакция управляется этносокультурными стереотипами, которые доминируют у конкретного индивида в его концептуальной внутренней картине мира. В качестве примера можно привести психолого-информационную операцию относительно использования футболок с лозунгами в российско-украинском конфликте в 2016 г. С украинской стороны это была масштабная операция с дополнительной рекламой (рис.32), которая до сих пор работает в украинском пространстве. Суть акции заключается в «женских санкциях» украинок против русских мужчин. Смеховой аспект этой информационной операции обеспечивает ей витальность среди населения, находя поддержку и у российских ЛОМов (например, Алексея Венедиктова). Согласно официальным данным Международной организации миграции (МОМ) в 2016 г. каждая четвертая проститутка в Европе была гражданкой Украины (Украинки и секс-индустрия в Европе, Насправді.info, 27.07.2022). Поэтому такой флешмоб вполне закономерен на территории Украины. Сложенные ладони на футболке символизируют женскую вагину, а надпись: «*Не дай русскому*» не требует комментариев.

Украинская психолого-информационная операция «Не дай русскому»

Рис. 32. Пример психолого-информационной операции с применением конфликтогенных репликовых шагов (коллаж на основе открытых источников: <https://politikus.info/politikus/events/15632-ukrainskie-zhenschiny-organizovali-dvizhenie-ne-day-russkomu-i-nash-otvet-ukrainskim-shalavam.html>; <https://peremogi.livejournal.com/539977.html> - М.Н.)

При этом смеховой компонент способствовал распространению невербального поведения, нацеленного на усиление дистанции между русскими и украинцами. Адаптационный механизм приводит к утрированному проявлению конфликтогенного поведения в рамках контекстуального протеста. Особенности мышления работников fashion-индустрии, характеризующейся провокативными элементами, находят свое подкрепление в реализации второго конфликтогенного репликового шага в рамках вербально-невербального поведения. Вместе с тем, казалось бы, ответная психолого-информационная операция со стороны России «отзеркалила» конфликтогенные «текстильные» реплики со стороны Украины (рис.33): «не плати хохлушке», «Русскому секса мало – русский хочет любви».

Украинская акция "Не дай русскому" была направлена на украинских женщин, работающих в секс-индустрии России

Ответная реакция: «Не плати хохлушке»

Ответ на использование образа В.Новодворской – А.Вассерман «Русскому секса не надо – русский хочет любви»

Рис. 33. Информационная российская контр-операция в ответ на украинскую информационную операцию «Не дай русскому» (коллаж на основе открытых источников: <https://popgun.ru/viewtopic.php?p=20740273>; https://sun1-47.userapi.com/impf/iJWPxQTUkfkYpKh2_BxaEYtc4C479jYzI9z-Eg/jRLIIA-

[P2Ps.jpg?size=400x0&quality=96&crop=280,0,251,623&sign=24203f286ae8d892a4c315c807abe465&c_uniq_tag=0vph6tEJsIHdtQyW-sU91--3nZVsBJQnr23qWAU5ZWs&ava=1](https://www.scoopnest.com/ru/user/kpru/1510703697042587651-instagram-34kill-the-russian34) – М.Н.)

Психолого-информационная операция «*Не дай русскому*» (2016) в настоящее время трансформировалась в другую акцию «*Kill the Russian*» (рис.34), футболки с такой надписью и рисунком, на котором мужчина в балаклаве держит в одной руке окровавленный нож, а в другой отрезанную голову, повсеместно рекламируются к продаже в западных социальных сетях (Гришин, Комсомольская правда, 03.04.2022)

Рис. 34. Психолого-информационная атака «Kill the Russian» (из сети Интернет: <https://www.scoopnest.com/ru/user/kpru/1510703697042587651-instagram-34kill-the-russian34> - М. Н.)

Такого рода психолого-информационные атаки не подразумевают двусмысленности, но имеют широкий охват вовлечения. Как указывают исследователи, метапрограммы брендов и их слоганов отображают мировоззрение целевой аудитории [Евменов, 2021; Полякова, 2012; Термиргазина, 2015; Топоева, 2018]. Иллокутивный метапрограммный полюс образуется за счет прагматического фокуса опосредованной массмедийной интеракции под влиянием единой доминантной цели информационного сообщения, при этом в конфликтогенном массмедийном дискурсе диссонанс иллокутивных превалирующих спектров в реестрах конфликтогенных репликовых шагах участников конфликтогенного дискурса определяется полярностью установок и соответственно полярностью оценок.

Выводы по третьей главе

Конфликтогенная метапрограмма медиадискурса использует концепты поведенческих «карт» жизненного опыта человека. Под конфликтогенной метапрограммой подразумеваются базисные принципы, которые использует человеческий мозг для моделирования конфликтогенных ситуаций как потенциально опасных контекстов. Использование конфликтогенных метапрограмм в медиадискурсе нацелено на формирование и трансформацию базовых фильтров восприятия конфликта человеком, что влечет за собой изменение алгоритма образа жизни. Каждая конфликтогенная метапрограмма реализуется в динамичном равновесии вербальных, невербальных и паравербальных маркеров конфликтогенности в поведении акторов конфликтогенного дискурса, создавая разнообразие вариативных интерпретаций. Вариативное интерпретативное пространство конфликтогенности нацелено на поиск возможных поведенческих стратегий в пространстве конфликта в плане избирательности отбора лексико-семантических, структурно-грамматических средств и стратегий, сопряженных и выявлением, и закреплением вербального означивания конкретных личностных качеств, ценностей, поведенческих и речемышлительных стереотипов. Линейный характер конфликтогенных метапрограмм отражает эволюцию вербально-невербального поведения в конфликтогенном дискурсе с использованием вербальной технологии управления конфликтогенной ситуацией. Вербальная технология управления конфликтогенной ситуацией понимается, как эволюционно закрепленный набор конкретных конфликтогенных приемов, направленных на поиск некоей условной/ реальной опасности с возможными путями выхода из нее. Эскалация конфликтогенных репликовых шагов находится в прямой взаимосвязи с выявлением конфликтогем как смысловых триггеров конфликтогенного дискурса, которые могут реализованы вербально, невербально и паравербально. Лингвомоделирование конфликтогенного

медиадискурса опирается на прагматорику и семиотику. Психолингвистическая репрезентация типажей конфликтогенного медиадискурса базируется на эмоционально-оценочных характеристиках, в которых на первом месте находится вербальное конфликтогенное поведение, сопряженное с паравербально-невербальным поведением, этносоциокультурными особенностями контекста, влияющими на конфликтогенность. Адаптационный механизм гиперболизирует конфликтогенное поведение в рамках контекстуального протеста. Психолингвистическая репрезентация типажей конфликтогенного медиадискурса представлена в русле лингвоконфликтологии, рассматривающей вербальные стратегии участников конфликтогенной коммуникации и выхода из нее. Конфликтогенный имидж типажей резко поляризует целевую аудиторию по оси «свой vs чужой». Конфликтогенный потенциал медиастратегий реализуется как организованная агрессия в рамках психосемантической модели сознания. Репертуар аналогий и структурных сходств между вербальными и паравербально-невербальными феноменами конфликтогенного поведения в современном массмедийном пространстве обнаруживает четкие параллели, поддающиеся логической формализации и стандартизации. Они обнаруживают также значительную инвариантность, что затрудняет составление единого каталога. Анализ конфликтогенных репликовых шагов в медиадискурсе иллюстрирует манипулятивный алгоритм в отношении трансформации вербально-невербального поведения реципиента, подталкивающей к проявлению агрессии как кульминационной точке конфликта. Описанные конфликтогенные репликовые шаги отражают поступательное усиление конфликтогенности в медиадискурсе, что является отражением универсальных прагматических стратегий ведения и моделирования конфликта в социальном пространстве. Конфликтогенный потенциал сосредоточен в конфликтогемах, которые включены в структуру конфликтного коммуникативного шага, выступающего в виде стандартной реплики, запускающей конфликт в коммуникативном пространстве.

Заключение

На сегодняшний день современный конфликтогенный массмедийный дискурс является одним из самых востребованных средств ведения информационной войны. Изучение проблемы конфликта и конфликтогенности в классических и современных исследованиях как в России, так и за рубежом базируется на психологической природе конфликта, как характерной черте развития человеческой цивилизации.

С лингвистической точки зрения целесообразно рассматривать конфликт как макрознаковое образование, под которым понимается полиаспектный вербально-невербальный феномен, объединяющий в себе подходы синергетического лингвосемиотического описания.

Характерными чертами конфликтогенного медиадискурса являются: публичность; возможность использования различных видов иллокуции на реципиентов; сконцентрированность на какой-либо одной конфликтогенной теме и избирательность освещения конфликтогенной тематики с хаотизацией несущественных деталей; использование специальных технических средств для формирования конфликтогенной информации; подвижность узуса потенциальных реципиентов; четкая поляризация акторов конфликтогенного массмедийного дискурса.

Конфликтогенность современного массмедийного дискурса связана с информационными проекциями лингвокогнитивных искажений в концептуальной внутренней картине мира продуцента/ реципиента с акцентом на этносоциокультурную интерпретанту.

Для современного конфликтогенного массмедийного дискурса характерно лингвомоделирование в рамках сценарного подхода с акцентуацией на продвижение лингвокогнитивных искажений относительно базовых установок личности, которые трансформируют фоновые знания с последующим замещением мировоззренческих установок.

Проекции лингвокогнитивных искажений предопределены эмотивными концептами, составляющими внутренние картины мира

продуцента/ реципиента с учетом этносоциокультурной интерпретанты. Этносоциокультурная интерпретанта включает в себя референциональные социостереотипы, реализующиеся как в процессе когниции окружающей действительности, так и в декодировании лингвосемиотических кодов.

Прагма-риторическая парадигма конфликтогенного медиадискурса связана с регулятивами и рефлексивами, встроенными в фоновые знания реципиентов с акцентуацией на соответствующей психоэмоциональной оценке конфликтогенного сообщения, способствуя поляризации мнений в обществе.

Конфликтное событие представляет собой инфоповод с явным или скрытым конфликтогенным потенциалом, благодаря которому получает вариативные интерпретации в медиадискурсе. Конфликтное событие - есть макроречевой акт в медиакоммуникации, состоящий из множества микроактов, обладающих различной иллокутивной силой, проявляющейся в форме утверждений, навешивания ярлыков, ассертивов, декларативов, эмотивов и экспрессивов. Конфликтное событие располагается в центре конфликтогенного медиадискурса, характеризуя последний, как сложный языковой феномен, в котором автор может быть представлен как персонально, коллективно (например, рубрика «Мнение редакции»), так и анонимно (без указания авторства, либо под вымышленным именем), при этом описание конфликтного события в медиадискурсе характеризуется лексико-семантическими, коммуникативно-прагматическими особенностями. Конфликтное событие, являясь, по сути, провокативом из-за вариативности интерпретаций потенциальных участников конфликта, выступает, как стадия, предшествующая самому конфликту как таковому.

Конфликтогенная ситуация, как лингвосемиотический знак, конструируется в устойчивых рамках антично-европейских концепций, обладает четырехкомпонентной структурой, которая предопределена эйдосом мишени, понимаемой как ее объективно существующее начало конфликта.

Конфликтогенный типаж понимается нами, как провокативный тип коммуникативной конфликтной личности среди других коммуникативных типажей. Данный типаж представлен следующими подтипами: *правдоискатель, правдолюб, правдоруб, кляузник, склочник, сплетник, тихушник, подстрекатель, клеветник, сутяжник, конфабулятор* и т.д.

Моделирование конфликтогенного медиадискурса опирается на прогнозирование сбоя декодирования конфликтогенной информации в результате интерпретации и пост-интерпретации. Конфликтогенность минимизируется при использовании одного этносоциокультурного кода с единственно возможным интерпретированием. Поликодовое предъявление конфликтогенного медиадискурса рассчитано на воздействие по нескольким репрезентативным системам индивида (с учетом 8-ступенчатой классификации эмоций Х. Лёвхейма), что дает более четкое понимание взаимосвязи между вербальным выражением эмоций и психоэмоциональным/психофизиологическим состоянием реципиента. В результате такого предъявления конфликтогенного дискурса усиливается «расщепленность» восприятия и понижается уровень критичности к воспринимаемой информации.

Сценарий реализации конфликтогенного дискурса соответствует «эскалации конфликтогенов», которая позволяет манипулировать реципиентом с увеличением степени агрессии, критики. Сценарные конфликтогенные мотивы массмедийном дискурсе исходят из типологии конфликта, в которой выделяются: истинный конфликт, моделируемый конфликт, ложно интерпретируемый конфликт, смещенный конфликт, случайный конфликт, конструктивный конфликт.

Уточненное в работе понятие конфликтогена подразумевает мотив, приводящий к конфликту, включает в себя социокультурный, психологический генезис конфликта и вербальные маркеры конфликта с преобладанием агрессии как ведущего конфликтогенного признака.

Конфликтогенность в массмедийном дискурсе поступательно отображается на следующих стадиях реализации: 1) конфликтное событие = информационный повод – сообщение о некоей новости с указанием информационной конфликтогенной мишени; 2) исторический контекст – введение в историю вопроса, возникновение конфликтной ситуации; 3) описание предпринятых действий и мер; 4) указание на акторов, участников конфликта, и разъяснение их позиций; 5) репрезентация воздействия мер на разных акторов; 6) репрезентация возможных реакций среди целевой аудитории; 6) реконтекстуализация конфликта.

Вербальное сознание современной молодежной целевой аудитории переформатировано в сторону «клиповости» восприятия, что фрагментарно актуализирует отдельные смыслы конфликтогенного сообщения, акцентно выделенные инициаторами конфликтогенного дискурса в качестве ключевых образов сознания. При этом целостность восприятия становится недоступной для реципиента ввиду замещения упрощенной клиповой структурой с преобладанием невербально-паравербальных компонентов. Для современного конфликтогенного дискурса характерно сочетанное использование креолизованного текста с целью усиленного влияния на целевую аудиторию.

Упрощенная клиповая структура встроена в конфликтогенную модель массмедийного дискурса, реализуясь с помощью скриптов, коммуникативных схем, фреймов в рамках функционально-деятельностного подхода, который ставит во главу угла такие специфические черты конфликтогенности, как эффективное/ неэффективное взаимодействие, коммуникативная неудача, коммуникативный дискомфорт, коммуникативный барьер, коммуникативный провал.

Для современного конфликтогенного массмедийного дискурса характерна конфликтогенная элицитность, побуждающая адресата к выполнению заранее смоделированных конфликтных действий вербально-невербального свойства. Конфликтогенные элицитные речевые акты

используют прямые речевые действия в виде лозунга, приказа (типа: «Возвращайтесь домой!»).

Классификация единиц конфликтогенного взаимодействия участников коммуникации отображает динамическую модель конфликтогенности как некоего живого организма: 1) пусковые конфликтогемы-инициаторы; 2) конфликтогемы-усилители (или конфликтогемы-пассионаты); 3) пролонгирующие конфликтогемы; 4) конфликтогемы-релаксанты; 5) затухающие конфликтогемы; 6) конфликтогемы-нейтрализаторы; 7) конфликтогемы-гармонизаторы.

Впервые вводимое понятие конфликтогемы выступает как определение смыслового триггера конфликтогенного дискурса. Конфликтогема выступает как функционально-прагматическая единица конфликтогенного дискурса, которая предназначена разрешать конкретные коммуникативные задачи конфликта в его речевой интеракции, функционирующей в дискурсивных образованиях, обладающих определенной структурой, исходя из функционально-семантического представления конфликта. Другой значимой функционально-прагматической единицей конфликтогенного медиадискурса является конфликтоген.

Конфликтогема обладает специфической структурой, которая опирается на гипертекстуальность конфликтогенных моделей с динамическим балансом вербальных и невербальных параметров. В трансформирующих картину мира акторов конфликтогенной ситуации стратегиях отбора и комбинаторики конфликтогем направленность акцентирована на перлокуцию: 1) концептов негативно эмотивной карты в координатах «страх, ужас, кошмар, дискомфорт»; 2) контрастной противопоставленности ролевых позиций «мы – они»; 3) эвфемизации и псевдодисфемизации конфликта; 4) осмеяния и обесценивания; 5) героизации и романтизации конфликта.

Ключевые смысловые образы концептуального пространства конфликта, использующиеся в конфликтогенном медиадискурсе, способствуют поляризации оценок в эмотивной карте носителя языка.

Конфликтогенный массмедийный дискурс расширяет само понятие эмотива, в котором особое место занимает конфликтогенный эмотив, использующий сочетание параграфемных и вербальных эмотивов. Конфликтогенные эмотивы включают в себя: оценочные аффективы, инвективы, обценизмы, отрицательные потенциативы, провокативы и экспрессивы. Поскольку конфликтогенные эмотивы включены в семантическое пространство конфликтогеми, они также являются функционально-прагматическими единицами конфликтогенного медиадискурса.

Матрица конфликтогенного массмедийного дискурса имеет иерархическую структуру, характеризующуюся многослойностью. Каждый слой, в свою очередь, имеет типологические признаки и свойства, которые управляют когнитивными процессами в сознании реципиента конфликтогенного дискурса.

Структура первого слоя формируется на основе инфоповода и персонализированных мишеней в конфликтогенном массмедийном дискурсе. Вариативность инфоповода и вербальные стратегии представления апеллируют к стереотипным ролевым позициям потенциальных участников конфликта и принятых в социуме поведенческих шаблонов. При этом ролевые позиции обнаруживают связь с архетипическими образами, а также персонажами из мультипликационных и кинематографических фильмов, относящихся к воспоминаниям светлого детства, узнаваемо маркируя конфликтогенные мишени в современном массмедийном дискурсе.

Второй слой представляет собой иконические компоненты и композиционные решения конфликтогенного массмедийного дискурса. Он акцентирует внимание на семиотику колористики, кинесический язык и язык мимики с этносоциопсихолингвистической спецификой референса эмотивной карты носителя языка и жанрового своеобразия параграфемных средств. Иконические компоненты распадаются на три большие группы: аффективы, коннотативы и потенциативы. Феномен дипфейков и мокьюментари в массмедиа спровоцировал появление фото-, видеоаффективов,

акцентирующих внимание реципиента на элементах языка мимики и жестов с ярко выраженной экспрессией негатива для усиления имплицитности предъявляемого конфликтогенного сообщения в целевой аудитории.

Третий, глубинный, слой конфликтогенной матрицы использует текстовый компонент с учетом моделируемого спектра декодирования реципиентом в плане композиционно-структурной организации, эмоционально-экспрессивных языковых средств, корреляции вербального и невербального элементов. Трансформация границ коммуникативного кодекса в сторону доминирования отрицательно оценочных, эксплицитно оскорбительных, обценных эмотивов в современном конфликтогенном массмедийном дискурсе говорит об изменении границ допустимого в социуме в целом и появлении новых вербально-невербальных норм.

Новые вербально-невербальные нормы поведения в обществе связаны с эмотивной насыщенностью предъявляемого информационного сообщения, погружая реципиента в утрированную психоэмоциональную ситуацию конфликта в массмедийном дискурсе. При этом конфликтогенная эмотивная насыщенность находится в соответствии с конфликтогенным индексом эмотивности. Конфликтогенный индекс эмотивности, или индекс конфликтогенной эмотивности рассчитывается от соотношения количества негативных эмотивов и нейтральных слов в массмедийном дискурсе. Конфликтогенный индекс эмотивности обеспечивает реализацию четвертого слоя конфликтогенной матрицы.

Четвертый слой матрицы рассматривает имплицитный потенциал конфликтогенного массмедийного дискурса с акцентом на аллюзию и интертекстуальные элементы. Перифраза-экспрессема создает контекст языковой игры в конфликтогенном массмедийном дискурсе, аллюзии с которой обращаются к лингвистической, экзистенциальной и логической пресуппозициям реципиента, облегчая критичность восприятия конфликтогенной информации. Конфликтогенность в массмедийном дискурсе на грамматическом и лексическом уровнях демонстрирует отступления от

нормы речеупотребления с акцентуацией на обценнизмы, сленг и жаргонизмы, клише, лозунги и слоганы, паремии.

Тема-рематическая структура конфликтогенного массмедийного дискурса реализуются в трех основных моделях. Первая модель «Рисунок = тема, вербальная часть = рема» апеллирует к компрессии средств передачи информации, поликодовое представление отсылает к изображению, содержащему в себе тему, а вербальная часть – рему. Вторая модель «Тема-рематическая конфронтация между вербаликой и невербаликой» демонстративно противопоставляет содержание изображения и семантическое значение вербальных средств. Третья модель «Представление темы в вербально-паравербальном виде при предъявлении ремы только вербальным компонентом/ только визуальным компонентом» использует парадигму метамодерна современного времени в виде аккомодации как приема адаптации человека к новым разнообразным требованиям окружающей социальной среды, возникающие перед каждым индивидом. При этом когнитивные деструкции, искажающие реальность вследствие «иллюзии собственной объективности», продуцирует конфликтогенность с усилением поляризации оценок в отношении акторов в коммуникации конфликта.

Перспективы разрабатываемых критериев конфликтогенности современного массмедийного дискурса связаны с возможностью формализации критериев оценки поликодности вербального, паравербально-невербального комплекса имплицитности с позиций социальной опасности и информационной напряженности в обществе.

Список литературы

1. Аббасов, Р. Г. Джин Шарп: политологический плагиат или классика «цветных революций»? /Р. Г. Аббасов// Научные ведомости. Серия: Философия, Социология, Право, 2016, № 24 (245). Вып. 38. – С.135 – 140.
2. Абрегов А.Н. Место универбации и эллиптической деривации в коммуникации разносистемных языков /А.Н. Абрегов, Л.В. Копоть// Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – М. – Пятигорск, 2005. Вып. 2. – С. 3-5.
3. Абрегов, А. Н. Национальный менталитет сквозь призму адыгского антропонимикона: мужской архетип/А. Н.Абрегов, Б. А. Шеожева// Проблемы общей и региональной ономастики, материалы X Международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Р. Ю. Намитоковой, 2016. – Майкоп: АГУ, 2016. – С. 12-15.
4. Авидзба, А. Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война/ А. Ф. Авидзба. – Сухум: Абхазский государственный университет, 2012. – 425 с.
5. Авксентьев, В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В. А. Авксентьев. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001. - 267 с.
6. Агранович, С. З. Homo amphibolos. Человек двусмысленный: археология сознания / С. З. Агранович, С. В. Березин. - Самара: Бахрах-М, 2005. - 343 с.
7. Алентьева, Т. В. Из истории американской журналистики. Феномен «New York Tribune» и общественное мнение в США (1841-1861 гг.)/ Т. В. Алентьева. - Москва: ИНФРА-М, 2021. - 295 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики/ Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
9. Алефиренко, Н. Ф. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе/ Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Стебунова К. К. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и

литература. 2021. № 18 (2). – С. 313–338.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205>

10. Алёшина, Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации: монография / Е. Ю. Алёшина. – Москва: Прометей, 2015. – 218 с.

11. Аллахвердова, О. В. Динамика эмоционального состояния участников переговоров в процессе урегулирования конфликта / О. В. Аллахвердова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. №2-1. – С.14-20.

12. Алферов, А. В. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции, прагмалингвистические очерки / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова; под научной редакцией А. В. Алферова, И. Г. Тамразовой. - Москва: Издательство Московского политеха, 2019. – 245 с.

13. Андреева, М. И. Специфика лексико-семантической группы эмотивов: мотивационно-номинативный аспект: на материале русских и английских профессионализмов и социолектизмов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Андреева Мария Игоревна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2018. - 28 с.

14. Аникина, Ю. А. Специфика конфликта в художественном мире В. П. Крапивина: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Аникина Юлия Андреевна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. - Волгоград, 2014. - 25 с.

15. Анохина, В. С. Речевые аспекты семейного конфликта / В. С. Анохина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. №7. – С.125 – 130.

16. Античные теории языка и стиля: (антология текстов): [перевод. с древнегреческого и латинского] / [общ. ред. О. М. Фрейденберг; вступ. статьи И. Троцкого, С. Меликовой-Толстой]. - Санкт-Петербург: Алетейя: Кренов, 1996. – 362 с.

17. Антонова, А. В. Смех, юмор и речевая манипуляция // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №4 (10). – С. 52 -58.

18. Антонова, Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: факторы и аспекты вариативности: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. - Кемерово, 2018. - 23 с.

19. Анумян, К. С. Эмотикема «Удивление» в аспекте проективно и прагматической построенной информации/ Анумян К. С., Карабулатова И. С. // Вестник РосНОУ, Серия «Человек в современном мире», 2022, №2, с. 85-91, DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.02.P.085

20. Анумян, К. С. Эмотикема как триггер в формировании деструктивного текста/ К. С. Анумян, М. Цинь// Медиалингвистика. Материалы VI международной научной конференции. Науч. редактор Л.Р. Дускаева, отв. редактор А.А. Малышев. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022. – С.351 – 355.

21. Анцупов, А. Я. Конфликтология/ А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. - 7-е изд. - Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2020. - 559 с.

22. Аргентова, Т. Е. Психология конфликта: учебное пособие / Т. Е. Аргентова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 119 с.

23. Арно, А. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля)/ А. Арно, К. Лансло. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

24. Арсентьева, Ю. С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2012. - 177 с.

25. Артемьева, П. Е. Сниженная лексика в речи директора Департамента информации и печати МИД России М. В. Захаровой/ П. Е. Артемьева, Г. А. Заварзина/ / Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума. – Воронеж: ВГПУ, 2021. С.114 – 117.

26.Арте́мчук, А. К. Формирование стратегии управления организацией сферы туристских услуг в условиях агрессивной информационной среды: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Арте́мчук Анастасия Кирилловна; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. - Москва, 2013. - 24 с.

27.Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека/ Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895с.

28.Ассоциации к слову «мобилизация»// Словарь ассоциаций русского языка, <https://kartaslov.ru/ассоциации-к-слову/мобилизация> (дата обращения 21.10.2022).

29.Ахиджакова, М. П. Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте: на материале творчества Аскера Евтыха: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Ахиджакова Марьет Пшимафовна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2007. - 50 с.

30.Ахиджакова, М. П. Знаковые особенности «дальнейших значений» в языковом пространстве художественного текста/М. П. Ахиджакова, А. Ю.Баранова// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2013, №3 (126). – С.20 -26.

31.Ахмерова, Л. Р. Способы вербализации душевного состояния в психотерапевтическом дискурсе/ Л. Р. Ахмерова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-verbalizatsii-dushevno-go-sostoyaniya-v-psihoterapevticheskom-diskurse> (дата обращения: 05.09.2021).

32. Баби́кова, М. Р. Сфера-источник «мультипликация» как тактический ход стратегии дискредитации в националистическом дискурсе/М. В. Баби́кова// Вестник Пятигорского государственного университета, 2017, № 4. — С. 170—174.

33.Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка /А. П. Бабушкин; под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

34. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. - Воронеж: Ритм, 2018. - 229 с.

35. Багаева, В. В. Стратегии поведения в конфликте // СТЭЖ. 2015. №1 (20). – С. 91 – 92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-povedeniya-v-konflikte> (дата обращения: 10.09.2022).

36. Балахонская, Л. В. Речевая конфликтология / Л. В. Балахонская, М.Я. Дымарский, В. Д. Черняк; отв. ред. М. Я. Дымарский. - Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. - 215 с.

37. Баребина, Н. С. Критика и контраргументация в лингвистической науке: (приглашение к размышлению) / Н. С. Баребина; под научной редакцией Г. М. Костюшкиной. – Иркутск: Издательство Байкальского государственного университета, 2019. - 152 с.

38. Баррет, Томас М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России / Томас М. Баррет // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. Дэвид-Фокс, Майкл. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 163–193.

39. Барт, Р. Нулевая степень письма = Le degré zéro de l'écriture: [перевод с французского] / Ролан Барт; [сост., науч. ред., авт. предисл. и коммент. Г. К. Косиков]. - Москва: Академический Проект, 2008. – 430 с.

40. Батуренко, С. А. Теория конфликта и проблема социального порядка / С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №3. – С.111-120.

41. Басалаева, И. П. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, В. И. Мильчев, Ю. А. Мизис, Д. В. Сень, А. Т. Урушадзе, М. Ходарковский // Петербургские славянские и балканские исследования, 2020. №1 (27). – С.81 – 105.

42. Бахтикиреева, У. М. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте / Бахтикиреева, У, М., Валикова, О. А. // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (1). – С. 184-200.

43.Беданокова З. К. Ситком как дискурс деградации духовных ценностей (эвокативный анализ телевизионных ситуационных комедий)/З. К. Беданокова, Б. А. Гаврилова// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2019. № 4 (247). – С. 24-29

44.Беликов, В.И. Социоллингвистика/ В. И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, 2001. – 439 с.

45.Белинская, А. Б. Конфликтология в социальной работе. – Москва: Дашков и К^о, 2009. - 222 с

46.Белов, В. А. Типы заглавий и пропозициональная организация текста (на материале романа А. Белого «Петербург») /В. А. Белов// Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2010. №1-11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-zaglaviy-i-propozitsionalnaya-organizatsiya-teksta-na-materiale-romana-a-belogo-peterburg> (дата обращения: 01.03.2022).

47.Белова, Е. В. Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе /Е. В. Белова// Научный журнал КубГАУ. 2015. №114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-konfliktnoy-yazykovoy-lichnosti-v-bytovom-konfliktnom-diskurse> (дата обращения: 05.02.2022).

48.Белова, Е. В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Белова Елена Витальевна; [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. - Тверь, 2016. - 15 с.

49.Белоус, Н. А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве: монография / Н. А. Белоус. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2007. - 246 с.

50.Белоус, Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Белоус Наталья Анатольевна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2008. - 50 с.

51.Белоус, Н. А. Степени когнитивного диссонанса при реализации моделей конфликтного дискурса/ Н. А. Белоус// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 1. – С. 51–79.

52.Бернацкая, А. А. Признаки информационно-психологической войны в переводной художественной литературе/ А. А. Бернацкая // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 176–192.

53.Бжезинский, З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники: пер. с англ. / Збигнев Бржезинский. - М.: Прогресс, 1972. – 307 с.

54.Блохина, Е.Д. Сравнение как механизм вторичной интерпретации /Е. Д. Блохина// Гуманитарный научный вестник. 2021. №11. – С. 124-127. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/11/Blokhina.pdf>

55.Бобарыкина, Н. А. Невербальное конфликтогенное общение /Н. А. Бобарыкина// Язык - Сознание - Культура - Социум: сборник докладов и сообщений Международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова; редкол.: В.Е. Гольдин (отв. ред.), Л.П. Прокофьева [и др.]. Саратов: Наука, 2008. – С. 548-552.

56.Боброва, Л.А. Компьютер, интернет и мышление: изменение мышления под влиянием современных технологий /Л. А. Боброва// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2019. №2. – С. 72-79.

57.Богданов, В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В. В. Богданов. – Санкт-Петербург: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 278 с.

58.Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции = Simulacres et simulation; [пер. с фр. А. Качалова]. Москва: Постум, 2015. - 238 с. - (Технология свободы); ISBN 978-5-91478-023-1

59.Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31. С. 11–16.

60.Болотов, В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: (Основы эмотивной стилистики текста) / В. И. Болотов. - Ташкент: Фан, 1981. - 116 с.

61.Борисенко, А. В. Семиотика интертекстуальности: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. - Тверь, 2004. - 134 с.

62.Борисов, П. М. Институциональный личностно-ориентированный концепт деструктивная личность и его языковая репрезентация в художественном тексте: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Борисов Павел Михайлович; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. - Москва, 2011. - 16 с.

63.Борисов, С.Н., Римский, В.П. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // Дискурсы власти: коллективная монография / [Астафурова Т. Н. и др.]; Н. А. Меркурьева, А. В. Овсянников, А. Г. Пастухов (отв. ред.). - Орёл: ФГБОУ ВО "Орловский гос. ин-т культуры", 2015. - С. 72–106.

64.Бородько, Д. А. Вербализация концепта «Вооруженный конфликт» в немецкоязычном новостном интернет-дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Бородько Дмитрий Александрович; [Место защиты: Пятигор. гос. лингвист. ун-т]. - Пятигорск, 2013. - 28 с.

65.Бортников, В. И. Обсценизмы в неконфликтной семейной коммуникации// Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых. – Екатеринбург: УрФУ, 2020. – С. 75 – 81.

66.Бредемайер, К. Черная риторика: Власть и магия слова/ К. Бредемайер; пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 224 с.

67.Булыгина Е. Ю. Проявление языковой агрессии в СМИ/ Е. Ю. Булыгина, Т.И. Стексова// Юрислингвистика-2. – Барнаул, 2000. – С. 45–56.

68.Булыгина Т. В., Крылов С. А. Модель в языкознании // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская

энциклопедия, 2000. – С. 304–305.

69. Бутакова, Л. О. Правовая деятельность и лингвистическая безопасность в медийной сфере / Л. О. Бутакова, В. И. Хомяков; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. - Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. - 159 с.

70. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44–88.

71. Василенко, Л. Ю. Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Василенко Лариса Юрьевна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2011. - 191 с.

72. Василишина, Е. Н. Когнитивно-прагматический аспект дискурсивных импликатур: на материале произведений В.В. Набокова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Василишина Елена Николаевна; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. - Майкоп, 2015. - 21 с.

73. Васильченко, О. В. Динамика ценностных ориентаций курсантов военного вуза в контексте военной безопасности России: монография / О. В. Васильченко, Д. А. Галин, Е. А. Мазяева, С. И. Самыгин; под ред. Самыгина П. С. - Москва: РУСАЙНС, 2016. - 96 с

74. Верещагин, Е.М., Костомаров, В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. - 84 с.

75. Веснина, Л. Е. Информационно-психологические войны в России / Веснина Людмила Евгеньевна, Нахимова Елена Анатольевна // Политическая лингвистика. 2017. №3. – С.140 - 145.

76. Водоватова, Т. Е. Речевой жанр как средство формирования

коммуникативных стратегий и тактик (на материале британского речевого жанра *buffoonery*) // Жанры речи. 2016. №1 (13). – С.95-97.

77. Волкова, О.С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт»: на материале английского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Волкова Ольга Сергеевна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. - Волгоград, 2009. - 22 с.

78. Волкова, Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волкова Яна Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. - Волгоград, 2014. - 45 с.

79. Волкова, Я. А. Коммуникативные типажи: опыт системного описания: монография / Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко. - Волгоград: Перемена, 2022 (Волгоград). - 161 с.

80. Володченко, В. С. Характерные черты социальных конфликтов в России / В. С. Володченко, Д. С. Ланцова, Т. А. Метельницкая, М. Г. Пыхтина // Достижения науки и образования. 2019. №8-1 (49). – С.66- 67.

81. Вольф, Е. М. Эмоциональные состояния и их представления в языке / Е.М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. – С. 55-75.

82. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 2002. – 280 с.

83. Ворожбитова, А. А. Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования / А. А. Ворожбитова. – 2-е изд., с изм. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. –176 с.

84. Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма как исследовательская призма: из 9-мерности в 16-мерность и 32мерность / А. А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты, 2021. № 25 (1). – С.20.

85. Воронина, Т. Н. Причины коммуникативных неудач / Т. Н. Воронина //

Вузовская наука - Северо-Кавказскому региону: материалы VII регион. науч.-техн. конф. - Ставрополь: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т, 2003. – С. 15–23.

86. Гавра, Д.П. Понятие и структура современной деловой журналистики /Д. П. Гавра// Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М. Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. МедиаМир. 2009. – С. 112–144.

87. Гавриш, А. Д. Эмоциональный медиатренд презентации языковой личности политика в американском и русском медиадискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Гавриш Алеся Дмитриевна; [Место защиты: ГАОУ ВО ГМ «Московский городской педагогический университет»]. - Москва, 2022. - 26 с.

88. Гадамер, Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследование позднего творчества/ Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. А. В. Лаврухина. – Минск: Пропилеи, 2007. – 240 с.

89. Ганнушкин, П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика, некоторые общие соображения и данные /П. Б. Ганнушкин// Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 262–269.

90. Гасан, А. С. Поведение личности в конфликтной ситуации /А. С. Гасан// Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. №1 (28). – С.51-56.

91. Гараева, Л. М. Языковые средства вербальной агрессии профессиональных субкультур: на материале русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Гараева Лейла Мирзануровна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2015. - 24 с.

92. Гаркуша, А.А. К вопросу о детальной структуре диалога/А. А. Гаркуша// Международный научно-исследовательский журнал. 2012. №4 (4). – С.23-25.

93. Гаунова, Д. Х. Стигматизация как форма проявления социального маркирования/ Д. Х. Гаунова // Социально-гуманитарные знания. 2014. №7. –

C.284-290.

94.Геворкян, Е. У. Кинесический язык: Введение в кинесику/ Е. У. Геворкян. – Ереван: Изд-во Ерев. гос. ун-та, 1988. – 237 с.

95.Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики/ Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. - 113 с.

96.Гилязова, Д. Р. Исследование конфликтогенного потенциала медийного текста (на материале текстов массмедиа и интернет-текстов): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19/ Д. Р. Гилязова;/ [Место защиты: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»]. – Уфа, 2022. – 197 с.

97.Глотова, Ж. В. Язык вражды в современном мире/Ж. В. Глотова, Т. Садовская, М. Садовская// The Caucasus. Economic and social analysis journal of Southern Caucasus, 2019. Т.3, №30. – С. 6 – 8.

98.Голев, Н.Д. Текст как воплощение энергии конфликта: опыт одной типологии антропотекстов и языковых личностей (на материале рассказов В. М. Шукшина) /Н. Д. Голев// Этика и социология текста: Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС» -Вып.10 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб-Ставрополь, 2004. – С.356-360.

99.Голев, Н. Д. Лингвоконфликтология, или лингвистическая конфликтология/Н. Д. Голев, Н. В. Обелюнас/ Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание; под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 279-280.

100.Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: на примере современной немецкоязычной рекламы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. - Санкт-Петербург, 2003. - 23 с.

101.Голоднов, А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе: на материале немецкого языка: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.04; [Место

- защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Санкт-Петербург, 2011. - 42 с.
102. Голощапова, Е. В. Речевой жанр «Оскорбление»: описание типологических признаков // Филология и человек. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-oskorblenie-opisanie-tipologicheskikh-priznakov> (дата обращения: 30.01.2022).
103. Горбачева, А. Г. Человеческий интеллект: возможные изменения под влиянием информационных технологий и высокотехнологичных устройств // Идеи и идеалы. 2014. №1 (19). – С.135-139.
104. Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач /Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. - Новосибирск, 1985.- С. 64–78.
105. Городецкий, Б. Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов// Доклады международной конференции «Диалог-2003», М.: МГУ, - 2003. – С. 1-6. [Электронный ресурс]: <https://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf>
106. Горохов, С. А. Феномен агрессии в понимании К. Лоренца и З. Фрейда: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. №4. – С.147-151.
107. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения: Психолингвистический анализ: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Москва: Институт языкознания РАН, 1996. - 179 с.
108. Грачёв, А. В. Политические идеологии современности: конфликтологический аспект /А. В. Грачёв// Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. №1 (2). – С.84-86.
109. Гришина, Н. В. Психология конфликта/ Н. В. Гришина/, 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
110. Гришков, В. В. Цвет: легенды, символы, атрибуты/ В. Гришков; Санкт-Петербургская гос. акад. театрального искусства. - Санкт-Петербург:

- Изд-во Санкт-Петербургской гос. акад. театрального искусства, 2006. – 128 с.
- 111.Гронская, Н. Э. Базовые стратегии языкового манипулирования/ Н.Э. Гронская// Актуальные проблемы американистики: Материалы VI международного научного семинара. – Нижний Новгород, 2001. – С. 337-342.
- 112.Грошев, И.В. Гендерные, половые и личностные различия поведения в конфликтах// Мир психологии. Научно-методический журнал. – 2005. – № 2 (42). Апрель-июнь. – С. 93-119.
- 113.Гребенщикова, Т. А. Психология повседневного дискурса: интенциональный аспект / Т. А. Гребенщикова, И. А. Зачесова. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2014. – 207 с.
- 114.Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов / Л. И. Гришаева; Воронежский гос. ун-т. - Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. - 261 с.
- 115.Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва [и др.]: Питер, 2008. – 538 с.
- 116.Громыко, С.А. Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса/ С. А. Громыко// Научный диалог. 2021. № (4). – С. 66-79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-66-79>
- 117.Грушевская, Е. С. Адресатность в политическом дискурсе: актуализация ценностно-стратегических приоритетов: монография / Е. С. Грушевская. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. - 183 с.
- 118.Грязнова, Е. В. Влияние современной музыки на человека, приводящего к аутодеструктивному поведению /Е. В. Грязнова, Е. М. Губанова// АНИ: педагогика и психология. 2019. №3 (28). - С.329-331.
- 119.Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / Орлов. гос. ун-т. - Орел, 2004. - 19 с.
- 120.Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 420 с.

121. Гумплович, Л. Основы социологии / Л. Гумплович; пер. с нем. под ред. В. М. Гессена. - Изд. 3-е, [репр.]. - Москва: URSS: Ленанд, сор. 2016. – 360 с.

122. Гюрджян, Н. С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге: на материале английского и русского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20; [Место защиты: Пятигор. гос. лингвист. ун-т]. - Пятигорск, 2008. - 198 с.

123. Данкова, Н. С. Стратегия эмоционализации как средство репрезентации судебной власти в российских и английских печатных СМИ // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. №4 (40). – С.73 - 81.

124. Дейк, Т.А. ван. Стратегия понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч// Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1988. - Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. - С. 153-211.

125. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. - Москва: Гнозис, 2006. – 374 с.

126. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика/ Ю.Д. Дешериев. – М., 1977. – 215 с.

127. Джиеова, Р. Ф. Психология затрудненного общения или барьеры коммуникации/ Р. Ф. Джиеова. - Владикавказ: ИПЦ «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова», 2017. - 106 с.

128. Дзякович, Е. В. Стилистический аспект современной пунктуации: Экспрессив. пунктуац. приемы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01/ Е. В. Дзякович. – Москва, 1995. – 193с.

129. Дмитриев, А. А. Введение в общую теорию конфликта/ А. А. Дмитриев, В.А. Кудрявцев, С.А. Кудрявцев. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 211с.

130. Дмитриев, А. В. Конфликтология. —М.: Гардарики, 2000. — 318 с.

131. Дмитриева, К.А. Говорящие имена в произведениях русских писателей// Вестник науки. 2018. №9 (9). – С.30-31.

132.Дмитриева, Н. В. Архетипическая терапия внутриличностного конфликта /Н. В. Дмитриева, Л. В. Левина, Н. Р. Красовская// Инновации в науке. 2018. №5 (81). – С. 44-51.

133.Добровольская, Е. В. О типах концептов в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях/ Е. В. Добровольская// Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире, 2020, № 1. – С. 69–75.

134.Дорохова, Н. И. Современные подходы в лингвоэкономике: отечественный и зарубежный опыт преподавания английского языка/ Н. И. Дорохина// Евразийский Союз Ученых. 2020. №6–7 (75). – С. 38-41.

135.Дубровская, Т. В. Антироссийские санкции в контексте международных отношений: дискурсивные репрезентации в российских СМИ (на материале «Российской газеты» и «Russia Today») /Т. В.Дубровская// Современный дискурс-анализ, 2018, №3–2 (20). – С. 72–79.

136.Дугалич, Н.М. Реализация политической карикатуры в креолизованных текстах на материале арабского и французского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Дугалич Наталья Михайловна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2018. - 23 с.

137.Дускаева, Л. Р. Современный русский язык. Языковые техники создания медиа текстов [Электронный ресурс]: практикум. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2017. – 427 с.

138.Дускаева, Л. Р. Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде/ Л. Р. Дускаева. – М.: Флинта, 2022. – 322 с.

139.Евдокимов, В. А. Массмедиа в социокультурном пространстве: учебное пособие / В. А. Евдокимов. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2021. – 362 с.

140.Евменов, А. Д., Благова, И. Ю. Символический капитал как элемент бренда города /А. Д. Евменов, И. Ю. Благова// Петербургский экономический журнал. 2021. №2. – С.24-32.

141.Евтушенко, О. В. Политический имидж России в западных СМИ в лингвистическом ракурсе/ О. В. Евтушенко, А. В. Митягина, Л.В. Моисеенко; под редакцией доктора филологических наук Л. В. Моисеенко. – Воронеж: Научная книга, 2020. – 291 с.

142.Емалетдинов, Б. М. Психология отклоняющегося поведения/ Б. М. Емалетдинова. - Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. - 103 с.

143.Ерманова, Б. Б. Коммуникативные стратегии и тактики прерывания речевого общения в английской коммуникативной культуре /Б. Б.Ерманова// Политическая лингвистика. 2014. №2. – С.223-228.

144.Ефремов, А. А. Когнитивная метафора в терминологии/ А. А. Ефремов, З. Р. Хачмафова. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2019. – 153 с.

145.Жданова, Е. В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов /Е. В. Жданова// Наука. Инновации. Технологии. 2007. №53. – С.136 - 140.

146.Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ/ М. Р. Желтухина. – М. Р. Желтухина/Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 654 с.

147.Желтухина, М.Р. Конструирование мира в языке политики: когнитивно-прагматическое моделирование в ситуации медиаконфликта // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. – С. 533-546

148.Желтухина, М. Р. Современная цифровая среда: коммуникативные технологии/М. Р. Желтухина// Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография/ Ответ. ред. М. Р. Желтухина. – М.- Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – С. 83-89.

149.Желтухина, М.Р. Эмоциогенность современных медиатекстов /М. Р. Желтухина, А. Д. Гавриш// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018а. № 4 (32). – С. 120-125.

150.Желтухина, М.Р. Создание медиаобраза политического врага в

современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект /М. Р. Желтухина, Л. Л. Зеленская// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018б. № 4 (127). – С. 121-130.

151. Журавлева, О. Н. Окациональная переработка фразеологизмов в СМИ в современном политическом дискурсе / О. Н. Журавлева // Издательское дело в России: современное состояние и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической заочной конференции, 20-21 октября 2011 г. – Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2011. – С. 74-78.

152. Заварзина, Г. А. Стилистика русского языка/ Г. А. Заварзина. – Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2017. – 394 с.

153. Загоровская, О.В. Клавиатурно-речевое поведение носителя русского языка как объект экспериментальной идиолектной психолингвистики: к становлению нового научного направления /О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова// Методология современного языкознания - 3. Сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой. Отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова. Москва: ООО «Р.Валент», 2021. – С. 72–81.

154. Заиченко, Н. У. Психология конфликта / Заиченко Н. У. – М.: Московский государственный университет путей сообщения Российской академии путей сообщения, 2000. – 98 с.

155. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 382 с.

156. Заложная, И.В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Заложная Ирина Васильевна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Ставрополь, 2011. - 22 с.

157. Залюбовская, Е. В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: диссертация ... кандидата

психологических наук: 19.00.05. – Москва, 1984. – 193 с.

158.Зеленина, Н. М. Ассертивность: проблема понятия/Н. М. Зеленина// *Universum: психология и образование: электрон. научн. журн.* 2022. 6(96). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/13865>. DOI - 10.32743/UniPsy.2022.96.6.13865

159.Зененко, Н. В. Полевое моделирование семантического пространства. Системный анализ (на материале иберо-романских языков) / Н. В. Зененко. - Москва: ИТЦ, 2018. - 213 с.

160.Знаменский, Д. Ю. Политическая конфликтология: курс лекций / Д. Ю. Знаменский. – Москва: Спутник+, 2019. – 250 с.

161.Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка /Л. Ельмслев// *Новое в лингвистике.* - М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. - Вып.І. - С. 27-34.

162. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) /О. П. Ермакова, Е. А. Земская// *Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект.* – М.: Наука, 1993. – С. 30-65.

163.Ивин, А. А. Аргументация в процессах коммуникации/ А. А. Ивин. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 557 с.

164.Изард, К. Э. Психология эмоций = *The Psychology of Emotions.* Питер, 2007. – 464 с.

165.Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 6-е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2018. – 294 с.

166.Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 7-е изд. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 299 с.

167.Исхакова, З. З. Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере: монография/ З. З.Исхакова. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 348 с.

168.Ицкевич, И. М. Вербальные маркеры когнитивных искажений в теориях заговора на примере пандемии COVID-19/И.М. Ицкевич// *Культурно-исторические тенденции развития профессиональной деятельности.* М.:

Агентство социально-гуманитарных технологий, 2020. – С. 123-124.

169.Канаби, Х. Речевая репрезентация межнационального конфликта в языке СМК (на примере сетевого издания «РИА Новости»)/ Х. Канаби// Челябинский гуманитарий. 2017. №4 (41). – С.24-27.

170.Капогузов, Е. А. В. Антироссийские экономические санкции: отражение в российском дискурсе и анализ применительно к финансовому и нефтегазовому сектору /Е. А. Капогузов, Ю, В.Новиков// Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2017. №3. – С.36-47

171.Каплун, В. Перестать мыслить "ВЛАСТЬ" через "ГОСУДАРСТВО": GOUVERNEMENTALITÉ, GOVERNMENTALITY STUDIES и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах/В.Каплун// Философско-литературный журнал «Логос». 2019. №2 (129). – С.179-220.

172.Карабулатова И. С. Современный электронно-информационный дискурс как индикатор этнополитической безопасности: межэтническая толерантность vs этноконфликтогенность в XXI веке/ И. С. Карабулатова// Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016. №2. – С.3-14.

173.Карабулатова И. С. Проблемы создания цифровой библиотеки для оценки потенциально опасных текстов (ПОТ) в современном новостном дискурсе/И. С.Карабулатова// Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Редакторы: С.А. Каскабасов, Н.Г.Валеева, Москва: РУДН, 2020. – С. 3-12.

174.Карабулатова И. С. Транскультурный конфликт как этносоциальная девиация современного мира в эпоху глобализации/ И. С. Карабулатова, Г. М. Ракишева, А. Б. Абибулаева /И. С. Ракишева, Г. М. Ракишева, А. Б. Абибулаева// Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016. № 4. – С. 3-18.

175.Карабулатова И.С. Трансформационная эволюция гендера в современном рекламном дискурсе как проявление «Окна Овертона»/И. С.

Карабулатова, И. П. Савчук// Известия Балтийской академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки, 2019. №2 (48). – С. 23-32.

176.Карабулатова, И. С. Иноязычная VS национальная терминология: лингвоконфликтногенный вызов современной геополитики/И. С. Карабулатова, М. Ю. Никтин// Вестник РосНОУ. Серия «Человек в современном мире», 2021. №4. – С. 62 – 68, DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.062

177.Каразия, Н. А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса /Н. А. Каразия// Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. №2. – С. 72-88.

178.Каракулова, С. Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Каракулова Салтанат Шукурғалиевна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. - Волгоград, 2016. - 199 с.

179.Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) /Е. С. Кара-Мурза// Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. №1. – С.18-27.

180.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

181.Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 405 с.

182.Карасик, В. И. Языковые мосты понимания: монография/ В. И. Карасик. – Москва: Дискурс, 2019. – 524 с.

183.Караяни, А. Г. Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс?/А. Г. Караяни, Ю. М.Караяни// Российский психологический журнал, 2015, Т. 12, № 1. – С. 100 -114.

184.Кармалова, Е. Ю. Анализ текстов массовой коммуникации/ Е. Ю. Каомалова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – 123 с.

185.Карымсакова, Р. Д. Коммуникативные помехи и языковая игра (к проблеме речевого конфликта) /Р. Д. Карымсакова// Юрислингвистика. 2008. №9. – С.176 – 183.

186.Каспаров, А. Р. Исследование социальных конфликтов в современном российском обществознании/ А. Р. Каспаров, С. А. Стельмах, П. С. Колимбет, А. С. Семеренко// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №11-1. – С.49 – 52.

187.Катермина, В. В. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе /В. В. Катермина, Н. С. Соловьева// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №3. – С.103 - 111.

188.Катермина, В. В. Фразеологические единицы-библейзмы как средство воздействия в англоязычном массмедийном дискурсе /В. В. Катермина, Н. С. Соловьева// Вопросы когнитивной лингвистики, 2019 а, №3. – С. 36 – 41.

189.Кварандзия, Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии [Электронный ресурс] // Эхо Абхазии. 1996. № 41-42 /Д. Кварандзия // Абхазская интернет-библиотека. UPL:http://apsnyteka.org/546-kvarandziya_d_voina_1992_1993_godov_v_zerkale_grazinskoi_pressy.html (дата обращения: 21.04.2021)

190.Кеворкян, К. У. Кинесический язык (введение в кинесику): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19/ К. У. Кеворкян. – Ереван, 1990. – 249 с.

191.Кетова, А. Ю. Речевая реализация информационно-воздействующей функции современных публицистических текстов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кетова Алевтина Юрьевна; [Место защиты: Перм. гос. нац. исслед. ун-т]. – Пермь, 2013. – 22 с.

192.Киосе, М. И. Наименование в тексте: прямое и не прямое / М. И. Киосе. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ОнтоПринт, 2015. – 328 с.

193.Кириллов, А. В. Эмотивность как проблема конфликтогенного дискурса современных массмедиа России и Германии/А. В. Кириллов, М. Ю.Никитин// Вестник РосНОУ. Серия: Человек в современном мире, 2022, № 2. С. 103–109.

194.Кирсанова И. В. Эмоциональная составляющая «контртекста» как элемент смыслообразования в теории текста и смысла /И. В. Кирсанова//Вопросы психолингвистики. 2014. №22. – С. 81-93.

195.Киселёва, С. В. Анализ коммуникативных неудач и их актуализаторов на материале текстов политического дискурса /С. В. Киселёва// Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. – С.146 – 153.

196.Кишина, Е. В. Основы лингвоконфликтологии: учебное пособие / Е. В. Кишина. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2017. – 149 с.

197.Кишко, М. В. Внутриличностные детерминанты выбора стратегии поведения в конфликте: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / М. В. Кишко. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2003. – 26 с

198.Клементьев Б. С. Трансформация личности в пространстве Интернета /Б. С. Клементьев// Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. № 6 (2). – С. 173 – 179.

199.Клушина, Н. И. От дигитализации языка к дигитализации стиля// Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография/Н. И. Клушина// Ответ. Ред. М. Р. Желтухина. – М.-Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – С.76 – 82.

200.Кодачигов, В. График работа: фейки в Сети по запросу властей найдет алгоритм/В. Кодачигов/// Известия, 26,07.2022 [Электронный ресурс]: График работа: фейки в Сети по запросу властей найдет алгоритм | Статьи | Известия (iz.ru)

201.Кожелупенко, Т. М. Рэп как язык конфликта в субкультуре хип-хопа /Т. М. Кожелупенко// Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. №4. – С.83-89.

202.Кожелупенко, Т. П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Кожелупенко Татьяна Павловна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2009. – 20 с.

203.Козлов, А. Е. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа/ Козлов А. Е., Саженин, И. И. // Вестник НГПУ. 2015. №5 (27). – С. 142 - 155.

204.Козырев, Г. И. Политическая конфликтология/ Г. И. Козырев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 401 с.

205.Кокконен, Е. И. Вербальные характеристики педагогического конфликта /Е. И. Кокконен// Вестник НовГУ. 2007. №42. – С.4 -7.

206.Колмогорова, А. В. Эмоции в языке и тексте: от экспертного лингвистического описания к детектированию эмоций в машинном обучении/ А. В. Колмогорова// Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: НГТУ, 2021. – С. 167 – 170.

207.Комалова, Л. Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия»: на материале разносистемных данных корпусной лингвистики: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.21, 10.02.20 / Комалова Лилия Ряшитовна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2016. – 348 с.

208.Копнина, Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г. А. Копнина. – Москва: Флинта, 2007. – 169 с.

209.Копнина, Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне/Г. А. Копнина// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том13. Вып. 11. – С. 248-253.

210.Копоть, Л. В. Коммуникативная неудача как результат нарушения этикетной нормы в текстах социальной рекламы/Л. В.Копоть, А. А.Адзинова// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2018. № 2 (217). – С.59-65.

211.Корнев, М. С. Фактчекинг: от термина и понятия к словоупотреблению /М. С.Корнев// Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. №6. – С.72-78.

212.Коробов, А. А. Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Коробов Андрей Александрович; [Место защиты: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т]. – Саратов, 2008. – 42 с.

213.Королева, О. П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала): автореферат диссертации ...кандидата филологических наук/ О. П. Королева. – Нижний Новгород, 2002. – 45 с.

214.Коростылева, Н. Н. Основы гендерной конфликтологии / Н. Н. Коростылева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та (ВГУ), 2003 (Обл. тип.). – 185 с.

215.Корф, О. В. Медиатекст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте: на примере конфликта 1994-1996 гг. в Чеченской Республике: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Корф Ольга Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2009. - 26 с.

216.Костева, В. М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Костева Виктория Михайловна; [Место защиты: Перм. гос. нац. исслед. ун-т]. – Пермь, 2018. – 38 с.

217.Костева, В. М. Языковые конфликты в тоталитарных государствах/В. М. Костева// Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире. Сборник научных

трудов; отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А., Москва, 2021. – С. 29-41.

218.Костенко, Е. В. Когнитивный аспект влияния сетевых СМИ на массовое сознание /Е. В. Костенко// Вестник Национального государственного университета. 2012. № 5-3. – С.50-54.

219.Костина, Т. В. Массовые коммуникации в эпоху метамодернизма /Т. В. Костина// Евразийский научный журнал. 2017. №6. – С.289 – 292.

220.Костылева, Т.А. Сценарный подход в современном образовании/ Костылева Т.А., Карабулатова И. С., Данилова А. Д. // Мир науки, культуры и образования, 2020, № 5 (84). – С.130-132. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00902

221.Костюков, Л. В. Журналистика мнений: (вид изнутри и немного сбоку)/ Леонид Костюков. - [Б. м.]: Ин-т журналистики и лит. творчества (ИЖЛТ), [2004] (Тип. Россельхозакадемии). – 218 с.

222.Костяев, А. П. Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Костяев Алексей Петрович; [Место защиты: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого]. – Великий Новгород, 2011. – 45 с.

223.Кошкарлова, Н. Н. Конфликтный дискурс: психологические и лингвистические аспекты / Н. Н. Кошкарлова. – Челябинск: ЮУрГУ: Губерния, 2009. – 175 с.

224.Красильников, И. А. Социально-когнитивные аспекты к пониманию внутриличностных конфликтов /И. А. Красильников// Вестник ГУУ. 2013. №1. – С.265- 272.

225.Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.

226.Красовская, О. В. О речевой коммуникации в судебной практике: учебное пособие / О. В. Красовская. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 123 с.

227.Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: яз. тела и естеств яз. - М.: Новое лит. обозрение, 2004. - 581 с.

228.Крейдлин, Г. Е. Семиотика, или Азбука общения [Электронный ресурс]: учебное пособие / Г. Е. Крейдлин, М. А. Кронгауз. – 7-е изд. - Москва: Флинта: Наука, 2015. – 239 с.

229.Кретов, А. А. Основы лексико-семантической прогностики. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. – 390 с.

230.Кретов, А. А. Индекс приятия мира и духовная история лингвокультур/ А. А.Кретов// Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры. Сборник научных статей XXIX Международной научной конференции и XXIX Международной Летней научной школы, посвященной 55-летнему юбилею доктора педагогических наук Болотбека Мекеновича Акматова. Серия «Концептуальные исследования». – СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 11–18.

231.Кретов, А. А. Языковой такт и его составляющие/А. А. Кретов// Семантический потенциал языковых единиц и его реализация: тезисы докладов Международной научной конференции. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2021. – С. 36–38.

232.Кристева, Ю. Семиотика. Исследования по семанализу / Юлия Кристева ; [пер. с фр. Э. А. Орловой]. - Москва: Академический проект, 2013. – 285 с.

233.Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Academia, 2005 (ГУП Саратов. полигр. комб.). – 350 с.

234.Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D [Электронный ресурс] / Максим Кронгауз. – Москва: ЛитРес, 2012. – 254 с.

235.Крючкова, С. Е. Стратегии аргументации в Древнем мире: учебное пособие для вузов / С. Е. Крючкова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 169 с.

236.Кубрякова, Е. С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности /Е. С. Кубрякова// Текст в коммуникации. – М.: Наука, 1991. – С. 4–21.

237.Кубрякова, Е.С. Возвращаясь к определению знака / Е. С.Кубрякова// Вопросы языкознания, 1993. №4. – С. 18-27.

238.Куделин, А. А. Этническая и конфессиональная конфликтология: учебно-методическое пособие / А. А. Куделин. - Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2014. - 19 с.

239.Куликов, Л. В. Особенности использования пиктограмм-эмодзи в интернет-сообществах с разной частотой использования обценной лексики/ Куликов, Л. В., Потапова, Ю. В., Малёнова, А. Ю., Блеканов, И. С., Разумилов, Е. С. // Психолог. 2022. №1. – С. 1-18.

240.Куликова, О. В.Лингвостилистические средства развертывания аргументации в публицистическом тексте:
(На материале парламентских выступлений): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 /О. В. Куликова. – Москва: Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза 1989. - 22 с.

241.Куприянов, Р. В. Межличностные конфликты в диаде «преподаватель – студент»/ Р. В. Куприянов. – Казань: Казанский нац. исслед. технологический ун-т, 2011. – 193 с.

242.Курашкина, Н. А. Семантическое поле «звук» как репрезентация звукоферы в языке (на материале английского, французского и русского языков) /Н. А. Курашкина// Вестник Башкирск. ун-та. 2007. №3. – С.84 - 85.

243.Курьянович, А. В. Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления /А. В. Курьянович/ Вестник ТГПУ. 2017. №7 (184). – С.78 – 86.

244. Кусов, Г.В. Модель негативной оценки языковой личности/ Г.В. Кусов// Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Выпуск 7. Часть II. – Белгород: БГУ, 2003. – С. 48–50.

245.Кусов, Г.В. Правовая и языковая диверсификация «Оскорбления»/ Г.В. Кусов// Эколингвистика: теория, проблемы, методы. Межвузовский сборник научных трудов/ Под ред. А.М. Молодкина. – Саратов: Научная

книга, 2003. – С. 106–115.

246.Кусов, Г.В. Диагностика понятия «оскорбление» в лингвистической экспертизе/ Г.В. Кусов// Тезисы XXXI научной конференции студентов и молодых ученых вузов южного федерального округа. – Краснодар: КубГУФКСТ, 2004. – 227 с.

247.Лабунская, В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание/ В. А. Лабунская. - Ростов н/Д : Феникс, 1999. - 592 с.

248.Ладыженская, Т. А. Практическая методика русского языка. Книга для учителя / Т. А. Ладыженская, Л. М. Зельманова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1995. – 288 с.

249.Лакофф, Дж. Когнитивная семантика/ Дж.Лакофф// Язык и интеллект. Пер. с англ. – М., 1995. – С. 143–184.

250.Лебедева, Я. Е. Мотивационные и атрибутивные факторы агрессивного реагирования в ситуации фрустрации: автореферат дис. ... кандидата психологических наук по специальности 19.00.05 Социальная психология/ Я. Е. Лебедева. – Минск: Белорусский государственный университет, 2017. - 25 с.

251.Лебедь, А. Л. Розничная торговля как корпоративная жертва криминального поведения (по материалам г.Санкт-Петербурга)/ А. Л. Лебедь// Виктимология, 2020, № 2 (24). – С.5 - 12.

252.Леонтович, О. А. Интерпретация культурных смыслов как фактор эффективности художественной коммуникации / О. А. Леонтович// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016. №1 (21). – С. 68-74.

253.Леонтьев, А. А. Клинико-психолингвистическое исследование разорванности речи у больных параноидной формой шизофрении/ Леонтьев, А. А., Рохлин, Л. Л., Савицкая, А. Б., Шахнарович, А.М.//Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1973, Т. 3, Вып. 12. С. 1858–1863.

254.Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики/ А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.

255.Леонтьева, А. В. Особенности компрессии средств выражения информации в современном языке: на материале электронного дискурса: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Леонтьева Алесья Вячеславовна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. - Москва, 2009. - 28 с.

256.Лехциер, В. Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности: монография / В. Л. Лехциер. – Самара : Самарский ун-т, 2007. - 331 с.

257.Лисоченко, Л.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) [Электронный ресурс] / Л. В. Лисоченко, О. В. Лисоченко. – Режим доступа: www.teneta.rinet.ru/rus/le/lisochenko_jaee.htm . 2010, свободный

258.Логинова, Е. Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе/ Е. Г. Логинова. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2021. – 283 с.

259.Лосев, А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы / А. Ф. Лосев// Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. – М.: Наука, 1989. – С. 172-175.

260.Лукина, Н. П. Идеологические и аксиологические основания информационного общества: учебное пособие / Н. П. Лукина, Л. В. Нургалева; Федеральное агентство по образованию, Томский гос. ун-т. - Томск: В-Спектр, 2008. - 239 с.

261.Лукьянова, Г.В. Спонтанный вигилантизм и конфликтогенный потенциал повседневного интернет-дискурса/Г. В. Лукьянова, Д. С. Мартянов// Конфликтология. Nota bene. 2022. № 1. – С. 32 - 47. DOI: 10.7256/2454-0617.2022.1.37335 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37335

262.Лунькова, Л.Н. Когнитивная стилистика: обработка и

декодирование художественного текста: монография / Л. Н. Лунькова. – Москва: РУСАЙНС, 2016. – 89 с.

263. Лунькова, Л. Н. Миры и пространства художественного текста: монография / Л. Н. Лунькова. – Москва: ФЛИНТА, 2020. – 158 с.

264. Лурия, А.Р. Язык и сознание/ А. Р. Лурия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 239с.

265. Лучинская, Е. Н. Формирование медийной картины мира в информационном обществе/Е. Н. Лучинская, А. В. Осташевский// Вестник Пятигорского государственного университета, 2019. №4. – С.114-116.

266. Майсак, Н. В. Девиации в профессиях социономического типа: теоретико-эмпирическое исследование: монография/ Н. В. Майсак. – Москва: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. - 360 с.

267. Макаренко, Г. С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Макаренко Гульдар Сиреневна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2018. - 24 с.

268. Макеева, Л.Б. Смысл и сенсibiliи. Как производить действия при помощи слов/ Л. Б. Макеева, В. П. Руднев. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 316 с.

269. Макурова, С. Р. Когнитивный механизм импликации и грамматические способы его реализации в художественном тексте: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Макурова Сусанна Рашидовна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2016. - 49 с.

270. Максименко, О. И. Формальные методы оценки эффективности систем автоматической обработки текста: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.21/ О. И. Максименко. - Москва, 2003. - 447 с.

271. Малинова, О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России/ О. Ю. Малинова. – М.:

ИНИОН РАН. Центр социальных науч.-информ.исслед. Отд. полит. науки, 2013. – 421 с.

272.Малкина-Пых, И. Г. Виктимология: психология поведения жертвы: [комплексный анализ феномена жертвы, подходы к индивидуальному консультированию, упражнения и техники] / И. Г. Малкина-Пых. - Москва: ЛитРес [поставщик], 2010. - 594 с.

273.Малюга, Е. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации/ Е. Н. Малюга. - Изд. 2-е, доп. - Москва: URSS, 2008. – 313 с.

274.Малюга, Е. Н. Функционально-прагматические особенности речевого поведения британских и американских участников межкультурной деловой коммуникации / Е. Н. Малюга. - Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2007. – 193 с.

275.Мамаева, О. С. Коммуникативные особенности организации семантически рассогласованного диалога: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ульян. гос. ун-т. - Тверь, 2004. - 27 с.

276.Мамаева, С.В. Языковая агрессия как одна из форм речевого поведения школьников / С.В.Мамаева // Глобальный научный потенциал: Сб. матер. межд. науч. конф. – Тамбов, 2005. – С. 99-101.

277.Мамедов, А. К., Липай Т. П. Социальная стигматизация: генезис и детерминанты становления/ А. К. Мамедов, Т. П. Липай// Социологический альманах. 2011. №2. – С.128-137.

278. Манскова, Е. А. Современная российская теледокументалистика: динамика жанров и средств экранной выразительности: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Манскова Елизавета Анатольевна; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. - Барнаул, 2011. - 161 с.

279.Мардиева, Л.А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) /Л. А. Мардиева// Вестник Пермского университета. Вып. 3(15). 2011. – С. 202-209

280. Марзан, М. А. Медианасилие как массовое явление/ М. А. Марзан // Вестник ВУиТ. №2. 2018. – С. 251–258.

281. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Т. В. Маркелова. – М.: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. – 297 с.

282. Маркова, И. И. Психологическое консультирование личности, склонной к девиантному поведению / И. И. Маркова, С. А. Красненкова. - Воронеж: ВГПУ, 2019. - 267 с.

283. Мартынова, Е.А. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дис. на соиск. учен. степени канд. филол. Наук / Е. А. Мартынова. - Орел, 2000. - 192 с.

284. Мартынова, Е. М. Невербальный аспект аномальной коммуникации: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Мартынова Елена Михайловна; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Белгород, 2016. - 38 с.

285. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику / А. Ю. Маслова. - 3-е изд. - Москва: Флинта: Наука, 2010. – 147 с.

286. Маслова, В. А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность / В. А. Маслова, У. М. Бахтикиреева (введение). - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юрайт, 2019. – 200с.

287. Махина, Л. А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории «враждебность» в конфликтогенных текстах: на материале современного немецкого языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Махина Людмила Алексеевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Санкт-Петербург, 2017. - 29 с.

288. Мельников, Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г. П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 488 с.

289. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. - Санкт-Петербург: Речь, 2008. – 443 с.

290. Миловидов, В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса / В. А. Миловидов. - Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 131 с.

291. Мироненко, В. И. О некоторых исторических корнях российско-украинского конфликта /В. И.Мироненко// Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №3. – С.151- 157.

292.Миронова, Н. И. Лингвистический анализ конфликта: реакция на различные конфликтогены /Н. И. Миронова// Вопросы психолингвистики. 2015. №26. – С. 109 – 121.

293.Михайлова, О. А. Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации/ О. А. Михайлова. - Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022; ISBN 978-5-7996-3479-7

294.Мишенина, Е. С. Украинский вопрос: военно-политический конфликт. Алгоритм решения: брошюра: 12+ / Е. С. Мишенина, Е. С. Ковалева. - Москва: ИП «Ковалева Е. С.», 2021. - 8 с.

295.Могилевская, О. А.Динамика идеологической тональности в российских и американских публицистических статьях: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Могилевская Ольга Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. - Волгоград, 2011. - 21 с.

296.Моисеенко, Л. В. Прецедентность в лингвокогнитивном ракурсе (на примере медиатекста)/ Л. В. Моисеенко. – Воронеж: Научная книга, 2021. - 319 с.

297.Молчанова, Л. А. Мифопластика проектного творчества: человек - костюм – среда/ Л. А. Молчанова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2019. – 61 с.

298.Молчанова, Г. Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика /Г.Г. Молчанова// Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №2. – С.13 - 30.

299.Молчанова, Г. Г. Синергия визуального и вербального в хроматике (живописи) как семиотический код коммуникации / Г. Г. Молчанова// Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная

коммуникация. 2015. №2. – С.7 -19.

300.Морис, Ч.У. Основания теории знаков /Ч. У. Морис// Семиотика: Антология. - М.: Деловая книга, 2001. - С. 45–98.

301.Мощева, С. В. Декларативы: особенности реализации в дискурсе рекламы /С. В. Мощева// Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26. Вып. 5. – С. 37 – 42.

302.Мустайоки, А. С. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего/А. С.Мусайоки// Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. [под ред. Кибрика А., Кошелева А.]. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 543 – 560.

303.Навасартян, Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ: на материале российских газет: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01/ Л. Г. Навасартян; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского]. – Саратов, 2017. – 22 с.

304.Налчаджян, А. А. Агрессивность человека/ А. А. Налчаджян. - Москва [и др.] : Питер, 2007 (СПб. : Печатный двор им. А. М. Горького). - 734 с.

305.Намитокова, Р.Ю. В мире имен собственных/ Р. Ю.Намитокова, А. Н. Абрегов. – Майкоп: АГУ, 1998. 116 с.

306.Негрышев, А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: учебное пособие / А. А. Негрышев. – Владимир: ВГГУ, 2009. - 143 с.

307.Непшекуева, Т. С. Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен / Т. С. Непшекуева. - Краснодар: ФГОУ ВПО «Кубанский гос. аграрный ун-т», 2006. - 415 с.

308.Никитин, М. Ю. Лингвоконфликтogenность современного массмедийного дискурса России/ Никитин, М. Ю., Устьянцева, А. Д., Бородина, Н. В.// Вестник РосНОУ, Серия: Человек в современном мире, 2021, №4. – С. 81-90. DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.081

309.Никитин, М.Ю. Маркеры лингвоконфликтogenности современного

массмедийного дискурса России в эпоху постправды/ М. Ю.Никитин, И. С. Карабулатова, О. М. Пахоменкова// Вестник РосНОУ, Серия «Человек в современном мире», 2022. №2. – С.110-116, DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.02.P.110

310.Никитин, М. Ю. Конфликтогема как нейропсихолингвистический маркер манипуляций в современных массмедиа/М. Ю.Никитин// Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — СПб.: Медиапайпер, 2022. — С. 379–382.

311.Никитин, М. Ю. Проблемы лингвоконфликтности иноязычного онима в современной международной бизнес-коммуникации/ М. Ю. Никитин, Э.Шехи/ Пространство в языке и культуре: сборник материалов круглого стола. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2021. – С. 85-87.

312.Никитина, Е. С. Психосемиотика: курс лекций/ Е. С. Никитина. - Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва: URSS: Ленанд, сор. 2019. - 299 с.

313. Нилова, К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация: социопсихолингвистический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Нилова Кристина Васильевна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2015. - 27 с.

314.Ниязова, Г. М. Межэтнический конфликтный медиадискурс в современном электронно-информационном пространстве/ Г. М. Ниязова// МНКО. 2021. №2 (87). – С.600-602.

315.Новгородова, Е. В. Конфликт интерпретаций как когнитивное основание лингвоконфликтологии: (на материале обыденных политических комментариев): монография/ Е. В. Новгородова. - Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2021. - 196 с.

316.Новоселова, М. Типологические признаки скандального дискурса как коммуникативного феномена/М. Новоселова// Человек и его дискурс – 6:

дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография/ Ответ. Ред. М. Р. Желтухина. – М.- Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – С.230 – 238.

317.Оленев, С. В. Моделирование динамики русской языковой личности/ С. В. Оленев. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 262 с.

318.Ольшанский, А. В. Особенности освещения международного терроризма ежедневной французской прессой: по материалам газет «Монд», «Фигаро», «Юманите». 2001 - 2006 гг.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Ольшанский Алексей Викторович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Фак. журналистики]. - Москва, 2007. - 24 с.

319.Олянич, А. В. Лингвосемиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) /А. В. Олянич// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. №16. – С.218 – 238.

320.Осетрова, Е. В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения/ Е. В. Осетрова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 274 с.

321.Осин, Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS/Е. Н. Осин// Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9. № 4. – С. 91-110.

322.Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. яз. В. П. Руднева; Смысл и сенсibiliи / Джон Остин; Пер. с англ. яз. Л. Б. Макеевой. - М.: Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999. - 329 с.

323.Павлов, А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм /А. Павлов// Философско-литературный журнал «Логос». 2018. №6 (127). – С.1 - 19.

324.Падучева, Е. В. Референциальные аспекты высказывания: семантика и синтаксис местоименных слов: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19/ Е. В. Падучева. - Москва, 1982. - 422 с.

325.Панарина, Н. С. К вопросу о психолингвистических параметрах

внутриличностного конфликта / Н. С. Панарина// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №4 (833). – С. 67-79.

326.Панченко, Н. Н. Коммуникативный типаж «правдолюб» /Н. Н. Панченко// Вестник ЧелГУ. 2008. №23. – С. 110-116.

327.Папаскири, З. В. История Абхазии без фальсификаций/ З. В. Папаскири. – Тбилиси: Изд-во Сухумского государственного университета, 2010. – 595 с.

328.Папаскир, А.Л. Обезы (абхазы) в древнерусских источниках и некоторые проблемы истории Абхазии/ А. Л. Папаскир, 2ое изд. – Сухум: Абхазский государственный университет, 2021 – 758 с.

329.Пашков, Р. В. Военно-политическая конфликтология: монография / Р. В. Пашков. - Москва: Ruscience, 2017. – 232 с.

330.Певнева, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Певнева Инна Владимировна; [Место защиты: Кемеровский государственный университет]. - Кемерово, 2008. - 22 с.

331.Первак, Т. В. Языковая игра в теледискурсе: лексический и стилистический аспекты: на материале немецкого комедийного телесериала «Штротберг»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Первак Татьяна Владимировна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. - Мытищи, 2018. - 26 с.

332.Перов, Е. В. Конфликты и конфликтогенность общества: монография / Е. В. Перов, М. Б. Перова; М-во образования и науки Российской Федерации, Вологодский гос. технический ун-т. - Вологда: ВоГТУ, 2013. – 171 с.

333.Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 3-е изд. - Москва: Эксмо, 2010. – 480 с.

334.Петрова, Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» /Н. Г. Петрова// Сибирский филологический журнал. 2016. №4. – С. 219- 227.

335.Петровский, В. А. «Я» в персонологической перспективе/ В. А. Петровский; Высш. шк. экономики Нац. исслед. ун-т. - Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. - 502 с.

336.Петрученко, О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко; Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина. - Репринт 9-го изд. 1914 г. - М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994. - 810 с.

337.Пешкова, Н. П. Эмоции в тексте и сознании его адресата/ Н. П. Пешкова. - Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – 228 с.

338.Пикалина, А. С. Роль когнитивной составляющей конфликтной коммуникативной ситуации /А. С. Пикалина// Современное педагогическое образование. 2021. №7. – С. 151–153.

339.Пильгун, М. А. Семантическая репрезентация и восприятие сетевой агрессии: городские цифровые коммуникации/М. А. Пильгун// Медиалингвистика, 2020. №7 (4). – С. 462–489. DOI: 10.21638/spbu22.2020.407

340.Плотичкина, Н. В. Мифология электронного фронта /Н. В. Плотичкина/ Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №1 (49). – С.80-88.

341.Полимодалные измерения дискурса: монография / [О. К. Ирисханова, М. И. Киосе, О. Н. Прокофьева и др.]; ответственный редактор О. К. Ирисханова; Московский государственный лингвистический университет, Центр социокогнитивных исследований дискурса. - Москва: Издательский дом ЯСК, 2021. - 445 с.

342.Политический имидж России в западных СМИ в лингвистическом ракурсе : коллективная монография / О. В. Евтушенко, В. А. Митягина, Л. В. Моисеенко [и др.]; под редакцией доктора филологических наук Л. В. Моисеенко. - Воронеж: Науч. кн., 2020. - 291 с.

343.Полякова, С. Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач / С. Е. Полякова// Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №1. – С.83 - 92.

344.Полякова, Г. М. Анализ лексико-семантического поля «одежда» в русском, английском и немецком языках в аспекте сопоставительной лингвокультурологии: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Полякова Галина Михайловна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2012. - 18 с.

345.Попова, Т. Г. Интернет-мем как полимодальный дискурс/Т. Г. Попова//Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография/ Ответ. Ред. М. Р. Желтухина. – М.- Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – С.143 – 148.

346.Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография/ З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

347.Поцелуев, С.П. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта /С. П. Поцелуев, С. Н. Цибенко/ *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 1. – С. 1–23. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23.

348.Почтарь, Е. И. Прагматические основы нарушения коммуникативного кодекса в современном дискурсе /Е. Н. Почтарь// Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. №3. – С. 129-134.

349.Привалова, И. В. «Расширение чувств»: когнитивный механизм участника электронной коммуникации/ И. В. Привалова// Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография/ Ответ. Ред. М. Р. Желтухина. – М.- Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – С.102 – 116.

350.Пром, Н.А. Медиафакт как единица жанра /Н. А. Пром// Жанры речи. 2020. №3 (27). – С. 229–237.

351.Разорвина, А.С. Выражение одобрения и беспронимчивый метод разрешения конфликтов как аспекты норм семейной морали /А. С. Разорвина// ИСОМ. 2018. №6-2. – С. 125-134.

352.Разоренова, М., Дзиндзибадзе, К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии/ М. Разоренова, К. Дз.индзибадзе – [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html> (дата обращения: 21.10.2022).

353.Рассади́на, Т. А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян / Т. А. Рассади́на. - М. : Прометей : МПГУ, 2004 (Тип. МПГУ). - 409 с.

354. Ржешевская, А. А. Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта: на материале английской драмы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ржешевская Анастасия Алексеевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. - Москва, 2014. - 24 с.

355.Родичева, А.А. Речевое общение на основе коммуникативных ходов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 /А. А. Родичева. – Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2002. - 22 с.

356.Родькин, П. Е. Революция потеряла цвет: «цветные революции» 2004-2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа / Павел Родькин. - Москва: Совпадение, 2015. – 115 с.

357.Розенфельд, М. Я. Речевое воздействие: практикум / М. Я. Розенфельд, И. А. Стернин. - Воронеж: РИТМ, 2018. - 101 с.

358.Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: (Пособие по теорет. курсам)/ А. А.Романов. - М.: Б. и., 1988. - 181 с.

359.Романов, А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб/ А.А. Романов. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 153 с.

360.Романова, И. Д. Технологии персуазивности в современной англоязычной бизнес-коммуникации: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Романова Ирина Дмитриевна; [Место

защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»]. - Москва, 2021. - 263 с.

361. Румянцев, С. НеОбъективные конфликты: Политические практики разделения общего прошлого: Россия, Украина, Молдова и Приднестровье: анализ и рекомендации / редактор Сергей Румянцев. - Берлин: CISR e.V., сор. 2017. – 132 с.

362. Русаков, С. С. Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01 / Русаков Сергей Сергеевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2017. - 235 с.

363. Рязанцев, С. В. Псевдореминисценции и конфабуляции/ С. В. Рязанцев. - Санкт-Петербург: Полифорум, 2012. – 245 с.

364. Савицкая, А. С. Средства массовой информации в ситуации конфликтного взаимодействия /А. С. Савицкая// Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №92. – С.84-88.

365. Савчук, И. П. Информационно-маркетинговая война в современном рекламном дискурсе: трансформация гендерных стереотипов/ И. П. Савчук, И. С. Карабулатова // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 1-2. – С. 51–65.

366. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации/ А.П. Садохин. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.

367. Садыкова, И. А. Маркеры конфликтности в русском межличностном дискурсе /И. А. Садыкова// Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. №5-6. – С.127-137.

368. Самутина, О. С. Русскоязычные газеты Грузинской ССР 1988–1991 гг. как источник по истории грузино-абхазского конфликта: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Самутина Ольга Сергеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО Кемеровский государственный университет]. - Кемерово, 2019. - 29 с.

369. Санакоев, И. Б. Политико-идеологические факторы эволюции

грузино-осетинского конфликта: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 /И. Б. Санакоев. - Ставрополь, 2004: Ставроп. гос. ун-т. - 22 с.

370.Светлов, В. А. Современный словарь по конфликтологии /В. А. Светлов. - 3-е издание, стереотипное. – Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2016. - 427 с.

371.Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование: монография / Н. А. Сегал. - 2-е издание, стереотипное. - Москва: Флинта, 2018. - 244 с.

372.Седов, К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии/ К. Ф. Седов// Международная интернет-конференция «Диалог – 2002»: Режим доступа: URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379> (дата обращения: 11.08.2021)

373.Сейранян, М. Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты: монография / М. Ю. Сейранян. - Москва: Прометей, 2012. - 93 с.

374.Селезнева, Г. Я. Общение с агрессивным собеседником/ Селезнева Г. Я., Стернин И. А., Головинова В. В. - Воронеж: Истоки, 2013. - 126 с.

375.Семенова, Е. М. Онтология бинарных оппозиций, или «Темная сторона светлого»: анализ современного американского политического медиадискурса: монография / Е. М. Семенова. - Санкт-Петербург: РАНХиГС, 2019. – 129 с.

376.Семкин, М.А. Дискурс политического комментария в технологии ведения информационных войн (на примере отражения грузино-осетинского конфликта в российских и англоязычных СМИ) /М. А. Семке// Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. №2. – С.167-175.

377.Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии/ Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 179 с.

378.Серебрякова, С. В. Лингвистическое портретирование пандемии COVID-19 в прессе России и Германии/С. В. Серебрякова, А. И. Милостивая// Гуманитарные и юридические исследования, 2020, №2. – С. 202 – 209.

379.Симонов, П. В. Мотивированный мозг: Высш. нерв. деятельность и естественно-науч. основы общ. психологии / П. В. Симонов. - Отв. ред. В. С. Русинов. - М.: Наука, 1987. – 266 с.

380.Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках /Л. Н. Синельникова// Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2020. №24 (2). – С.467 – 492.

381.Синицын, И. М. Совершенствование системы управления кризисно-конфликтными ситуациями миграционных процессов в контексте экономической безопасности страны/ И. М. Синицын// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 8. – С. 50-55.

382.Синчук, Ю. В. Политическая конфликтология: учебное пособие / Ю. В. Синчук, Г. М. Сидорова. - Москва: Проспект: МГЛУ, 2021. - 112 с.

383.Сирота, Н. М. Идеологии и идеологические течения: классическое наследие и современность: учебное пособие / Н. М. Сирота. - Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2009. – 187 с.

384.Сковородников, А. П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина// МИРС. 2017. №3. – С.28-32.

385.Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия /А. П. Сковородников, Г. А. Копнина// Политическая лингвистика. 2016. №1. – С.42 - 50.

386.Сковородников, А.П. Словарь современных политических ярлыков / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. — 176 с.

387.Скулимовская, Д. А. Импликатура, пресуппозиция и логическое следствие как когнитивные механизмы интерпретации речевого акта предупреждения/Д. А. Скулимовская// Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, № 3 (24), 2013. – С. 29-33.

388.Соина, Е. С. Политическое протестное поведение в современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Соина

Елена Сергеевна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. - Ставрополь, 2008. - 23 с.

389.Соколов, А. В. Введение в теорию социальной коммуникации/ А.В. Соколов. - СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т профсоюзов. Б-ка гуманитар. ун-та, 1996. - 319 с.

390.Соколова, Е. С. Деструктивные твиты в сети социальных закладок: риск-модели распространения, восприятия и выявления: автореферат дис. ... кандидата технических наук: 05.13.19 / Соколова Елена Сергеевна; [Место защиты: Воронеж. гос. техн. ун-т]. - Воронеж, 2018. - 16 с.

391.Солодовникова, Н. Г. Экологичность эмотивной коммуникации: на материале предвыборных креолизованных газетных текстов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Солодовникова Наталия Геннадиевна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. - Волгоград, 2010. - 24 с.

392.Сорокин, Ю. А. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) /Ю. А. Сорокин// Массовая культура на рубеже XX – XX веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – М.: «Азбуковник», 2003. – С.7–23.

393.Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - С. 54-105.

394.Социологический энциклопедический словарь на рус., англ., нем., фр. и чеш. яз. / Под ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА–ИНФРА, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-3573.html> (дата обращения: 02.09.2022).

395.Стеблецова, А. О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах: монография / А. О. Стеблецова. - Воронеж: Издат.-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2009. - 206 с.

396.Степанов, В. Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации / В. Н. Степанов; С.-Петербург. гос. ун-т. - СПб.: Роза мира, 2003

(Лаб. оперативной печати ф-та журналистики СПбГУ). - 263 с.

397.Степыкин, Н. И. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала «Scrubs») / Н. И. Степыкин, Ю. А. Полхова// Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. №3. – С.442 – 450.

398.Стернин, И.А. О понятии эффективного общения/ И.А. Стернин// Преподавание культуры общения в средней школе. – Воронеж: 1995. – 260 с.

399.Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. - Воронеж, 2001. - 252 с.

400.Стернин, И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте/ И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2011 - 66 с.

401.Стернин, И.А. Основы речевого воздействия/ И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012,

402.Стернин, И.А. Маркеры фейка в медиатекстах/ И. А. Стернин, А. М. Шестерина. – 2-е изд., испр., доп. – Воронеж: Ритм, 2021. – 60 с.

403.Сулейменова, Э. Д. Язык как ресурс мягкой силы: макросоциоллингвистика, языковое планирование, языковая политика, языковые контакты и языковые конфликты, проблемы социоллингвистики в эпоху глобализации: монография / Э. Д. Сулейменова. - 2-е изд., доп. - Алматы: Қазақ университеті, 2018. - 117 с.

404.Сусык, С. Ю. Языковая объективация концепта «терроризм» во французских печатных средствах массовой информации: монография / С. Ю. Сусык. - Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2012. - 230 с.

405.Сухов, А. Н. Социальная конфликтология/ А. Н. Сухов. - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. - 255 с.

406.Таймур, М. П. Анти-мем как креативный мультимодальный деструктивный элемент в виртуальном дискурсе/ М. П. Таймур// Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — СПб: Медиапапир,

2022. —С. 383–386.

407.Тальчикова, Е. Н. Архитектоника сверхфразового единства в аспекте взаимодействия горизонтального и вертикального контекстов: на материале французской прозы XIX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / Тальчикова Елена Николаевна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. - Воронеж, 2009. - 23 с.

408.Тармаева, В. И. Герменевтические основы техники понимания вербальных текстов/ В.И. Тармаева. - 2-е изд., расшир. и доп. - Москва: ФЛИНТА, 2019. – 173 с.

409.Телюкина, Е. А. Прагматический аспект репрезентации негативных эмоций (на материале современной англоязычной литературы) /Е. А. Телюкина// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №8-2 (62). – С. 159 -161.

410.Темиргазина, З.К. Лингвоэстетическая оценка внешнего облика человека в русской и казахской картинах мира/ З. К. Темиргазина. - 2-е изд., стер. - Москва: Флинта, 2015. - 109 с.

411.Тимачев, П. В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха: На материале английского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04/ П. В. Тимачев. - Волгоград, 2005. - 179 с.

412.Топоева, М. В. Этническая мода: теоретические аспекты исследования /М. В. Топоева// Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2018. №25. – С.121-124.

413.Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 /В. С. Третьякова. – Москва: Моск. гос. обл. ун-т, 2003. - 35 с.

414.Третьякова, В. С. Конфликт в лингвистических категориях /В. С. Третьякова// Юрислингвистика. 2010. №10. – С.141 – 149.

415.Третьякова, В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы/ В. С. Третьякова// Вестник Челябинского государственного

университета, 2013, № 1 (292). – С. 279 – 282.

416.Трофимова, Н. А. От любви до ненависти: смысловые узоры экспрессивов / Н. А. Трофимова. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ин-т внешнеэкономических связей, экономики и права, 2011. – 293 с.

417.Троценкова, Е. В. Социокультурные ментальные репрезентации и коммуникативные стратегии: когнитивно-психолингвистический анализ/ Е. В. Троценкова. - Москва: Директ-Медиа, 2013. - 119 с.

418.Трубина, З. И. Педагогические конфликты на уроках: типы, причины возникновения, специфика урегулирования /З. И. Трубина// Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №5. – С. 16.

419.Тюпа, В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ)/ В. И. Тюпа. - М.: Лабиринт, 2001. - 192с.

420.Тюряпина, И. В. Акцентуации личности как фактор психической адаптации студентов вуза: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.04 / Тюряпина Ирина Владимировна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2016. - 24 с.

421.Углова, Н. В. Употребление жаргонных слов в рекламном тексте/Н. В. Углова// Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2016. №1. - С. 49–64.

422.Угланова, Е. А. Критическое моделирование дискурса: на материале англоязычной политической коммуникации: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Угланова Елизавета Александровна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. экон. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2014. - 18 с.

423.Уланов А.В. Конфликтогенный потенциал военного дискурса русского языка начала XX века/ А. В. Уланов// Известия Смоленского государственного университета, 2018, 2 (42). – С.143 – 156.

424.Унарокова, Р. Б. Формы общения адыгов: (опосредованные формы общения в традиционной культуре адыгов на материале фольклорных текстов)/ Р. Б. Унарокова. - Майкоп: Меоты, 1998. - 128 с.

425. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 240 с.

426. Файбышенко, Н. Л. Функционально-семантический и прагматический анализ регулятивных средств аргументативного дискурса: На материале текстов парламентских выступлений в Конгрессе США: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Н. Л. Файбышенко. - Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2002. - 16 с.

427. Фаткуллина, Ф. Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: (На материале глаголов деструктив. семантики) / Ф. Г. Фаткуллина. - Уфа: БашГУ, 1999. - 295 с

428. Фаткуллина, Ф. Г. Системность и антропоцентричность глагольной лексики (поле деструктивности): монография / Ф. Г. Фаткуллина. - 2-е изд., перераб. - Уфа: БашГУ, 2021. - 178 с.

429. Фетисова, Т. А. Агрессивное поведение в Интернет- коммуникации. Обзор / Т. А. Фетисова // Вестник культурологии. 2018. №4 (87). – С.185-197.

430. Фещенко, В. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства / В. В. Фещенко, О. В. Коваль. - Москва: Яз. славянской культуры (ЯСК), 2014. – 637 с.

431. Филатов, А. Профайлинг: как научиться разбираться в людях и прогнозировать их поведение / Алексей Филатов; Международная акад. исслед. лжи. - Москва: Перо, 2016 - 325 с.

432. Филиппова, А. П. Оптативные эмотивы в разноструктурных языках: на материале русского, английского и чувашского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / А. П. Филиппова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2006. - 23 с.

433. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1988. - Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. - С. 191-245.

434.Фомин, А. Г. Репрезентация феноменов «Агрессия» и «Конфликт» в языковом сознании россиян и американцев/ А. Г. Фомин, Н. С. Якимова// Вестник КемГУ. 2012. №1. – С.206-211.

435.Фрумкина Р.М. Если у современной лингвистики своя эпистемология? /Р. М. Фрумкина// Язык и наука конца XX века. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. - С. 80-122.

436.Хазиева, Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности: на материале англоязычных конфликтогенных текстов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Хазиева Рушана Рауфовна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2018. - 198 с.

437.Халимова, Р. Р. Языковые средства реализации прагматической установки в текстах прямой и скрытой рекламы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Халимова Розалия Рамилевна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2011. - 25 с.

438.Хандамова, Э.Ф. Вербализация психоэмоциональных состояний в речевой деятельности/ Э.Ф.Хандамова. – Краснодар: 2002. – 125с.

439.Харджиева, Е. С. Персуазивность в детективно-следственном дискурсе: на материале романов Н.И. Леонова и А.В. Макеева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Харджиева Екатерина Степановна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2016. - 165 с

440.Хачмафова, З. Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты: (на материале русского и немецкого языков). - Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2010. - 289 с.

441.Хомский, Н. О природе и языке: с очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия»: [воззрение на язык и разум, язык и мозг, интервью с Хомским о его минималистской программе] / Н. Хомский; пер. с англ. П. В. Феденко. - Изд. 3-е. - Москва: URSS: Ленанд, 2017 (cop. 2016). – 285 с.

442. Хомский, Н. Человек говорящий. Эволюция и язык/ Ноам Хомский, Роберт Бервик: [перевел с английского С. Черников]. - Санкт-Петербург [и др.] Питер, 2018. - 304 с.

443. Хохлова, И. С. Специфика киберфольклора в интернет-пространстве/И. С. Хохлова, Е. Н. Лучинская// Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КубГУ, 2021. – С.170 – 172.

444. Хроменков, П. Н. Лингвоконфликтология и политический дискурс: исследование методом количественного контент-анализа: монография / П. Н. Хроменков. - Москва: Международные отношения, 2016. – 202 с.

445. Хроменков, П. Н. Вербальный конфликтогенез интернет-запросов /П. Н. Хроменков, О. И. Максименко// Русистика. 2016. №3. – С.68-81.

446. Чамагуа, В. З. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989-2005 гг.)/ В. З. Чамагуа. – Сухум: Дом печати, 2017. – 408 с.

447. Челпанов, В.Б. Психологическая и лингвистическая экспертиза текста/ В. Б. Челпанов. – М.: Международная академия исследования лжи. – 2018. – С. 420.

448. Чепорухина, М. Г. К разграничению терминов «Дисфемизм», «Сленг», «Вульгаризм» и «Инвектива»/ М. Г. Чепорухина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. № 4. – С. 116–126.

449. Черниговская, Т. В. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации: коллективная монография / [Т. В. Черниговская, Е. Ю. Шелепин, О. В. Защирина и др. ; под науч. ред. Т. В. Черниговской и др.]. - Санкт-Петербург: ВВМ, 2016. - 202 с.

450. Чернявская, В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный

анализ речевого воздействия/ В. Е. Чернявская. - Москва: Директ-Медиа, 2014. - 258 с

451.Чесноков, И. И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт: (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): монография / И. И. Чесноков. - 2-е издание, стереотипное. - Москва: Флинта, 2015. - 324 с.

452.Чеснокова, О. С. Интерпретация художественного текста: русско-испанский диалог / О. С. Чеснокова. - Москва: ИНФРА-М, 2018. – 172 с.

453.Чистанова С. С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина/ С. С. Чистанова// Гуманитарный вектор. 2017. №12 (3). – С. 85 – 90.

454.Чмутова, Ю. С. Особенности преодоления коммуникативных барьеров в учебном процессе гиперактивными подростками: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Чмутова Юлия Сергеевна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Новочеркасск, 2012. - 183 с.

455.Чорновол, Ігор. Компаративні фронтири: Світовий і вітчизняний вимір. Київ: Критика, 2015. 376 с

456.Чу Шуся. Речевые средства выражения коммуникативного дискомфорта в межкультурном деловом общении: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Чу Шуся; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2014. - 172 с.

457. Чудинов, С. И. Экстремизм в глобальном обществе риска: монография / С. И. Чудинов. - Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 170 с.

458.Чулкина, Н. Л. Конфликтогенные зоны повседневности и их отражение в русском обыденном языковом сознании (на примере концептов коммуналка (коммунальная квартира) и сосед/ка, соседи// Вопросы психолингвистики, 2015, №26. – С. 208 – 211.

459.Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. - 4-е изд., стер. - Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2021. – 251 с.

460.Цыцаркина, Н. Н. Конфликтная ситуация и ее репрезентация в языке/ Н. Н. Цыцаркина// Вестник Курганского государственного университета. 2006. №3 (7). – С.160 -162.

461.Шабанова, А. Н. О возможностях снижения социальной напряженности населения/ А. Н. Шабанова// Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2018. №11. – С.196- 200.

462.Шагиева, Г.Р. Лингвокриминалистические исследования сленга наркоманов/Г. Р. Шагиева// Право: ретроспектива и перспектива. 2021. №2 (6). – С.89-93.

463.Шагланова, Е. А. Информационно-стратегический потенциал компрессии текста телерекламы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Шагланова Елена Андреевна; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. - Кемерово, 2015. - 24 с.

464.Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В. М. Шаклеин. - Москва: Флинта, 2012. - 301 с.

465.Шалаева, М. В. Проблема взаимосвязи гениальности и безумия в современной науке // Вестн. Томск. гос. ун-та, 2007. №304. – С. 86 - 89.

466.Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка// Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2000. – 400 с.

467.Шапталов, Б. Н. Изнанка российско-украинского конфликта, или Как поссорились соседи/ Борис Шапталов. - Москва: Центрполиграф, сор. 2016. – 349 с.

468.Шарифуллин, Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия/ Б.Я. Шарифуллин// Проблемы развития речевой культуры педагога: Тез. регион. научно-практич. семинара. – Томск: 1997. – 123 с.

469.Шарифуллин, Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика - юриспруденция/ Б.Я. Шарифуллин// Вестник Красноярского ун-та. Гуманитарная серия. Вып.2. – Красноярск: 2000. – 129 с.

470.Шарп, Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика

освобождения / Д. Шарп. Пер. с англ. Н. Козловской. – М.: Новое издательство, 2005. — 84 с.

471. Шаховский, В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens: [монография] / В. И. Шаховский. - Москва: URSS: Либроком, 2012. - 141 с.

472. Шейнов, В. П. Искусство управлять людьми / В. П. Шейнов. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.

473. Шейнов, В. П. Управление конфликтами / В. П. Шейнов. - Москва [и др.] : Питер, 2014. - 572 с.

474. Шергалин, Е. Э. История печально знаменитой компании по уничтожению воробьёв в Китае / Е. Э. Шергалин // Русский орнитологический журнал, 2015. Том 24, №1171 – С. 2657-2666.

475. Шиманская, А. С. Семиотика цвета в японской культуре: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Шиманская Анна Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. - Москва, 2014. - 24 с.

476. Шингарева, Е. А. Семиотические основы лингвистической информатики / Е. А. Шингарева. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1987. – 245 с.

477. Ширяева, О. В. Информационно-аналитический медиадискурс: прагмасемантический, когнитивный и коммуникативный аспекты: на материале российской деловой прессы: дисс. ... д-ра филол. наук / О. В. Ширяева; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. – Майкоп, 2015. – 692 с.

478. Ширяева, О. В. Прагма-риторическая перспектива исследования англоязычного парламентского дискурса / О. В. Ширяева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015а. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. – С. 211-217. ISSN 1997-2911.

479. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет: Статьи - воспоминания - эссе (1914-1933) / Виктор Шкловский; [Предисл. А. П. Чудакова, с. 3-32; Комментар. и подгот. текста А. Ю. Галушкина]. - М.: Сов. писатель, 1990. - 544 с.

480. Шмелёва, Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т. В. Шмелёва // Идеографические аспекты русской грамматики: Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 168–202.

481. Шмидт, З.И. «Текст» и «история» как базовые категории / З. И. Шмидт// Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. - Вып. VIII: Лингвистика текста. – С. 89-111.

482. Шпомер, Е. А. Коммуникативные неудачи в речевом общении и пути их устранения: учебное пособие / Е. А. Шпомер. - Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2021. - 188 с.

483. Шустова, И. Н. Роль уничижительных прозвищ в языке политики/ И. Н. Шустова// Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (282). – С. 213–216.

484. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. - Изд. 2-е. - Москва : URSS, 2008. - 355 с.

485. Эбзеева, Ю.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) /Ю. Н. Эбзеева, Г. Н. Ленько// Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. 2016. № 1. – С. 142-151

486. Эбзеева, Ю. Н. Новые аспекты исследования коммуникации в современных социальных сетях/ Ю. Н. Эбзеева, И. С. Карабулатова // Вестник АГУ. 2017. Вып. 4 (209). – С. 258–266.

487. Эдилова, Х. В. История развития понятия диффамации / Х. В. Эдилова// Пробелы в российском законодательстве. 2017. №2. – С.152 - 154.

488. Элиас, Норберт. О процессе цивилизации: Социогенет. и психогенет. исслед. / Норберт Элиас; Акад. исслед. культуры. - М.; СПб.: Унив. кн., 2001 (Университетская библиотека. Социология). Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. - 2001. – 330 с.; Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. - 2001. – 380 с.

489. Юань, В. Л. Выявление истероидной акцентуации у обвиняемого с помощью анализа его речи, поведения и биографии / В. Л. Юань, Т. А. Алексеева, Р. Л. Ахмедшин// Правосудие. 2020. №1. – С.207 -224.

490.Юденков, Ю. Н. Экономическая конфликтология: учебное пособие / Ю. Н. Юденков, Р. В. Пашков, В. В. Кононов; под общ. ред. В. И. Якунина. - Москва: КноРус, 2017. - 221 с.

491.Якимова, О. А. Массовая коммуникация: теория и практика/ О. А. Якимова. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. – 109 с.

492.Якоба, И. А. Особенности измерения манипулятивного потенциала медиатекстов инструментами технологии «Умная настройка» дискурса/И. А. Якоба// Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — СПб.: Медиапайпер, 2022. — С.178 – 182.

493.Яковлева, Е. В. Функциональная прагматика междометий и релятивов как вербализаторов эмотивного смысла: монография/ Е. В. Яковлева, С. В. Серебрякова. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2019. – 203 с.

494.Яницкий, О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории /О. Н. Яницкий// Социологические исследования, 2012, № 6. – С. 3–12.

495.Яньшин, П. В. Психосемантика цвета/ П. В. Яньшин. - Санкт-Петербург: Речь, 2006 (СПб.: Наука). - 368 с.

496.Aguilera, J. Mindful embodiment in synthetic environments/ Aguilera, J. // *Me-taverse Creativity*, 2014, 4(1), 5–14. doi:10.1386/mvcr.4.1.5

497.Aipova A. The features of the formation of ethno-value consciousness in the modern Kazakh Pedagogical University/ Aipova A., Aраeva A., Temirgalinova A., Shabambaeva A., Karabulatova I. // *EduWEB. Revista de Tecnología de Información y Comunicación en Educación*, 2021 Volumen 15, 2. Mayo-agosto 2021, 229-244, DOI: <https://doi.org/10.46502/issn.1856-7576/2021.15.02.18>

498.Arámulo Santiago. Desafíos epistémicos de las Ciencias Sociales: movilidad social, territorialidad y poder/ Arámulo Santiago, E. B., & Dávila Morán, R. C.// *Revista De La Universidad Del Zulia*, 2021, 12(34), 469-482.

<https://doi.org/10.46925//rdluz.34.26>

499. Armstrong, D.M. A Materialist Theory of Mind/ Armstrong, D.M. – 2 ed. London: Routledge & Kegan Paul, 1993, 400p.

500. Atkinson, R.C. Chapter: Human memory: A proposed system and its control processes / Atkinson, R.C.; Shiffrin, R.M. // The psychology of learning and motivation (Volume 2) (АНГЛ.) / Spence, K.W.; Spence, J.T. — New York: Academic Press, 1968. — P. 89—195.

501. Aubrey, J. S. Check that body! The effects of sexually objectifying music videos on college men’s sexual beliefs/ Aubrey, J. S., Hopper, K. M., & Mbure, W. G. // Journal of Broadcasting & Electronic Media, 2011, 55, 360-379. doi: 10.1080/08838151.2011.597469

502. Bail, C. Breaking the social media prism/ Bail, C. // Breaking the Social Media Prism 2021 Dec 31. Princeton University Press.

503. Balietti, S. Reducing opinion polarization: Effects of exposure to similar people with differing political views/ Balietti, S., Getoor, L., Goldstein, D.G., Watts, D.J. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2021, 118 (52): e2112552118, doi:10.1073/pnas.2112552118.

504. Barabash V.V. The specific of the interpretation of tragedy over Sinay (October 31, 2015) as a focus of information attention of the «VKONTAKTE» social network/ Barabash V.V., Bobryshova A.S., Lepilkina O.I., Karabulatova I.S. // Astra Salvensis. 2018. T. 6. № 1. С. 289-310. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35521732>

<https://astrasalva.files.wordpress.com/2018/04/as-supp-1.pdf>

505. Barabash, V.V. The confrontation between the Eastern and Western worldviews in the conceptual space of the information war against Russia: the genesis and evolution of the terminological apparatus / Barabash, V.V., Kotelenets, Elena A., Karabulatova, Irina S., Lavrentyeva, Maria Y., Mitina, Yulia S. // Amazonia investiga, 2019, Vol. 8 Núm. 19: 246 - 254 / Marzo - abril 2019, p.246 – 254.

506.Bova, A. Beyond conflicts: Origin and types of issues leading to argumentative discussions during family mealtimes/ Bova, A., Arcidiacono, F. // Journal of Language Aggression and Conflict, Volume 3, Issue 2, Jan 2015, p. 263 – 288, DOI: <https://doi.org/10.1075/jlac.3.2.02bov>

507.Bogost, I. Persuasive games: The expressive power of videogames/ Bogost, I.// Literary linguistic computing (Vol. 23). Cambridge & London: The MIT Press. Retrieved February 22, 2015 from <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=a9h&AN=37562275&site=ehost-live>

508.Carpentier, F. R. D. Naughty versus nice: Suggestive pop music influences on perceptions of potential romantic partners/ Carpentier, F. R. D., Knobloch-Westerwick, S., & Blumhoff, A.// Media Psychology, 2007, 9(1), 1-17. doi:10.1080/15213260709336800

509.Charernboon, Th. Social cognition in schizophrenia/ Charernboon, Th., Patumanond, J. // Mental Illness. 2017. № 9 (7054). – Pp. 16-19.

510.Cowan, S. K. «It could turn ugly»: Selective disclosure of attitudes in political discussion networks/ Cowan, S. K., Baldassarri, D. // Social Networks, 2018, Vol. 52. – 1-17, <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.04.002>.

511.Crossley S.A. Sentiment Analysis and Social Cognition Engine (SEANCE): An automatic tool for sentiment, social cognition, and social-order analysis/ Crossley S.A., Kyle K., McNamara D.S.// Behav Res Methods. 2017 Jun;49(3):803-821. doi: 10.3758/s13428-016-0743-z. PMID: 27193159

512.Cruse, A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. Second edition / A. Cruse. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 441 p.

513.Dennis, Maureen. Emotional expression and socially modulated emotive communication in children with traumatic brain injury/ Dennis, Maureen// Journal of the International Neuropsychological Society, 2013, 19.1, p. 34-43.

514.Ehsan-Ul Haq. Twitter Dataset for 2022 Russo-Ukrainian Crisis/ Ehsan-Ul Haq, Gareth Tyson, Lik-Hang Lee, Tristan Braud, and Pan Hui. [Electronic source]: 2203.02955.pdf (arxiv.org)

515.Elpidorou, A. Boredom and Cognitive Engagement: a functional theory of boredom/ Elpidorou, A. // Review of Philosophy and Psychology, 2022, 10.1007/s13164-021-00599-6

516.Erina, I.A. Development of Communication Skills in Children with Special Needs (ADHD): Accentuation of the Schoolboy's Personality and Musical Preferences/ Erina, I.A., Mychko, E.I., Sorokopud, Yu. V., Karabulatova, I.S., Streltsova, M.A. // Universal Journal of Educational Research, 2019, Vol. 7(11), pp. 2262 – 2269. DOI: 10.13189/ujer.2019.071103, http://www.hrpub.org/journals/article_info.php?aid=8417

517.Erlend Winderen Finke Owesen. The Bodily Theory of Pain/ Erlend Winderen Finke Owesen // Review of Philosophy and Psychology, 2022, <https://doi.org/10.1007/s13164-022-00646-w>

518.Gafni, Chen. Studying Emotive Effects in Poetry by Quantifying Open-Ended Impressions/ Gafni, Chen, and Reuven Tsur // Empirical Studies of the Arts 39.2 (2021), p. 216-242.

519.Fauconnier, G. M. Metaphor, Metonymy, and binding. / Fauconnier, G., and Turner, M // Metaphor and metonymy in comparison and contrast/ed. By René Dirven; Ralf Pörings. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter,2003.

520.Fellous J.-M. Who Needs Emotions?/ Fellous J.-M., Arbib M. A. // The brain meets the robot. —Oxford University Press, 2005 — C. 60—76.

521.Freñtîu, L. The Management of Non-Verbal Signs in Disagreements/ Freñtîu, L. // Romanian Journal of English Studies, 2019, 16(1), p. 119-122. <https://doi.org/10.1515/rjes-2019-0014>

522.Jacquemet, M. Verbal Conflict/ Jacquemet, M. – . Editor(s): Keith Brown, Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition), Elsevier, 2006, pp. 400-406, ISBN 9780080448541, <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/03051-0>.

523.Hyungil, A. Affective Cognitive Learning and Decision Making: The Role of Emotions / Hyungil A., Picard R. // The 18th European Meeting on Cybernetics and Systems Research (EMCSR 2006). — 2006, 06.ahn-picard-emcsr.pdf (mit.edu)

524. Ilie, C. Discussion, dispute, or controversy? Paradigms of conflict-driven parliamentary practices/ Ilie, C. // Journal of Language Aggression and Conflict, Volume 9, Issue 2, Aug 2021, p. 237 – 270, DOI: <https://doi.org/10.1075/jlac.00047.ili>

525.Ivanov, D. I. Russian Rock Music Culture Discourse specifics and the logocentric model of a Synthetic Linguistic Personality/ Ivanov D.I., Shaklein V.M., Mitrofanova I.I., Mikova S.S., Deryabina S.A.// Opsion, 2018, T. 34. № 85. C. 764-788.

526.Karabulatova, I.S. The Manipulation of the Public consciousness through Russian Press Coverage of Events around the Paris Peace Conference, 1918-1920/ Karabulatova, I.S.// The Paris Peace Conference (1918-1920) and Its Aftermath: Settlements, Problems, Perceptions. Edited by Sorin Arhire and Tudor Roşu. London: Cambridge Scholars Publishing, 2020, pp.209-227. ISBN (10): 1-5275-4224-6 ISBN (13): 978-1-5275-4224-2

527.Irina S. Karabulatova. The Mythologization of the Abrek's Image in the Modern Caucasian Linguistic Consciousness/ Irina S. Karabulatova, Svetlana A. Lyausheva, Zaineta R. Khachmafova, Irina P. Savchuk, Oksana S. Shibkova.// Astra Salvensis, 2018, Vol.6, #12, p.737-744

<https://astrasalva.files.wordpress.com/2018/10/astra-salvensis-vi-2018-no-123.pdf>

528.Karabulatova, Irina S. The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept «**MOOR**»/ Karabulatova, Irina S., Chesnokova, Olga S., Ebzeeva, Yuliya N., Radovič, Marija// Terra Sebus, 2020, #12, pp.301-325.

529.Karabulatova, I.S. Formation of ethnosocial identity in the matrix of media discourse/ Karabulatova, I.S., Lagutkina, M.D., Borodina, N.V., Streltsova,

M.A., & Bakhus, A.O.// Amazonia Investiga, 2021a, 10(43), 234-247.
<https://doi.org/10.34069/AI/2021.43.07.23>

530.Karabulatova, I.S. Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge?/ Karabulatova, I.S., Aipova, A.K., Butt, S.M., Amiridou, S.// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2021, 14(10), 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836

531.Kaplan, R. L. Politics and the American Press: The Rise of Objectivity 1865–1920/ Kaplan, R. L.- Cambridge, U.K.:Cambridge Univ. Press, 2002.

532.Kim, H. Where Is Your Pain? A Cross-cultural Comparison of the Concept of Pain in Americans and South Koreans/ Kim, H., Poth, N., Reuter, K., & Sytsma, J. // Software - Practice and Experience, 2017, 9, 136-169.
<https://doi.org/10.12697/spe.2016.9.1.06>

533.Klar, S. Affective Polarization or Partisan Disdain? Untangling a Dislike for the Opposing Party from a Dislike of Partisanship/ Klar, S., Krupnikov, Ya., Ryan, J. B. // Public Opinion Quarterly, Volume 82, Issue 2, Summer 2018, Pages 379–390, <https://doi.org/10.1093/poq/nfy014>

534.Kolmogorova, A. V. Lövheim Cube-Backed Emotion Analysis: from classification to regression/ Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A.// Communications in Computer and Information Science. 2022. T. 1503. – C. 97-107.

535.Lövheim, H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters / Lövheim H. // Medical hypotheses. 2012.Февр. Т. 78, № 2 — C. 341—348.

536.Lin, Y. Cognitive distortions in the reflection of civic identity in China: on the material of Russian-language media of East and Western/ Lin, Y., Karabulatova, I.S., Shirobokov, A.N., Bakhus, A.O., & Lobanova, E.N. // Amazonia Investiga, 2021, 10(44), 115-125. <https://doi.org/10.34069/AI/2021.44.08.11>

537.Macagno, Fabrizio. Emotive language in argumentation/ Macagno, Fabrizio, and Douglas Walton. – Cambridge University Press, 2014. DOI: 10.1017/CBO9781139565776

538. Meibauer, Jörg. Bald-faced lies as acts of verbal aggression/ Meibauer, Jörg // *Journal of Language Aggression and Conflict*, Volume 2, Issue 1, Jan 2014, p. 127 - 150, DOI: <https://doi.org/10.1075/jlac.2.1.05mei>

539. Mikolov, T. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space/ Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G., Dean, J. // In Proceedings of Workshop at International Conference on Learning Representations (ICLP) – 2013, <http://arxiv.org/abs/1301.3781>

540. Qin, · M. Emotive Tonality of the «Youth–Old Age» Dichotomy in Russian and Chinese Media Discourses: The Stage of Psychosemantic Expertise Journal/ Qin, · M., Xiao, D., · Yuan, · L., Karabulatova, I. // *Journal of Psycholinguistic Research*, 2022, DOI:10.1007/s10936-022-09899-z

541. Olyanich A.V. Digital economy within the paradigm of cognitive-semiotic knowledge/ Olyanich A.V., Akhedzhakova M.P., Akhidzhak B.N., Baranova A.Y., Novikov A.N. // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Institute of Scientific Communications Conference. Cham, 2021. C. 1362-1370.

542. Owen, M. Apologies and remedial interchanges: a study of language use in social interaction/ Owen, M. - Berlin, New York and Amsterdam: Mouton, 1983. 192 p.

543. Ruan, Yu. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917)/ Ruan Yu., Karabulatova I.S. // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1501-1510. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501 /http://ejournal52.com/journals_n/1630573364.pdf

544. Sabatovych, I. Do social media create revolutions? Using Twitter sentiment analysis for predicting the maidan revolution in Ukraine/ Sabatovych, I. // *Global Media Commun.*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 275-283.

545. Savchuk, I. P. Structural and orientation metaphors in the simulation of social conflict discourse / I. P. Savchuk, B. Ospanova, E. Potmenskaya, M. Assylbekova, L. Gishkaeva // *Man-Power-Law-Governance: Interdisciplinary*

Approaches. To the 100th anniversary of the State University of Management, 2019.
– Pp. 86–90.

546.Selting, M. The construction of units in conversational talk/ Selting, M. // *Language in Society*, 2000, 29(4), p. 477-517.

547.Sen, A. Music in the digital age: Musicians and fans around the world «come together» on the net/ Sen, A// *Global Media Journal*, 2010, 9(16).

548.Serravalle, F. Photographs of the fist: On the ambiguity of the fist/ Serravalle, F// *The Photographic Museum of Humanity*, 2017. ФОТОГРАФИИ КУЛАКА: О МНОГОЗНАЧНОСТИ КУЛАКА - PhMuseum (turbopages.org)

549.Shaklein, V. M. Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior/ Shaklein V M., Kovtunenko I.V.// *Russian Language Studies*. 2021. Vol. 19. No. 2. pp. 167-179.

550.St Lawrence, J. S. The effects of sexually violent rock music on males' acceptance of violence against women/ St Lawrence, J. S., & Joyner, D. J.// *Psychology of Women Quarterly*, 1991, 15, 49–63.

551.Stephens, D. Hip hop honey or video ho: African American preadolescents' understanding of female sexual scripts in hip hop culture/ Stephens, D., & Few, A.// *Sex Cult*, 2007, 11(4), 48-69. doi:0.1007/s12119-007-9012-8

552.Underwood, T.W. The people watching at home/ Underwood, T.W. and Angouri, Jo. // *Journal of Language Aggression and Conflict*, 2021, Volume 9, Issue 2, August 2021, pp.: 297–323 (27), <https://doi.org/10.1075/jlac.00068.und>

553.Vermeulen, T., van . Notes on metamodernism/ Vermeulen, T., van den Akker R. // *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, Vol. 2, DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677

554.Yus, Francisco. Multimodality in memes: A cyberpragmatic approach/ Yus, Francisco// Patricia Bou Franch Pilar Garcés-Conejos Blitvich (eds.). *Analyzing digital discourse: New Insights and Future Directions*, 2019, Pp. 105–131.

555. Watson D. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales / Watson D., Clark L.A., Tellegen A. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. 54. 6.1063-1070

556. Williams, M. Words, images, enemies: Securitisation and international politics/ Williams, M. // *International Security Quarterly*, 2003, 47(4): 511–32.

557. Wright, C. L. The relationship between sexual content in music and dating and sexual behaviors of emerging adults/ Wright, C. L., & Qureshi, E. // *Howard Journal of Communications*, 2015, 26, 227-253. doi: 10.1080/10646175.2015.1014982

558. Zamaletdinov, R.R. Linguo-Propaedeutics of ethnic conflicts as a basis for stability in complex polyethnic regions/ Zamaletdinov, R.R., Karabulatova, I.S., Yarmakeev, I.E., Ermakova, E.N. // *Asian Social Science*, 2014. Vol.10, No.20, 164-173. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40805/22526>

559. Zappettini, Franco. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda/ Zappettini, Franco, Douglas M. Ponton & Tatiana V. Larina. // *Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25 (3). 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>

560. Zheltukhina, M.R. Institutional, Stereotypical and Mythological Media Markers of Modern Society/ Zheltukhina, M.R. // *Biosciences Biotechnology Research Asia*. April 2015. Vol. 12 (1). P. 913-920.

Приложения

Приложение А

Массмедийные конфликтогенные публикации

1. Ай да Путин, ай да молодец! Ай да Путин, ай да... молодец! Как разыграна спецоперация «Агрессия России-2022», канал Яндекс-Дзен «Исторические наперстки», 13.02.2022 [Электронный ресурс]: Исторические наперстки | Яндекс Дзен (yandex.ru)
2. Алипова, Е. Ходить в Интернет – решение роковое: главное про токсичный контент с выступления Игоря Ашманова// RB.ru, 22.02.2022 [Электронный ресурс]: «Ходить в интернет — решение роковое»: главное про токсичный контент с выступления Ашманова | Rusbase (rb.ru)
3. Публикация расследования Ивана Голунова по Шиесу, «Стоп Шиес», 01.11.2018 [Электронный ресурс]: Публикация расследования Ивана Голунова по Шиесу — STOP ШИЕС! (stopshies.ru)
4. <https://og.ru/business/2016/08/10/82811>
5. Какие документы подделала ИКЕА? 10.08.2016 [Электронный ресурс]: <https://flb.ru/info/61655.html>
6. 10-й ААС сохранил за ИКЕА право собственности на земли в Подмосковье// Право.ру, 08.02.2018 [Электронный ресурс]: <https://pravo.ru/news/200436/>
7. В центральном офисе ИКЕА в Химках проходят обыски [Электронный ресурс]: Новости ИТАР_ТАСС, 09.08.2016, <https://tass.ru/proisshestviya/3521461>
8. Двойные стандарты ведения бизнеса ИКЕА в России>//Infox.ru, 11.12.2021 [Электронный ресурс]: Двойные стандарты ведения бизнеса ИКЕА в России (infox.ru)
9. Шведы демонстрируют в России новый формат давления на суд// Российское агентство правовой и судебной информации, 12.09.2016 [Электронный ресурс]:

http://www.rapsinews.ru/judicial_analyst/20160912/276809580.html

10. <https://www.kommersant.ru/doc/2961105>

11. <https://pravo.ru/news/200436/>

12. **Russiagate.site, Москва, 15 декабря 2021. ОТЕЛЬЕР КЛЯЧИН "ПОД КРЫЛОМ" "САМОЛЕТА":** Скандальный миллиардер "осваивается" в Подмоскovie при поддержке губернатора Воробьева?

13. **Эко-протест Шиес.** Хронология – Википедия

14. https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_Шиесе

15. <https://stopshies.ru/history/>

16. <https://rtvi.com/stories/gorod-kotorogo-net-shies/>

17. <https://medialeaks.ru/news/0906mmg-shies-win/>

18. <https://lenta.ru/articles/2019/06/17/shies/>

19. https://www.news29.ru/novosti/obschestvo/Ekotehnopark_Shies_lishe_n_statusa_prioritetnogo_investproekta_Arhangelskoj_oblasti/87484

20. <https://ecologynow.ru/media/musornyy-poligon-shies-khronika-protestov>

21. 7purusha. Смотри, свидомая гнида!, ЖЖ, 22.12.2016 [Электронный ресурс]: СМОТРИ, СВИДОМАЯ ГНИДА! - "The fascists of the future will call themselves anti-fascists" — ЖЖ (livejournal.com)

22. Костина Д. «Город в шоке с происходящего»: жители Белгорода живут в страхе перед новыми бомбежками. Карта пострадавших от ракетных ударов – 16 населенных пунктов РФ обстреляли ВСУ// Курьер-среда, 05.07.2022 [Электронный ресурс]: <https://kurer-sreda.ru/2022/07/05/gorod-v-shoke-s-proiskhodiashchego-zhiteli-belgoroda-zhivut-v-strakhe-pered-novymi-bombezhkami-karta-postradavshikh-ot-raketnykh-udarov-16-naselennykh-punktov-rf-obstreliali-vsu?ysclid=15cuz6lc1f435650677>

23. Лисовой А. Многомиллионная помощь олигархам, или как народ отдает последнее на эту помощь// Руссы. Творцы. Создатели. Яндекс-Дзен, 29.06.2022 [Электронный ресурс]: МНОГОМИЛЛИОННАЯ ПОМОЩЬ

ОЛИГАРХАМ, И КАК НАРОД ОТДАЁТ ПОСЛЕДНЕЕ НА ЭТУ ПОМОЩЬ. | Анатолий Лисовой. Руссы Творцы Созидатели. | Яндекс Дзен (yandex.ru)

24. Новая геополитическая реальность, канал Яндекс.Дзен «Общественный центр информации», 23.02.2022 [Электронный ресурс]: Новая геополитическая реальность | Общественный центр информации | Яндекс Дзен (yandex.ru)

25. «Никогда мы не будем братьями» А. Дмитрук [Электронный ресурс]: <https://www.politforums.net/ukraine/1617453392.html>

26. Перпендикулярный Путин... Что ожидать от него после Донбасса? Яндекс.Дзен «Исторические наперстки», 23.02.2022 [Электронный ресурс]: Перпендикулярный Путин... Что ожидать от него после Донбасса? | Исторические напёрстки | Яндекс Дзен (yandex.ru)

27. Операция «Горби»: как главный патриот СССР Громыко привёл к власти главного предателя... Яндекс.Дзен «Исторические наперстки», 21.02.2022 [Электронный ресурс]: Операция «Горби»: как главный патриот СССР Громыко привёл к власти главного предателя... | Исторические напёрстки | Яндекс Дзен (yandex.ru)

28. Величайшая предвыборная речь Адольфа Гитлера. 1932 год// Вторая мировая война, «ВКонтакте» 08.07.2022 [Электронный ресурс]: Величайшая предвыборная речь Адольфа Гитлера... | Вторая мировая война | ВКонтакте (vk.com)

29. Плакаты про Крым и Путина активистам не разрешили пронести на марш памяти Немцова в Москве», 25.02.2018 [Электронный ресурс]: https://24tv.ua/ru/plakaty_pro_krym_i_putina_aktivistam_ne_razreshili_pronesti_na_marsh_pamjati_nemcova_v_moskve_n931224

30. Камила, мы с тобой, Новости 24, 20 февраля 2022 [Электронный ресурс]: Флешмоб в поддержку Камилы Валиевой - YouTube

31. Плохо слышишь меня? [Электронный ресурс]: <https://web.archive.org/web/20200727040208/https://www.youtube.com/watch?v=325JgOqPBR0>
32. Искусство вне политики? И здесь вас обманули. В граде_на_холме все одна сплошная политика [Электронный ресурс]: <https://aftershock.news/?q=node/1068493>
33. В России на акциях протеста против войны в Украине задержали более 1500 человек | Общая Газета (og.ru), 24.02.2022
34. Ефим Неизвестный. Институт русского языка им. В. В. Виноградова выпустил словарь синонимов слова «Навальный»// Панорама, 26.10.2020 [Электронный ресурс]: Институт русского языка им. В. В. Виноградова выпустил словарь синонимов слова «Навальный» (panorama.pub)
35. Русским эмигрантам пора возвращаться в родную гавань? [Электронный ресурс]: parhonf • Русским эмигрантам пора возвращаться в родную гавань? (aftershock.news) , 28.02.2022
36. Глава МИД Венгрии Сийярто: летальное оружие на Украину не будет идти через Венгрию [Электронный ресурс]: Lehan • Глава МИД Венгрии Сийярто: летальное оружие на Украину не будет идти через Венгрию (aftershock.news), 28.02.2022
37. Соловьев – губернатору Куйвашеву: «По понятиям пытаешься мне предъявить? Стрелку забиваешь?», Бизнес-онлайн, 28.04.2022 [Электронный ресурс]: Соловьев – губернатору Куйвашеву: «По понятиям пытаешься мне предъявить? Стрелку забиваешь?» (business-gazeta.ru)
38. «Я остаюсь здесь в надежде, что мы вернемся в состав Украины» [Электронный ресурс]: https://www.znak.com/2022-02-22/zhitelnica_donecka_o_tom_pochemu_ona_ne_rada_resheniyu_putina_o_priznanii_dnr_i_lnr?yrwinfo=1646053996398789-16890143536245130892-man1-5786-849-man-17-balancer-8080-BAL-5863, 22.02.2022.

39. Третий день без перемен: Операция на Украине в свете сообщений Министерства обороны России [Электронный ресурс]: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/26/tretii-den-bez-peremen>, 26.2.2022

40. Шойгу доложил Путину, что стратегические силы начали усиленное дежурство — РБК [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2022/621cb3ce9a794769401d5ac8>, 28.02.2022

41. Российских студентов начали исключать из вузов Европы: Общество: Россия: Lenta.ru [Электронный ресурс]: <https://m.lenta.ru/news/2022/02/28/studentss/>

42. Как украинские нацисты стали «за Путина» или вечные ценности русофобии [Электронный ресурс]: Как украинские нацисты стали «за Путина» или вечные ценности русофобии | Журналистская Правда (jpgazeta.ru)

43. С голым торсом на паровоз: Экономист Сергей Алексащенко отвечает на вопросы среднестатистического государственника после ареста активов ЦБ РФ за рубежом [Электронный ресурс]: С голым торсом на паровоз Экономист Сергей Алексащенко отвечает на вопросы среднестатистического государственника после ареста активов ЦБ РФ за рубежом (novayagazeta.ru)

44. Несанкционированные митинги в Нур-Султане и Алматы [Электронный ресурс]: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nesanktsionirovannyye-mitingi-nur-sultane-almaty-55-386636/?fbclid=IwAR3cxyHtlaLWp-8JA85ixjkIOWQwitsrKB-jXE4Osm4dFeV3BKr4iuxs1gQ

45. Стая «черных лебедей»: Пакеты санкций, которые вводят США, ЕС, Япония, и которые пока никак не компенсирует Китай, стали для России настоящими «черными лебедями» [Электронный ресурс]: Стая «черных лебедей» (novayagazeta.ru), 27.02.2022

46. 俄乌战争：世界媒体统一口径，全球主义大团结，到底谁被洗脑了？

2022-03-01 05:07 [É wū zhànzhēng: Shìjiè méitǐ tǒngyī kǒujìng, quánqiú zhǔyì dà tuánjié, dàodǐ shéi bèi xǐnǎole? Róng xìng xiàwǔ chá 2022-03-01 05:07] // Война между Россией и Украиной: мировые СМИ объединяют свои голоса и объединяются в глобализме. Кому промыли мозги? 2022-03-01 05:07 [Электронный ресурс]: 俄乌战争：世界媒体统一口径，全球主义大团结，到底谁被洗脑了？ (qq.com)

47. Провалы в информационной войне недопустимы!// Фонд стратегической культуры, электронное издание, 27.02.2022 [Электронный ресурс]: https://www.fondsk.ru/news/2022/02/27/provaly-v-informacionnoj-vojne-nedopustimy-55661.html?from=feed&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

48. И уши агрессора показали на Украине...// Фонд стратегической культуры, электронное издание, 28.02.2022 [Электронный ресурс]: И уши агрессора показали на Украине... — Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

49. Запад склоняет киевский режим воевать до последнего украинца...// Фонд стратегической культуры, электронное издание, 02.03.2022 [Электронный ресурс]: Запад склоняет киевский режим воевать до последнего украинца — Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

50. «Центр мерзотной либероты»: наезды Соловьева на Екатеринбург и ответы уральцев — в одном видео, Новости Новосибирска, 28.04.2022 [Электронный ресурс]: Владимир Соловьев назвал Екатеринбург центром мерзотной либероты в прямом эфире Соловьев Live; Губернатор Куйвашев записал обращение к Соловьеву — смотреть видео. 28 апреля 2022 г. | НГС - новости Новосибирска (ngs.ru)

51. Почему режим наркоманов и неонацистов должен быть ликвидирован...// Фонд стратегической культуры, электронное издание, 28.02.2022 [Электронный ресурс]: Почему режим наркоманов и неонацистов должен быть ликвидирован — Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

52. Украина подписывает конкордат с Ватиканом ...// Фонд стратегической культуры, электронное издание, 01.03.2022 [Электронный ресурс]: Украина подписывает конкордат с Ватиканом — Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

53. «Мы — сопутствующий ущерб»: Как на «Эхе Москвы» пережили первое со времен путча ГКЧП отключение от эфира. Репортаж из редакции// Новая газета, 02.03.2022 [Электронный ресурс]: «Мы — сопутствующий ущерб» Как на «Эхе Москвы» пережили первое со времен путча ГКЧП отключение от эфира. Репортаж из редакции (novayagazeta.ru)

54. Ты думаешь, что победил меня, не знающий слова «счастье» русский националист? От ветерана Афганской — вдохновителям нынешней// Новая газета, 02.03.2022 [Электронный ресурс]: Ты думаешь, что победил меня, не знающий слова «счастье» русский националист? От ветерана Афганской — вдохновителям нынешней (novayagazeta.ru)

55. Прощание с мечтой: Убили «Мрию». Кажется, о самолетах ли плакать, когда громят города, рушат дома, калечат людей. И все-таки... //Новая газета, 02.03.2022 [Электронный ресурс]: Прощание с мечтой Убили «Мрию». Кажется, о самолетах ли плакать, когда громят города, рушат дома, калечат людей. И все-таки... (novayagazeta.ru)

56. Кого считать нацистом и что такое денацификация? За слова тоже придется отвечать. Мнение юриста//Новая газета, 02.03.2022 [Электронный ресурс]: Кого считать нацистом и что такое денацификация? За слова тоже придется отвечать. Мнение юриста (novayagazeta.ru)

57. Последний довод. Антрополог Роман Шамолин: «Мы наблюдаем окончательное установление специфического формата культуры — культуры упадка и завершения» //Новая газета, 02.03.2022 [Электронный ресурс]: Последний довод Антрополог Роман Шамолин: «Мы наблюдаем окончательное установление специфического формата культуры — культуры упадка и завершения» (novayagazeta.ru)

58. «Он спас 233 жизни»: пассажиры о пилоте Дамире Юсупове, который их спас, посадив самолет на кукурузу, Комсомольская правда. Урал, 15.08.2020, <https://www.ural.kp.ru/daily/217169.5/4270507/>

59. Пляска на костях. Новое слово в борьбе с терроризмом: силовики начали задерживать мигрантов за мелкое хулиганство, а потом обвинять их в особо тяжких преступлениях//Новая газета, 21.10.2021 [Электронный ресурс]: Пляска на костях Новое слово в борьбе с терроризмом: силовики начали задерживать мигрантов за мелкое хулиганство, а потом обвинять их в особо тяжких преступлениях (novayagazeta.ru)

60. Украина подписывает конкордат с Ватиканом// Фонд стратегической культуры, 15.02.2022 [Электронный ресурс]: Украина подписывает конкордат с Ватиканом — Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

61. Шведская сказка закончилась: суд арестовал землю под ИКЕА» Вести.ру, 09.08.2016, <https://www.vesti.ru/article/1664123>

62. Киселев, Д. Смена пола как обыденность: скандал вокруг первой леди Франции. Вести.ру, 26.12.2021, Смена пола как обыденность: скандал вокруг первой леди Франции (vesti.ru)

63. Кошечкина, В. Жена Макрона ответила на слухи о смене пола. Лента.ру, 14.01.2022, Жена Макрона ответила на слухи о смене пола: Общество: Мир: Lenta.ru

64. Птичий геноцид. Как природа отомстила китайцам за воробьев, АиФ, 12.02.2018 [Электронный ресурс]: https://aif.ru/society/history/ptichiy_genocid_kak_priroda_otomstila_kitaycam_za_vorobev?ysclid=1623iqyjnt192172266

65. Игнатов, Г. Трансгендер ли Брижит Макрон? Журналистская правда, 23.12.2021, Трансгендер ли Брижит Макрон? | Журналистская Правда (jrgazeta.ru)

66. Правда что Новодворская транссексуал???, 2011 Ответы Mail.ru: Правда ли что Новодворская Транссексуал ???

67. Полиция в Москве разогнала за украинскую акцию, Все новости, 22.02.2022: https://vsenovosty.mediasalt.ru/policiya_v_moskve_razognala_zaukrainskuyu_aksiyu
68. Миссуми, Т. Пластический хирург Абозин определил, может ли жена Макрона быть трансгендером, Life, 20.12.2021, Пластический хирург Абозин определил, может ли жена Макрона быть трансгендером (life.ru)
69. Панкина, М. Брижит Макрон подаст жалобу на распространителей слухов о том, что она трансгендерная женщина, Spletnik, 21.12.2021, <https://www.spletnik.ru/buzz/chronicle/104483-brizhit-makron-podast-zhalobu-na-rsprostraniteley-slukhov-что-она-transgendernaya-zhenshcina.html?ysclid=172bzjls681327082>
70. Первая «не леди»? Кто и зачем подогревает скандал с трансгендерностью Брижит Макрон, Мир.24, 26.12.2021 <https://mir24.tv/index.php/articles/16489213/pervaya-ne-ledi-kto-i-zachem-podogrevaet-skandal-s-transgendernostyu-brizhit-makron?ysclid=172cohb4yn738422173>
71. Сашина, М. Психологи объяснили причину агрессии в семейных спорах о политике, Газета.ру, 01.03.2022, Психологи объяснили причину агрессии в семейных спорах о политике - Газета.Ru (gazeta.ru)
72. Артемьев, А. Югорский сенатор Эдуард Исаков назвал свою дочь от первого брака Диану Исакову предателем за осуждение российской спецоперации на Украине. Ура.ру, 19.08.2022, Сенатор из ХМАО назвал дочь предателем из-за критики спецоперации (ura.news)
73. Завьялов, Д. В ХМАО разразился скандал из-за грантов для помощи Донбассу. Ура.ру, 19.08.2022. В ХМАО разразился скандал из-за грантов для помощи Донбассу (ura.news)

74. Завьялов, А. Дочь сенатора из ХМАО, осудившая СВО, подалась в оппозицию. Ура.ру, 20.08.2022, Дочь сенатора из ХМАО, осудившая СВО, подалась в оппозицию (ura.news)

75. Бестужева, О., Завьялов, А. Депутат Госдумы осудил сенатора ХМАО за отречение от дочери. Ура. Ру, 19.08.2022, Депутат Госдумы осудил сенатора из ХМАО за отречение от дочери (ura.news).

76. Завьялов, Д. Политэлита ХМАО встала на поддержку сенатора в скандале с дочерью. Ура. Ру, 19.08.2022. Политэлита ХМАО встала на поддержку сенатора в скандале с дочерью (ura.news)

77. Завьялов, Д., Артемьев, А. Политолог предрек отставку сенатора Исакова из-за скандала. Ура.ру, 20.08.2022, Политолог предрек отставку сенатора Исакова из-за скандала (ura.news)

78. М. Подкин, Завьялов, Д. Экс-глава СПЧ пристыдил сенатора из ХМАО за скандал с дочерью. Ура.ру, 20.08.2022, Экс-глава СПЧ пристыдил сенатора из ХМАО за скандал с дочерью (ura.news)

79. Завьялов, Д. Милонов: скандал с дочерью сенатора ХМАО — повод для чистки элит, Ура.ру, 20.08.2022, Милонов: скандал с дочерью сенатора ХМАО — повод для чистки элит (ura.news)

80. «Он мне сказал, что я враг народа»: Дочь члена Совета Федерации выступила против военной операции и покинула Россию, Капитал страны, 19.08.2022, «Он мне сказал, что я враг народа»: Дочь члена Совета Федерации выступила против военной операции и покинула Россию | Капитал страны (kapital-rus.ru)

81. Завьялов, Д., Подкин, М. Власти ХМАО отстранились от скандала с дочерью сенатора Исакова, Ура.ру, 20.08.2022, Власти ХМАО отстранились от скандала с дочерью сенатора Исакова (ura.news)

82. Завьялов, Д. Дочь сенатора из ХМАО после скандала с отцом улетела в Грузию, Ура.ру, 20.08.2022, Дочь сенатора из ХМАО после скандала с отцом улетела в Грузию (ura.news)

83. Бестужева, О., Завьялов, Д. Экс-жена сенатора Исакова заступилась за дочь, осудившую СВО, Ура.ру, 20.08.2022, Экс-жена сенатора Исакова заступилась за дочь, осудившую СВО (ura.news)

84. Завьялов, Д. Подкин, М. Экс-жена сенатора Исакова осудила его за отречение от дочери, Ура.ру, 20.08.2022, Экс-жена сенатора Исакова осудила его за отречение от дочери (ura.news)

85. Бестужева, О., Завьялов, Д. Сенатор Исаков заявил, что не отрекался от дочери, осудившей СВО, Ура. Ру, 21.08.2022, Сенатор Исаков заявил, что не отрекался от дочери, осудившей СВО (ura.news)

86. Мишустин считает, что данные - новые нефть, платина и золото XXI века, ТАСС, 22.05.2021, Мишустин считает, что данные - новые нефть, платина и золото XXI века - ТАСС (tass.ru)

87. Сенатор Исаков отрекся от дочери из-за позиции по военной операции, РБК, 19.08.2022:
<https://www.rbc.ru/politics/19/08/2022/62ffbdb19a7947494d7d1c85?ysclid=17a8016ubp639382934>

88. Сенатор Исаков опроверг отречение от осудившей СВО дочери, Лента.ру, 22.08.2022, Сенатор Исаков опроверг отречение от осудившей СВО дочери: Политика: Россия: Lenta.ru

89. «Она разрывает мое сердце»: сенатор Исаков рассказал об отношениях с дочерью. Полный текст заявления, 86.ру, 22.08.2022, Сенатор Исаков рассказал об отношениях с дочерью, полный текст заявления, 22.08.2022 г. | 86.ru - новости ХМАО — Югры

90. Сенатор Исаков отрекся (а потом сказал что не совсем) от дочери из-за позиции по военной операции, AfterShok, 25.08.2022, DjSens • Сенатор Исаков отрекся (а потом сказал что не совсем) от дочери из-за позиции по военной операции (aftershock.news)

91. Матвиенко пыталась помочь сенатору Исакову в скандале с дочерью, Ура.ру, 25.08.2022, Матвиенко пыталась помочь сенатору Исакову в скандале с дочерью (ura.news)

92. Политолог о семейном скандале сенатора Исакова: «Мыльные оперы в политике случаются», Ханты-Мансийский автономный округ, 25.08.2022, Политолог о семейном скандале сенатора Исакова: «Мыльные оперы в политике случаются» | Ханты-Мансийский автономный округ | ФедералПресс (fedpress.ru)

93. Степанов, А. Эксперты спорят о справедливости присвоения присвоения звания Героя пилотам, посадившим А-321 под Раменским. Царьград, 19.11.2019, Эксперты спорят о справедливости присвоения звания Героя пилотам, посадившим А-321 под Раменским (tsargrad.tv)

94. Что скрывает следствие по делу о героической посадке в кукурузу, за которую наградили пилотов, Бортпроводник, Дзен-канал, 20.01.2020, Что скрывает следствие по делу о героической посадке в кукурузу, за которую наградили пилотов | Бортпроводник | Дзен (yandex.ru)

95. Симонова, О., Семенова, Е. Креативный маркетинг: Саратовец торгует кукурузой «с самолетного поля» по 500 рублей за кг, Комсомольская правда- Саратов, 21.08.2021, <https://www.saratov.kp.ru/daily/27019.4/4081542/>

96. Бакланов, Ю. Путин повторно пошутил о бабушке с половыми признаками дедушки// Сноб, 19.10.2014. [Электронный ресурс]: Путин повторно пошутил о бабушке с половыми признаки дедушки – Александр Бакланов – Новости – Материалы сайта – Сноб (snob.ru)

97. «Петух должен ответить»: уральский журналист захотел «дать леща» Соловьеву, Рамблер, 22.05.2019, https://news.rambler.ru/community/42210321/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

98. Кошеленко, А. "Петух должен ответить": журналист из Екатеринбурга захотел "дать леща" Соловьеву. "Не переживайте - руку помою", Московский комсомолец, 20.05.2019, "Петух должен ответить": журналист из Екатеринбурга захотел "дать леща" Соловьеву - МК (mk.ru)

99. Захарова ответила главе МИД Латвии на слова о борще: вы же не по красавицам, а я не ваша, Известия.ру, 02.07.2022, Захарова ответила главе МИД Латвии на слова о борще: вы же не по красавицам, а я не ваша | Новости мира | Известия | 02.07.2022 (iz.ru)

100. Муравьева, А. Почему китайские зуммеры и миллениалы хотят работать на государство, а не на Джека Ма, Forbes, 27.08.2022, <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/475309-pocemu-kitajskie-zumery-i-millennialy-hotat-rabotat-na-gosudarstvo-a-ne-na-dzeka-ma>

101. Редакция спецпроектов. Разбор по-крупному: предпосылки корпоративных конфликтов и судебная практика по ним, Forbes, без даты, <https://www.forbes.ru/brandvoice/475067-razbor-po-kрупному-predposylki-korporativnyh-konfliktov-i-sudebnaa-praktika-po-nim>

102. Brigitte Macron to sue over false claims she was born male, BBC, 22 December 2021, www.bbc.com

103. Brigitte Macron 'received anonymous phone call saying her husband was with a gay lover', French documentary claims, BST, 11 January 2022, Brigitte Macron 'received phone call saying her husband was with a gay lover', documentary claims | Daily Mail Online

104. How Emmanuel Macron wooed his former high school teacher, NY Post, 20 January 2018,

https://nypost.com/2018/01/20/how-emmanuel-macron-wooed-his-former-high-school-teacher/?utm_source=url_sitebuttons&utm_medium=site%20buttons&utm_campaign=site%20buttons

105. The illegal Russian wood hidden inside Ikea children's furniture, Earthsight, 15.07.2021, The illegal Russian wood hidden inside Ikea children's furniture | Earthsight

106. Losing the good fight: IKEA's struggle to remain honest in Russia, Russia beyond, 29 August 2016, Losing the good fight: IKEA's struggle to remain honest in Russia - Russia Beyond (rbth.com)

107. Сошенко, А. Да здравствует великий азиопский народ! Да здравствует Азиопа!, Русская православная линия. Информационно-аналитическая служба, 03.11.2016, https://ruskline.ru/special_opinion/2016/noyabr/da_zdravstvuet_velikij_aziopskij_narod_da_zdravstvuet_azioпа/
108. Поляков, Ю. Антипатриоты: враги или предатели?, Изборский клуб, 03.08.2015, Антипатриоты: враги или предатели? | Изборский клуб (izborsk-club.ru)
109. Россия уже не может сражаться с одной рукой за спиной: формат СВО хтят изменить, Царьград, 17.09.2022, https://tsargrad.tv/news/rossija-uzhe-ne-mozhet-srazhatsja-s-odnoj-rukoj-za-spinoj-format-svo-hotjat-izmenit_626782?ysclid=185y4hc2no88184402
110. Женщина не может быть уравновешена эмоционально, если она не понимает, кто она для мужчины, ВК, Простые мамыны хитрости, 13.01.2022, [HTTPS://VK.COM/WALL-178047231_457882?YSCLID=L85Y6H4FET647818933](https://vk.com/wall-178047231_457882?ysclid=L85Y6H4FET647818933)
111. ИКЕА не вернется и почему ее нельзя быстро заменить», КП, 15.06.2022, <https://www.kp.ru/daily/27406/4602929/>
112. (...) с развитием экономики в России нам уже не хватает, а скоро это будет очень заметно, не будет хватать рабочих рук, Путин заявил о наличии у России заинтересованности в мигрантах, РИА НОВОСТИ, 03.07.2020, <https://ria.ru/20200703/1573860167.html?ysclid=18621bk0xn368640925>
113. Рождественская, Я. Илон Маск заявил, что нужно больше нефти и газа, пока мир не перешел на возобновляемую энергетику, Коммерсантъ, 29.08.2022, <https://www.kommersant.ru/doc/5535808?ysclid=1862cmwsgc540297525>
114. «“Нам не нужны иностранцы!”» Ловчев призвал российский спорт отказаться от легионеров, Spartak Moscow Club, 16.09.2022,

<https://bobsoccer.ru/user/37857/blog/nam-ne-nuzhny-inostrancy-lovchev-prizval-rossijskij-sport-otkazatsja-ot-legionerov.html?ysclid=1862j051rp32087094>

115. Такие «джунуны» нам не нужны!, Хабр, 16.09.2022, <https://habr.com/ru/company/mvideo/blog/688590/?ysclid=1862pdn3ao170043416>

116. Дмитрий Певцов: «Люди не должны умирать от нехватки врачей», АиФ, 21.04.2021, https://aif.ru/moscow/dmitriy_pecov_lyudi_ne_dolzhy_umirat_ot_nehvatki_vrachey?ysclid=186tn4mx54446992581

117. Ву, А. 20+ лучших цитат Уинстона Черчилля, которые научат Вас никогда не сдаваться, Современность, 18.03.2019, <https://tviigetz.ru/20-%D0%BB%D1%83%D1%87%D1%88%D0%B8%D1%85-%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82-%D1%83%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B0-%D1%87%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8F-%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE/?ysclid=186tytbmxs515527567>

118. «Вы **обязаны** отдать мне одного внука! Второго оставьте себе!», Babyblog, 2014, <https://www.babyblog.ru/community/family/post/1745923?ysclid=1874wqrgmi988676137>

119. Это оскорбление, когда говорят, что **не обязаны** помогать?, Большой вопрос, 16.09.2022, <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/4069618-eto-oskorblenie-kogda-govorjat-chto-ne-objazany-pomogat.html?ysclid=1875afu62w135000801>

120. Адвокат сообщил о задержании мужчины на Театральной площади из-за сине-желтых кроссовок, Москвич, 21.04.2022, <https://moskvichmag.ru/gorod/advokat-soobshhil-o-zaderzhanii-muzhchiny-na-teatralnoj-ploshhadi-iz-za-sine-zheltyh-krossovok/?ysclid=187f439k6f237387846>

121. На Красной площади задержали девушку с желто-голубым маникюром. На нее завели два дела, MSK1RU, 25.04.2022, <https://msk1.ru/text/politics/2022/04/25/71283677/?ysclid=187f97pb9z417089609>

122. В Петербурге выписаны штрафы за сине-жёлтую одежду и стояние на коленях, Рамблер, 06.04.2022, https://news.rambler.ru/crime/48435752/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

123. Полиция задержала петербуржца за пикет с белым листом ватмана, МР7РУ, 06.05.2022, <https://mr-7.ru/articles/243181/?ysclid=187fnrmfs1241269608>

124. У Красной площади задержали 33 человека с белыми ленточками, Newsland, 25.03.2012, <https://newsland.com/user/4296648051/content/u-krasnoi-ploshchadi-zaderzhali-33-cheloveka-s-belymi-lentochkami/4317877?ysclid=187fqdprwf990608712>

125. Полиция задержала семерых человек, гулявших по Красной площади с белыми ленточками, Вестник К, 08.03.2012, <https://vestnikk.com/society/incident/7108-policiya-zaderzhala-semeryh-chelovek-gulyavshih-po-krasnoy-ploshchadi-s-belymi-lentochkami.html?ysclid=187g402i7v165905590>

126. Князь Владимир, застенчивый агрессор, Аргументы недели, 12.01.2017, <https://argumenti.ru/culture/n572/518358?ysclid=187muf44u1573489775>

127. Пассивный агрессор: злобный мститель за маской грусти, Эконет, <https://econet.ru/articles/82616-passivnyy-agressor-zlobnyy-mstitel-za-maskoy-grusti?ysclid=187mwqgt7486769229>

128. Типовая методичка для травли запутинцев и прочих ватников. Памятка оппозиционеру, Твиттер, 04.03.2021, <https://bulochnikov.livejournal.com/4863317.html?ysclid=187n43veon653621213>

129. Жительница Валук рассказала подробности обстрела, Бел.ру, 16.09.2022, <https://bel.ru/news/2022-09-16/zhitelnitsa-valuek-rasskazala-podrobnosti-obstrelya-1482767?ysclid=187rmyfbsb212191528>

130. Преступление сталинизма: трагедия русского города Молога, ЖЖ, 10.05.2019,

<https://vitalidrobishev.livejournal.com/7219872.html?ysclid=l87rumfl5250309317>

1

131. Белая ленточка: недовольные выходят из сети на улицы, Южный федеральный, 09.12.2011, <https://u-f.ru/News/proisshestviya/643728?ysclid=l87susr7co673438341>

132. Якунин, И. Токсичный контент внесут в реестр// Коммерсантъ, 31.01.2022 [Электронный ресурс]: Токсичный контент внесут в реестр – Коммерсантъ FM – Коммерсантъ (kommersant.ru) (дата обращения 31.01.2022)

133. Виторган оправдался за свою фразу о том, что 9 мая «нам праздновать нечего». Комсомольская правда, 10.05.2019, <https://www.kp.ru/daily/26974/4033301/>

134. Мильченко, А. «Либералов начинает крутить»: Соловьев осадил Виторгана, Новая газета, 10.05. 2019, <https://www.gazeta.ru/social/2019/05/10/12348211.shtml?ysclid=l8d0zxv9er660347523>

135. Невежественное отношение к себе плохо заканчивается: как меньше переживать и быть счастливым», Клубер, 21.09.2022 <http://www.cluber.com.ua/lifestyle/samorazvitie-lifestyle/2022/09/nevezhestvennoe-otnoshenie-k-sebe-ploho-zakanchivaetsya-kak-menshe-perezhyvat-i-zhit-schastlivo/?dicbo=v2-355aa107fae1fe24e76716f54356675a>

136. 10 типов мужчин, которых стоит избегать, если Вы уважаете себя, <https://womanhappiness.ru/10-tipov-muzhchin-kotoryx-stoit-izbegat-esli-vy-uvazhaete-sebya/>

137. Какие болезни позволяют избежать мобилизации в России: разбор с юристами, Psychologies, октябрь 2022, <https://www.psychologies.ru/articles/kakie-bolezni-pozvolyayut-izbezhat-mobilizacii-v-rossii-razbor-s-yuristami/>

138. Украинки и секс-индустрия в Европе, Насправді.info, 27.07.2022, <https://naspravdi.info/novosti/ukrainki-i-seks-industriya-v-evrope>

139. г-н Путин, **руки прочь** от Украины!, *сеть «ВКонтакте»*, 14 февраля 2022, Г-н Путин, руки прочь от Украины! ua.. | Лин Цай | ВКонтакте (vk.com)

140. *США и ЕС, руки прочь от Украины!*, Русская весна, 29.04. 2014, Левые Америки и Европы: США, НАТО, ЕС, НАЦИСТЫ: РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАРОДА УКРАИНЫ! | Русская весна (rusvesna.su)

141. Летний отдых в Абхазии, Летний отдых в Абхазии - Страница 10 - Отдых и туризм - Форум.Астрахань.Ру (astrakhan.ru), 20.05.2011.

142. Пишу чисто чтоб совесть сгорела у этого идиота, это на сколько надо быть наглым и тупым?, социальная сеть «ВКонтакте», , 31.12.2021 Пишу чисто чтоб совесть сгорела у этого идиота,.. | Честная Самара | ВКонтакте (vk.com)

143. С днюхой, питерская моль, обнулёныш и чемоданоносец!, социальная сеть «ВКонтакте», 07.10.2020, С днюхой, питерская моль, обнулёныш и чемоданоносец!.. | Территория прозрения | ВКонтакте (vk.com)

144. Секрет прост - это не Россия, это эРэфия, канал Яндекс-Дзен, 11.11.2018 СЕКРЕТ ПРОСТ - это не РОССИЯ, это эРэфия | Flint Georg | Дзен (dzen.ru)

145. Форум РадиоКот. Новости планеты Земля, 14.05.2021 <https://www.radiokot.ru/forum/viewtopic.php?f=17&t=173823&start=980&view=print&ysclid=19vh37s48d221259007>

146. РФ: «рашка» или «эрэфия»? LiveJournal, 31.08.2009, <https://krylov.livejournal.com/1900617.html?ysclid=19vhbjdsbb600191191>

147. Ай да Путин! Россия отвесила знатную плюху Украине! Новости Донбасса, 13.02.2022, <https://prodonbass.ru/politic/26642?bamp-skip-redirect=1&ysclid=19vhhexgf6902627174>

148. Трасс, садись! Двойка! Ошибка министра может привести к войне», Царьград, 11.02.2022, https://tsargrad.tv/articles/trass-sadis-dvojka-oshibka-ministra-mozhet-privesti-k-vojne_493861/nsk?ysclid=19vhk6hiz3422696477

149. Путин объяснил свою фразу "терпи, моя красавица", РИА-Новости, 10.02.2022, <https://ria.ru/20220210/putin-1772139679.html?ysclid=19vhnsn8xq265697774>

150. Какая гадость – это ваше дистанционное обучение. Демотиваторы, <https://dev.meme-arsenal.com/create/meme/3363754>

151. Комментарии к статье «*Искусство вне политики? И здесь вас обманули. В граде_на_холме все одна сплошная политика*», Aftershok, 25.02.2022, <https://aftershock.news/?q=node/1068493&full&ysclid=19vik2cspx26173970>

152. Qui est Brigitte Trogneux, l'épouse d'Emmanuel Macron? <https://www.lexpress.fr/styles/> Publié le 25/06/2015 à 12:33

153. Willsher, Kim (8 August 2017). No 'first lady' title for Brigitte Macron after petition over her status. The Guardian. ISSN 0261-3077, No 'first lady' title for Brigitte Macron after petition over her status | Brigitte Macron | The Guardian

154. Harris, Nancy (5 September 2019). Unpaid, unelected, unknowable? The mystery of presidential first ladies. The Guardian. Unpaid, unelected, unknowable? The mystery of presidential first ladies | Theatre | The Guardian

155. Fulda, Anne (17 July 2018). "The Macron affair: How the French election winner's parents discovered he was dating his teacher". The Telegraph. ISSN 0307-1235. www.telegraph.co.uk

156. Романюк, Роман (14 января 2020). Андрій Єрмак: Зеленський повернувся з Оману настільки швидко, наскільки це було можливо[Андрей Ермак: Зеленский вернулся из Омана как можно скорее]. Українська правда (на украинском языке). www.pravda.com.ua

157. У РФ 12-річному школяру прийшла повістка з військкомату – соцмережі, Газета по-львівськи, 14.12.2022, У РФ 12-річному школяру прийшла повістка з військкомату – соцмережі – Газета по-львівськи (gazetao.lviv.ua)

158. Киришин, Д. У війні проти України російська армія деградувала до чмобіків та терористів: думка експерта, 13.12.2022. Знай.УА, У війні проти

України російська армія деградувала до чмобіків та терористів: думка експерта - ЗНАЙ ЮА (znaj.ua)

159. Study: climate change will fuel humanitarian crises in 2023, China Daily, 14.12.2022, Study: climate change will fuel humanitarian crises in 2023 | World | China Daily (chinadailyasia.com)

160. Габдуллина, Э. Москвич пришел к соседям с автоматом и стал угрожать расправой, если те продолжат шуметь, Газета.ru, 14.12.2022, https://www.gazeta.ru/social/news/2022/12/14/19267819.shtml?utm_source=smi2&utm_medium=exchange&utm_campaign=3364&utm_term=40023&es=smi2#teaserId=12767753&teaserType=mostPopularNews&columnType=mostPopularNews&screenKey=primaryColumnScreen

161. Миронова, А. Куда сбежать от пьяных папы с мамой? О возможном всплеске числа беспризорников при сворачивании детдомов, Газета.ru, 15.12.2022, Анастасия Миронова о возможном всплеске числа беспризорников при сворачивании детдомов - Газета.Ru | Колумнисты (gazeta.ru)

162. Серегина А. Собчак высмеяла Водонаеву за рассуждения о русских мужчинах, Газета.ru, 15.12.2022, Собчак высмеяла Водонаеву за рассуждения о русских мужчинах - Газета.Ru | Новости (gazeta.ru).

163. Ахмедова, М. Дело сестер Хачатурян и магия хайпа, Эксперт.ru, 06.10.2018, https://expert.ru/russian_reporter/2018/20/delo-sester-hachaturyan-i-magiya-hajpa/

164. Сидочик, А. «Любящий отец» насильник? Как открывается страшная история семьи Хачатурян, АиФ, 01.10.2019, https://aif.ru/society/people/lyubyashchiy_otec_nasilnik_kak_otkryvaetsya_strashnaya_istoriya_semi_hachaturyan

Словарь базовых конфликтогенов

(по материалам «Конфликты и конфликтогены. Общение в конфликтной ситуации (формула "Я-высказывания")», Конфликты и конфликтогены. Общение в конфликтной ситуации (формула "Я-высказывания") (b17.ru) – М. Н.)

Доминанта превосходства. Семантика: приказ, запугивание, угроза, директива, замечание или любая другая отрицательная оценка, оповещение, предупреждение, шантаж, критика, приказание, устрашение, обвинение, охаивание, насмешка, издевка, сарказм. Используются в имплицитном развитии конфликта, его эскалации и развитии в открытой форме противостояния. Содержат инициирующие конфликтогемы, конфликтогемы-усилители, конфликтогемы-пролонгаторы.

Приказ используется при демонстрации власти над другими: «Срочно зайдите ко мне в кабинет»; «Не спрашивайте, какова цель и причины, просто сделайте так, как я вам говорю». Характерен для поведения в открытом конфликте, а также в эскалации конфликтогенной ситуации. Односторонняя коммуникация способствует накоплению конфликтогенного потенциала с тенденцией к публичному разрешению конфликта. Характерно использование конфликтогем-инициаторов, конфликтогем-усилителей, конфликтогем-пролонгаторов.

Угрозы инициируют страх, конфликт, обиду: «Если вы не можете сделать задание вовремя, то поищите другое место работы»; «Делайте так, а иначе (а не то...) ...». Реализуются через использование конфликтогем-инициаторов, конфликтогем-усилителей, конфликтогем-пролонгаторов. Характерны для латентной фазы конфликта, эскалации конфликта и открытого конфликта. Конфликтогенные коммуникативные типы отличаются яркостью и выраженностью проявления эмотивности.

Критика используется для обесценивания оппонента: «Качество Вашей работы недостаточно»; «Что Вы постоянно жалуетесь? Вы сами не можете сделать...». Реализуются посредством конфликтогем-усилителей, конфликтогем-пролонгаторов, конфликтогем-нейтрализаторов, конфликтогем-гармонизаторов. Активно проявляется, начиная с фазы эскалации конфликта и заканчивая затуханием конфликта. Конфликтогенные коммуникативные типажи со стратегией критики имеют черты резонерства, правдоискательства, эмоциональной холодности и отсутствии эмпатичности, заикленности.

Оскорбления нацелена на разрушение самооценки у оппонента, формирование у него виктимного поведения. Примеры конфликтогенного поведения со стратегией «оскорбление»: «Что за рептилоид?», «Да это поступок идиота!»; «Нет, ты реально придурок»; «Это что за дурак с инициативой?»; «Чего еще можно ожидать от ватника?». На уровне открытого конфликта оскорбления используются для усиления провокативного вербально-невербального поведения потенциальных участников конфликта в медиасфере, в результате конфликтогенность медиадискурса выходит из «теневого стороны», которые приобретая системный и последовательный характер. Конфликтогемы этого уровня относятся к усилителям конфликтогенности медиадискурса и акцентуации конфликтогенных поведенческих черт у реципиента такого дискурса. Конфликтогенные коммуникативные типажи со стратегией оскорбления обладают яркостью проявлений, зачастую с истероидной акцентуацией, эпатажностью, ставя цель – задеть любой ценой своего оппонента. Имеет место четкая градация участников конфликтогенной ситуации с позиции «свой- чужой»

Фразы-«должники» формируют зависимые и созависимые отношения подчинения по отношению к продуценту. Типичные фразы конфликтогенного манипулирования: «Вы должны вести в соответствии с Вашим статусом»; «Вам необходимо принять эти факты»; «Вы не должны так нервничать».

Могут встречаться на всех стадиях конфликта. Отражают скрытое подавление собеседника, при нарастании конфликтогенных настроений. Конфликтогенные коммуникативные типажи с преобладанием стратегий применения фраз-«должников» характеризуются сдержанностью, мрачностью, эмоциональной холодностью и чопорностью. Могут использоваться в качестве конфликтогем-нейтрализаторов, конфликтогем-гармонизаторов на уровне потсконфликтной стадии, нивелируя конфликт как таковой, либо в процессе активного разворачивания конфликта для ослабления конфликтогенности. Часто встречается на уровне **деэскалации конфликта**.

Постановка «диагноза» мотивов поведения направлена на принижение собственной значимости оппонента. Зачастую характеризуются использованием слов и выражений с переносом центра значимости в другую сферу. Например: «Вы одержимы инстинктом сутяжничества и сплетен»; «Да Вам к психиатру надо с этими перепадами настроения и слезами!»; «Вы никогда не блистали умом и инициативой». Конфликтогенные коммуникативные типажи отличаются обвинительным характером, приобретают черты доминирования в коммуникации. Близки к типажам с доминантой оскорбления. Имеют выраженные черты «эксперта», позволяя четко дифференцировать их позиции. Связаны с конфликтогемами-усилителями и конфликтогемами-пролонгаторами в медиадискурсе конфабулятора. В речи доверительного собеседника могут реализовываться в плане конфликтогем-нейтрализаторов в стадии затухания конфликта. Также характерна четкое разграничение по линии «свой- чужой».

Подчеркивание собственного превосходства с целью усиления компетентностной разницы между собой и партнером в коммуникации актуализирует собственную значимость с одновременным обесцениванием оппонента. Например: «Вот я в твои годы...»; «Вот в наше время...»; «Когда была студенткой/ аспирантом и т.п., то...»; «Да я здесь работал, когда ты еще в носу ковырялся»; «Ты хочешь меня учить там, где я давно преподаю?!» и т.п.

Конфликтогенные коммуникативные типы характеризуются самоуверенностью, твердостью в незыблемости собственных правил, косностью мышления, подчеркнутой схоластикой.

Допрос формирует виктимность, разрушает самооценку у оппонента: «Сколько времени у Вас ушло на выполнение этого задания?»; «Почему Вы так одеты?»; «Сколько ты потратила на эту процедуру?»; «Во сколько обошлась эта покупка?»; «Почему ты так поздно?»; «Чем ты занят?».

На этой стадии происходит четкая градация участников конфликтогенной ситуации с позиции «свой- чужой».

Снисходительное отношение, то есть проявление псевдодоброжелательного превосходства, актуализирует состояния подотчетности и вторичности по отношению к говорящему: «Зачем же так нервничать, не стоит обижаться», «Вам лучше успокоиться», «Как можно не знать элементарных вещей?», «Неужели Вы совсем ничего не понимаете?», «Я ведь русским языком Вам говорю», «Вот вроде умный человек, а поступки такие недалёковидные...».

Характерно на стадиях имплицитного конфликта, а также на завершающих стадиях **деэскалации конфликта и его затухания**. Коммуникативные типы характеризуются некоторой фундаментальностью, общением свысока положения, безапелляционностью, показной участливостью. Как правило, встречается на **постконфликтном уровне**, для которого характерен спад конфликтогенности с утратой значимости конфликта для целевой аудитории. Выступает в программах конфликтогеми-гармонизатора, трансформируясь в конфликтогеми-завершители. Медиадискурсивные стратегии нацелены на детальный анализ причинно-следственных отношений конфликтогенной ситуации с прогнозированием вариативного развития итогов конфликта по предупреждению схожих конфликтогенных ситуаций.

Категоричность, безапелляционность, как проявление излишней уверенности в своей правоте, самоуверенности, подчиняет собеседника. Такой

тип стратегии характерен для фаз открытого конфликта. Частотными примерами могут быть следующие: «Это признанный факт»; «Такова суровая реальность»; «Это данность»; «Решения начальства обсуждению не подлежат», «Свободны, на этом наш разговор окончен» и т.п.

Активно проявляется на уровне признания конфликта, когда становится очевидным сам конфликт, при этом эскалация конфликта идет за счет действий и высказываний, ущемляющих в той или иной степени интересы противника, при этом скрытые конфликтогенные причины становятся обнародованными. Используются как конфликтогемы-завершители. Конфликтогенные коммуникативные типажи приобретают черты руководителя, владеющего ситуацией, не желающего понять сторону другого.

Отказ от обсуждения вопроса нивелирует значимость проблемы и собеседника. Реализуется в таких фразах, как: «Нечего тут обсуждать. Я не вижу здесь проблемы»; «давайте перестанем обмусоливать эту тему»; «Пора прекратить переливать из пустого в порожнее» и т.п. Характер стратегии проявляется в аналогичных условиях со стратегией категоричности, безапелляционности, подчеркивания собственного превосходства.

Навязывание своих советов и мнения – культивирование родительской опеки со стороны говорящего по отношению к собеседнику: «Послушай моего совета»; «Я, исходя из своего опыта, предлагаю тебе поступить следующим образом»; «Смотри и учись, как нужно делать», «У меня тоже такое было, поэтому нужно сделать следующее...». Характер стратегии проявляется в аналогичных условиях со стратегией категоричности, безапелляционности, подчеркивания собственного превосходства.

Несвоевременные советы, когда человек просто хочет быть выслушанным, как правило, обесценивают собеседника и его проблему, способствуют имплицитному нагнетанию конфликтогенности в общении: «Если бы ты навел порядок на своем рабочем столе, то не было бы и причин для паники»; «Ну почему ты не поступил вот так?»; «Зачем тебе обращать на это внимание?». Зачастую встречается в фазе затухания конфликта или на

постконфликтном уровне. Однако, как правило, вызывает у собеседника неосознаваемые чувства обиды. Может реализовываться через конфликтогемы-продолгателы и конфликтогемы-нейтрализаторы.

Убеждение логикой используется. Данная стратегия используется преимущественно в латентном периоде. Медиадискурсивные стратегии нацелены на детальный анализ причинно-следственных отношений конфликтогенной ситуации с прогнозированием вариативного развития итогов конфликта по предупреждению схожих конфликтогенных ситуаций с возможным применением цифрового инструментария. После запускающих фраз идет логическое объяснение причин произошедшего. Примеры: «Не вижу причин для расстройства. Все довольно логично»; «Поведение лидеров европейских государств объясняется довольно просто...»; «Исторически такое поведение является закрепленным»; «Рассмотрим логику рассуждений наших оппонентов».

Успокоение отрицанием. Прекрасно используется в завершении конфликта и затухающих конфликтогемах: «Не стоит переживать»; «Это не стоит твоих слез»; «Не нужно нервничать», «Не надо печалиться»; «Так, не волнуйся»; «Не беспокойся, все образуется»; «Оставь свои нервы, все пройдет»; «Не надо слез, ты прекрасно выглядишь». Гармонизация конфликтогенной ситуации идет через нивелирование элементов конфликта для самих акторов и целевой аудитории путем использования конфликтогем-гармонизаторов с трансформацией в конфликтогемы-завершители.

Перебивание собеседника в конфликтогенной ситуации вызывает раздражение, повышает градус конфликта, активно используется в ток-шоу, реалити-шоу, поскольку демонстрируется более высокая значимость и ценность собственных идей и мыслей над высказываниями собеседника/оппонента. Одновременно растет чувство собственной значимости с параллельным принижением роли и ценности собеседника. Активно в момент эскалации конфликта и переходы в острую фазу.

**Поликодовый анализ конфликтогенного медиадискурса «Максим
Виторган: Нам нечего праздновать»**

(<https://www.instagram.com/p/Bvg9IYQheUc/> - *признана ИНО-агентом и запрещена в РФ)

Алгоритм анализа: 1) прочитав текст; 2) выявить имплицатурные образы, возле каждой имплицатуры указать порядковый номер, рядом с номером дать декодирование имплицитной информации (мысли, возникшие при предъявлении текста) относительно интерпретации данного предложения, не читая последующее предложение.

1. Максим Виторган предложил отменить празднование Дня Победы.
2. Актер призвал отказаться от проведения торжеств, поскольку участников событий Второй мировой войны уже почти не осталось.
3. Он написал в Инстаграме «Это День Победы для тех, кто эту победу одержал.
4. Выжил, выстрадал, вымучил. Для тех, кто терял родных и близких здесь и сейчас.
5. Их уже почти не осталось. Мало кому из них мы смогли обеспечить достойную старость.
6. И конкретно нам, как мне кажется, праздновать нечего.
7. Для нас это день Сочувствия, Благодарности и Памяти о том, ЧТО довелось пережить им», - написал Виторган 9 мая.
8. «Наша обязанность – знать правду о них – самую горькую, самую нелицеприятную.
9. Наша ответственность – не дать повториться. Я верю, что когда-нибудь это будет День тишины.
10. Когда-нибудь мы станем взрослыми и память будет больше, чем желание детского утренника с плясками и танчиками. Когда-нибудь, когда-нибудь...»
- заключил актер.

11. Свой пост актер проиллюстрировал картинкой с условным изображением «красного мака», который является символом победы над нацистами на Западе, и датами начала и конца Второй мировой войны «1939-1945».

12. Позже актер пояснил в инстаграме, что его неправильно поняли (Инстаграмм).

Характеристика содержательной и языковой составляющих конфликтного текста массмедиа

Анализ содержательной стороны текста	
Категориальные параметры анализа	Результаты
Паспорт публикации: название, автор, выходные данные	«Праздновать нечего». Виторган предложил отменить День Победы. Максим Виторган, страница Инстаграм от 9 мая 2019
Место публикации	Личная страница Инстаграмм
Основной тезис текста Основные аргументы и прием манипуляции Дополнительные аргументы и прием манипуляции	Тезис: «Праздновать нечего». Аргументы: критика традиционных торжеств, в том числе шествия «Бессмертный полк» и парада Победы на Красной Площади. Прием критического обесценивания исторической памяти. Дополнительные аргументы: это не наша победа, не актуально для современного общества: «Это День Победы для тех, кто эту победу одержал». Подмена тезисов. «Их уже

	почти не осталось». Обесценивание, дихотомия «свой //чужой».
Доминирующая функция текста	Иллокутивная
Имплицитная цель автора публикации	Поиск понимания, поддержки, одобрения целевой аудитории, подталкивание людей его поколения и молодежи к переосмыслению достижений прошлого своей страны, нацеленность на слом традиций празднования великого Дня Победы, скрытая поддержка оппозиционных настроений, приводящих к сознательным изменениям в стране. Аргументы манипуляции: отсылка на «передовой» опыт западноевропейских стран (на самом деле недружественных стран по отношению к России).
Фактология как прием манипулирования общественным сознанием	1.«Мало кому из них (ветеранов) мы смогли обеспечить достойную старость». – замена факта 2.«И конкретно нам, как мне кажется, праздновать нечего» - отказ от традиции, обесценивание. 3.«Для нас это день Сочувствия, Благодарности и Памяти о том, ЧТО довелось пережить им» - подмена понятий

Экстралингвистический контекст, в котором располагается текст	дни торжеств Дня Победы
Масштаб охвата, распространенность публикации	На все слои населения. Расширение рамок за счет привлечения традиций отмечаия этого дня в странах Западной Европы вне исторического контекста
Способ постижения действительности, аналитические методы	<p>Эмпирический: на основе собственных наблюдений в ходе общения и пребывания в недружественных странах западного мира во период празднования Дня Победы.</p> <p>Псевдотеоретический: интроспекция, сравнение, аргументация, аналогия, вывод без понимания формирования условий восприятия Дня Победы в западноевропейских странах в ситуации проигрыша во Второй мировой войне</p>
Источники информации	Сам автор
Авторская позиция. Уровень выводов и обобщений на уровне содержания.	<p>Уровень выводов и обобщения высокий – это специфика сообщений в Инстаграме.</p> <p>Автор говорит о себе и своих личных ощущениях, однако использует местоимения «нам», «мы».</p> <p>Импликатура: «таково мнение большинство представителей</p>

	современного поколения». Ссылка на собственное мнение с высокой степенью категоричности, убежденности в собственной правоте и четкости позиции. Скрытая уверенность в абсолютной поддержке целевой аудитории
Композиционное решение текста	Свободная. Форма: прямая речь. Пишу о том, что вижу и чувствую
Характеристика лексико-грамматических средств	Общепотребительная лексика. Синтаксис: преобладание простых предложений наряду с односоставными, усечёнными предложениями: «Когда-нибудь, когда-нибудь». Предложения краткие и ёмкие. Доминирование глаголов действия в прошедшем времени: «Выжил, выстрадал, вымучил...терял (родных и близких)». Присутствие разговорных элементов: «желание детского утренника с плясками и танчиками»
Лингвистические средства актуализации субъекта речи и её адресата. Характеристика коммуникативно-прагматических отношений между ними.	Контактоустанавливающие средства: разговорные обороты, использование предложений нераспространённых, односоставных, внутренняя диалогизация текста;

	<p>Дихотомия поколений: местоимения «они» (ветераны ВОВ) и «мы» (не они, современное молодое поколение, не имеющее представления о войне).</p> <p>Импликатура: мы находимся в оппозиции друг к другу, потому что мы не считаем это победой.</p> <p>Текст от первого лица: «И конкретно нам, как мне кажется, праздновать нечего».</p> <p>Как бы подача интраспекции с публичным рассуждением и стремлением убедить целевую аудиторию в своей правоте, априори исходя из того, что его мнение – истина в последней инстанции</p>
<p>Образные средства манипулирования</p>	<p>Просторечные слова: «танчики», «утренники», «пляски», попутно ставя мероприятия по случаю празднования Дня Победы в один ряд с утренником в детском саду, тем самым принижается значимость этого события.</p> <p>Использование параграфемных средств (прописных букв для того, чтобы визуальнo выделить главное, сделать акцент): «это день Сочувствия, Благодарности и Памяти», «о том, ЧТО довелось пережить им».</p>

	<p>Использование усилительных конструкций и повторов: «Наша обязанность – знать правду о них». «Наша ответственность – не дать повториться», «самую горькую, самую нелицеприятную».</p> <p>Местоимение «когда-нибудь» повторяется в тексте 4 раза.</p> <p>Эпитеты: «достойную старость», «память будет больше, чем желание детского утренника».</p> <p>Противопоставление: «Их уже почти не осталось. Мало кому из них мы смогли обеспечить достойную старость».</p> <p>Метафора + ирония: «Когда-нибудь мы станем взрослыми».</p> <p>Наличие парцелированных конструкций: «Выжил, выстрадал, вымучил», «Когда-нибудь, когда-нибудь...».</p> <p>Ремарки автора в круглых скобках: отсутствуют</p>
<p>Грамматико-синтаксические особенности текста</p>	<p>Наличие императивных, вопросительных и риторических конструкций, а также прямой речи:</p> <p>Наличие бессоюзных сложных предложений со знаком препинания «–»: ««Наша обязанность – знать</p>

	<p>правду о них»; «Наша ответственность – не дать повториться».</p> <p>Конструкции предложений с многоточием: «Когда-нибудь, когда-нибудь...»</p>
Характерологические особенности конфликтогенности текста	
Средства аргументации	<p>В качестве средств аргументации автор использует свои собственные аргументы, отсылки на опыт и традиции западной Европы. Автор выстраивает некое подобие логики, делая попытки аргументации, приводит некоторые, по его мнению, весомые аргументы в пользу своей точки зрения. В тексте присутствуют тезис и некая аргументация. Основным недостатком аргументов – они глубоко субъективны и не подкреплены весомыми доказательствами, ссылаясь на опыт Европы, которая в этой войне проиграла. Виторган не пытается понять общепринятую точку зрения и объяснить действительные причины её полного неприятия. Аргумент (звучащий как укор) «Мало кому из них мы смогли обеспечить достойную старость» относится не к народу, а к чиновникам,</p>

	<p>правительству. Импликатура: если тех, кто добыл эту Победу не чтит при жизни, то почему эту Победу надо отмечать? Текст эмоционально сдержанный. Ненормативная лексика отсутствует. Прямая речь используется как средство убеждения</p>
Наличие мнений, содержащих имплицатуры	<p>Присутствуют повсеместно в тексте. «И конкретно нам, как мне кажется, праздновать нечего». «Это День Победы для тех, кто эту победу одержал», «Мало кому из них мы смогли обеспечить достойную старость.»</p>
Нарушение логики изложения	<p>«Их (ветеранов) уже почти не осталось». (т.е. почти = ничтожно мало, и поэтому надо прекратить отмечать это событие?)</p>
Полисемия, омонимия	отсутствует
Амфиболия (логическая ошибка) 1) двусмысленность выражения в целом. 2) двусмысленность, основанная на разъединении целого на части и приписывания свойств, присущих лишь части, а не целому	<p>««Актер призвал отказаться от проведения торжеств, поскольку участников событий Второй мировой войны уже почти не осталось» (данное высказывание можно расценить как попытку нивелировать значимость Дня Победы для потомков). «И конкретно нам, как мне кажется, праздновать нечего» (недоказуемое обобщение, перенос убеждений,</p>

	присущих лишь части на целое (всех членов общества)
Неудачное использование или сочетание различных методов оценки события	Оценка носит весьма субъективный самоуверенный характер. Не содержит обзора альтернативных точек зрения и оценок события.
Затруднённое понимание текста	Есть нарушения логики изложения (алогизмы), есть повторы ранее высказанных мыслей, автор будто пытается пробить стену, что отделяет его от российских граждан
Оценка жанровой чистоты	Данный материал можно отнести к жанру публикации «комментарий/пост». Авторское «я» присутствует, довлеет, повествование отличается высокой степенью эмоциональности: убедительная аргументация отсутствует, при этом автор комментария уверен в своей правоте, не пытается понять и принять мнение большинства, пытаюсь, напротив, заронить зерно сомнения в души читателей, и заставить население изменить традиции, кивая на Запад
Конфликтogenicность авторской позиции в тексте	Высокая степень категоричности автора высказываний не располагает к пониманию и приятию. Виторган считает своё мнение единственно

	верным, а мнение большинства – ошибочным, утратившим смысл и основание
Необоснованное упрощение (логическая ошибка) – сведение вопроса к самой простой форме, которая напоминает лозунг.	«(День Победы) Для тех, кто терял родных и близких здесь и сейчас» – весьма странный аргумент, учитывая, что ВОВ коснулась практически КАЖДОЙ СЕМЬИ в России
Отсылка к авторитетным организациям с точки зрения автора, размытость источника	Отсылка выражена не словами, а иллюстрацией – картинкой с условным изображением «красного мака», который является символом победы над нацистами на Западе. Тем самым, автор указал на «правильный» с его точки зрения тренд, принятый на Западе и разделяемый автором. Но он будто не хочет замечать, что Европа не оказала гитлеровцам сопротивления и сдалась! Им нечего отмечать и праздновать! Победу одержал СССР!
Применение количественной меры к неопределённым (абстрактным) понятиям	«память будет больше, чем желание детского утренника»
Использование разговорной лексики (подстройка: я такой же, как и Вы; прием «свой парень»)	На протяжении всего монолога преобладание разговорной речи
Присутствие негативизмов	Присутствует. Жители России, наши ценности и жизненные ориентиры на

	<p>протяжении всего поста подвергаются критике, позиционируются как ошибочные или, как минимум, устаревшие и противопоставляются «правильным» и «современным» жизненным установкам и ценностям европейцев.</p>
Наличие эмотивов	<p>Имеется: «детский утренник», «танчики», «довелось пережить», «праздновать нечего»</p>

Поликодовый анализ конфликтогенного массмедийного дискурса «И нашим и вашим за копейку спляшем. А. Макаревича подвергли резкой критике за желание выступить у стен Кремля»

Анализируемый текст:

1. «Лидер рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич подвергся критике за намерение выступить в патриотическом концерте, который пройдёт у стен Кремля в День России, 12 июня.

2. Музыканта обвинили в двуличии и меркантильности, а также напомнили о его отрицательном отношении к воссоединению Крыма с Россией.

3. По мнению члена экспертного совета по развитию информационного общества и СМИ при Госдуме, блогера Вадима Манукяна, Андрей Макаревич из-за своей двойственной позиции «угодил в ловушку» и теперь живет по поговорке: «От ворон отстал, к павам не пристал». 4. Реакция музыканта не заставила себя долго ждать.

5. В Facebook он опубликовал пост, задав в нём риторический вопрос о том, откуда в людях столько «ненависти».

6. Ранее же лидер группы «Машина времени» Андрей Макаревич высказался о низких интеллектуальных способностях современных людей.

7. По его словам, 80% населения Земли — идиоты.

8. Надо это принять, как данность.

9. При этом музыкант заявил, что себя причисляет к оставшимся 20%».

Источник [<https://patriot-su-rf.mirtesen.ru/blog/43801247347>, URL]

Характеристика содержательно-смысловой части текста	
критерии	результаты

<p>Паспорт публикации (название, ФИО, выходные данные)</p>	<p>«И нашим и вашим за копейку спляшем. Макаревича подвергли резкой критике за желание выступить у стен Кремля».</p> <p>Автор: Вадим Манукян. Опубликовано: сайт «Патриот России и Советского Союза», 30.05.2019 в 13:17, раздел «Политика» https://patriot-su-rf.ru</p>
<p>жанр</p>	<p>Заметка в блоге</p>
<p>Главный тезис, Основные аргументы</p>	<p>Тезис: «И нашим и вашим за копейку спляшем». Патриотизм, двуличие и меркантильность – это тема?.</p> <p>Тема раскрывается путём перечисления всех событий, связанных с желанием участвовать в концерте А. Макаревича.</p> <p>Аргументы: обвинили в двуличии, напомнили о его отрицательном отношении к воссоединению Крыма с Россией, живет по поговорке: «От ворон отстал, к павам не пристал»</p>
<p>Основная функция текста. Имплицатуры</p>	<p>Иллокутивная: провокативное манипулирование целевой аудиторией. Сопутствующая функция текста: воспитательная. Имплицатура: осуждение средства обращения к чувству патриотизма целевой аудитории.</p>

Фактологическая сторона текста	Ссылка на высказывания и публикацию мнения А. Макаревича об отрицательном отношении к воссоединению Крыма с Россией, но в тоже время о его намерении выступить в патриотическом концерте
Экстралингвистический контекст вокруг анализируемого текста	Рубрика «Политика». Взаимоотношения России и Украины. Крымский мост. Противостояние сторон
Масштаб охвата освещаемого события	Поступательно приводится ряд фактов, которые дают целостное представление об А. Макаревиче как личности
Способы постижения, аналитические методы	Теоретический: сравнение, аналогия, вывод
Источники информации в анализируемом тексте	1) блог Вадима Манукяна, члена экспертного совета по развитию информационного общества и СМИ при Госдуме; 2) личная страница А. Макаревича в Facebook
Авторская позиция. Уровень выводов и обобщений (на уровне содержания).	Уровень выводов и обобщения высокий. Именно из них и состоит блогерский текст: 1. Андрей Макаревич из-за своей двойственной позиции «угодил в ловушку».

	<p>2. «От ворон отстал, к павам не пристал»</p> <p>3. «Обвинили в двуличии и меркантильности».</p>
Вербальный контур: характерологические особенности лингвистической составляющей текста	
Композиционное решение	Свободная композиции, не связанная, лишённая ядра и логики, напоминает «поток сознания» в виде бессвязных фактов и высказываний
Лексико-грамматические особенности	<p>Доминирование в тексте общеупотребительной лексики. Обилие канцелярских штампов, обезличенных глагольных конструкций: «подвергся критике», «обвинили», «напомнили».</p> <p>Присутствуют разговорные (фольклорные) элементы: «угодил в ловушку», «От ворон отстал, к павам не пристал», «80% населения Земли — идиоты». Приметы книжного стиля отсутствуют</p>
<p>Лингвистические средства акцентуации субъекта речи и её адресата.</p> <p>Характеристика коммуникативно-прагматических отношений между ними</p>	<p>Отсутствие контактоустанавливающих средств: обилие канцеляризмов, сухой язык, использование перечислений.</p> <p>Оппозиция «свой // чужой»:</p>

	<p>местоимения «он» (ренегат) и «мы» (патриоты), «он» и «я».</p> <p>Обезличенность текста: «подвергся критике за намерение», «обвинили в двуличии и меркантильности», «напомнили о его отрицательном отношении», «по мнению члена экспертного совета». Использование неравноправных отношений между адресатом и адресантом: В. Манукян судит о намерениях А.Макаревича с высоты своей должности, авторитета, клеймит поступки А. Макаревича и не сомневается в собственной непогрешимости и правоте: ссылка на собственный непререкаемый авторитет</p>
<p>Языковые образные средства управления конфликтогенностью в тексте</p>	<p>Просторечная образная фраза: «откуда в людях столько «ненависти»», «80% населения Земли — идиоты».</p> <p>Эпитеты: в патриотическом концерте, отрицательном (отношении), экспертного (совета), двойственной (позиции), риторический (вопрос), низких интеллектуальных (способностях), современных (людей).</p>

	<p>Усилительные конструкции и повторы: двуличие, оказался в двойственной позиции.</p> <p>Противопоставление:</p> <p>патриотический: меркантильный, вороны: павы, 80%: 20%.</p> <p>Метафора: «попал в ловушку», «От ворон отстал, к павам не пристал».</p> <p>Наличие парцелированных конструкций: По его словам, 80% населения Земли — идиоты. Надо это принять, как данность.</p> <p>Наличие ремарок автора в круглых скобках: нет</p>
<p>Грамматико-синтаксические характеристики</p>	<p>Полное отсутствие императивных, вопросительных и риторических конструкций, а также прямой речи.</p> <p>Наличие бессоюзных сложных предложений со знаком препинания «-»: По его словам, 80% населения Земли — идиоты.</p> <p>Предложения в косвенной речи: По мнению члена экспертного совета, по развитию информационного общества и СМИ при Госдуме, блогера Вадима Манукяна, Андрей Макаревич из-за своей двойственной позиции «угодил в ловушку», По его</p>

	словам, 80% населения Земли — идиоты.
Конфликтогенные параметры текста	
Средства аргументации	Полностью соблюдена логическая схема доказательства средств аргументации присутствуют тезис и демонстрация, сама аргументация представлена слабо. Автор будто и не собирается ничего доказывать, так будто он говорит о вещах и так очевидных для всех. Основной недостаток аргументов – они основаны на убеждениях автора блога, т.е. высока субъективность и категоричность суждений, недостаток аргументации пытаются восполнить перечнем всех «злодеяний» А.Макаревича. Большое количество канцеляризмов, канцелярских штампов, полное отсутствие эмоций и чувств в тексте.
Наличие импликатур, скрытых мнений	Есть. «По мнению члена экспертного совета по развитию информационного общества и СМИ при Госдуме, блогера Вадима Манукяна, Андрей Макаревич из-за своей двойственной позиции «угодил в ловушку» и теперь живет по

	поговорке: «От ворон отстал, к павам не пристал»».
Логика изложения и ее нарушение	Присутствует нарушение логики изложения. Резкий переход от темы участия А.Макаревича в концерте к его высказываниям об умственных способностях земля
Лексико-грамматическая многозначность	Есть: «угодил в ловушку».
Омонимия	отсутствует
Амфиболия (логическая ошибка): 1) двусмысленность выражения в целом; 2) двусмысленность, основанная на разъединении целого на части и приписывания свойств, присущих лишь части, а не целому.	Прямая зависимость участия в (патриотическом) концерте от принятия недавнего события - присоединения Крыма к России. Однако, на наш взгляд, это отнюдь не значит, что все принимающие в концерте участие были опрошены на этот счёт. Выходит, что патриот – это соглашатель? Нельзя быть патриотом своей страны, если ты не согласен с некоторыми решениями/действиями официальных лиц? При этом, высказывание музыканта на тему идиотизма людей алогично с того момента, как он причисляет себя к 20% не идиотов...Кто решает? Каждый человек причислит себя к меньшинству, будь его воля, но это не доказывает, что ты умный, а лишь

	показывает степень твоей самоуверенности и самооценки
Неудачное использование или сочетание различных методов оценки события	Оценка не дана прямо. Она происходит посредством сухого перечисления фактов и проистекающих из всего этого кажущихся автору логичными последствий.
Затруднённое понимание текста	Есть нарушения логики изложения, композиция отличается отсутствием последовательности, отсутствие аргументации со стороны Макаревича. Информация представлена однобоко и плоско
Оценка жанровой чистоты публикации	Данный материал относится к жанру «текст блога»
Позиция автора	Высокая степень категоричности автора высказываний, высокомерие и однобокая подача материала могут вызвать несогласие реципиентов вплоть до негатива. Авторское «я» ощущается сильно: наличие глобальных выводов, не имеющих достаточной аргументации и фактологической основы
Необоснованное упрощение (логическая ошибка) – сведение вопроса к самой простой форме, которая напоминает лозунг	Необоснованное упрощение позволил себе сам Макаревич: «По его словам, 80% населения Земли — идиоты. Надо это принять, как

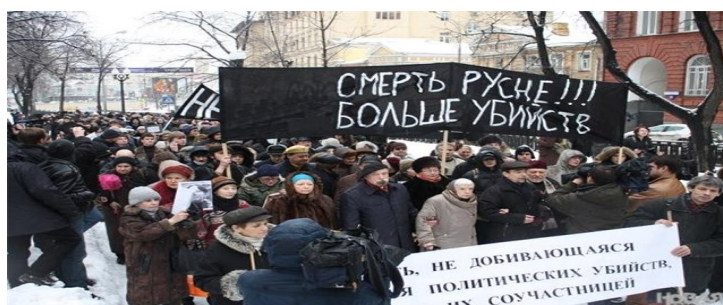
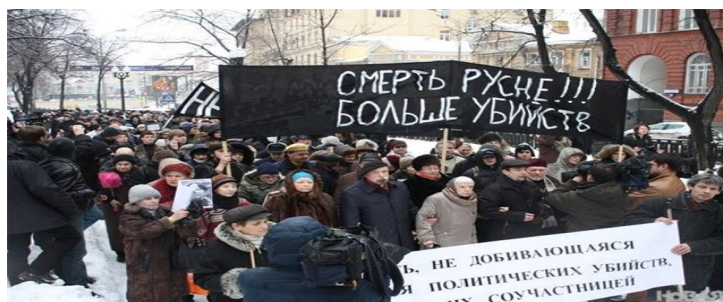
	данность. При этом музыкант заявил, что себя причисляет к оставшимся 20%»
Применение количественной меры к неопределённым (абстрактным) понятиям	Можно ли измерить идиотизм? По каким критериям? Приемлемо ли здесь приводить процентное соотношение? «По его словам, 80% населения Земли — идиоты»
Сниженная и разговорная лексика	На протяжении всего текста используется преимущественно косвенные конструкции, экспрессивная лексика присутствует лишь в виде красноречивой поговорки, полное отсутствие эмоционально-окрашенной лексики, выхолощенность.
Наличие негативной информации	Не просто присутствует, а чрезмерно насыщена негативом, как со стороны автора, так и со стороны «героя» текста. Высокий конфликтогенный индекс негативной эмотивности. Выражаемый негатив имплицитен. А. Макаревич заклёван «воронами» и не достоин снисхождения и понимания. Его обвиняют в меркантильности, жадности, непатриотичности, будто противопоставляя его СЕБЕ. Макаревич не хочет терпеть критику

	в свой адрес и сообщает своим оппонентам об их низких умственных способностях

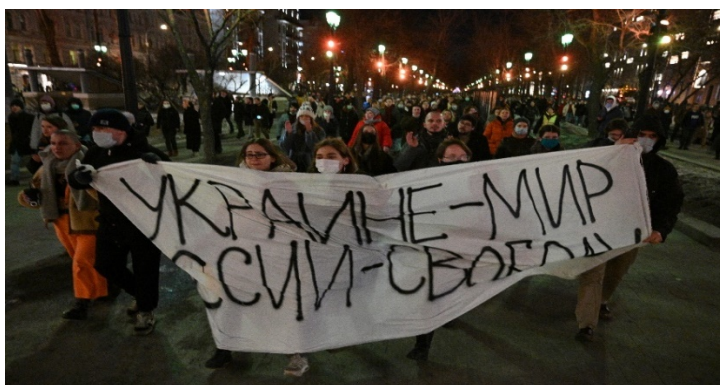
**Примеры поликодовых вербально-невербальных текстов
конфликтогенного массмедийного дискурса**

Пример аутоагрессии (Демотиватор Сделай мне больно Ломай меня полностью (demotivatorium.ru) с усилителем «Сделай мне больно»)

Конфликтогема-усилитель (СМОТРИ, СВИДОМАЯ ГНИДА!
(livejournal.com))

Лозунг «Украине – мир. России – свобода» (из открытых источников: В России на акциях протеста против войны в Украине задержали более 1500 человек | Общая Газета (og.ru))

Пролонгирующая конфликтогема (из открытых источников: <https://twitter.com/OvdInfo/status/1496858571266351105>)

Конфликтогема-релаксant, нацеленная на украинофильскую целевую аудиторию (из открытых источников: <https://ua.news/ru/ukrayntsy-slomaly-tsensenaryj-agressora-obrashhenye-zelenskogo/>)

Конфликтотема-нейтрализатор (примеры из открытых источников:俄乌战争：世界媒体统一口径，全球主义大团结，到底谁被洗脑了？ (qq.com)：俄乌战争：世界媒体统一口径，全球主义大团结，到底谁被洗脑了？ 2022-03-01 05:07 [É wū zhànzhēng: Shìjiè méitǐ tǒngyī kǒujìng, quánqiú zhǔyì dà tuánjié, dàodǐ shéi bèi xǐnǎole? Róng xíng xiàwǔ chá 2022-03-01 05:07] / Война между Россией и Украиной: мировые СМИ объединяют свои голоса и объединяются в глобализме. Кому промыли мозги? 2022-03-01 05:07, электронный ресурс].

Кулак как знак протеста, коммунистической солидарности: «В США активисты Black Olives Matter начали врываться в рестораны и требовать у людей, чтобы те подняли сжатый кулак вверх в знак поддержки прав темнокожих» (из открытых источников Интернета, Плохие новости, 06.09.2020. Режим доступа: В США активисты Blac Lives Matter начали врываться в рестораны и требовать у людей, чтобы те подняли сжатый кулак вверх в знак поддержки прав темнокожих | Плохие новости (pnovosti.ru) – М. Н.).

Эмодзи с поднятым кулаком (из открытым источников сети Интернет: Пробивая смайлик иллюстрация вектора. иллюстрации насчитывающей характер - 152676365 (dreamstime.com) – М. Н.)

Кинесика невербальных маркёров конфликтогенного дискурса на примере протестов в Казахстане в 2019 г. (из открытых источников: https://yandex.com/news/story/Okolo_100_protestuyushhikh_zaderzhali_v_Kazakhstane_v_Den_nezavisimosti--14157fcbbbe4ce35ca75d2eb83be614c?lr=213&lang=ru&stid=ZPD_9-NjJUT1nNftqOFz&persistent_id=82501546&rubric=society&from=rubric&comments=1 – М. Н.)

Акцентуация на женской агрессии в российских семьях (из открытых источников Интернета: <https://panoramapro.ru/tag/zhena-izbila-muzha-v-kimrah/> - М. Н.)

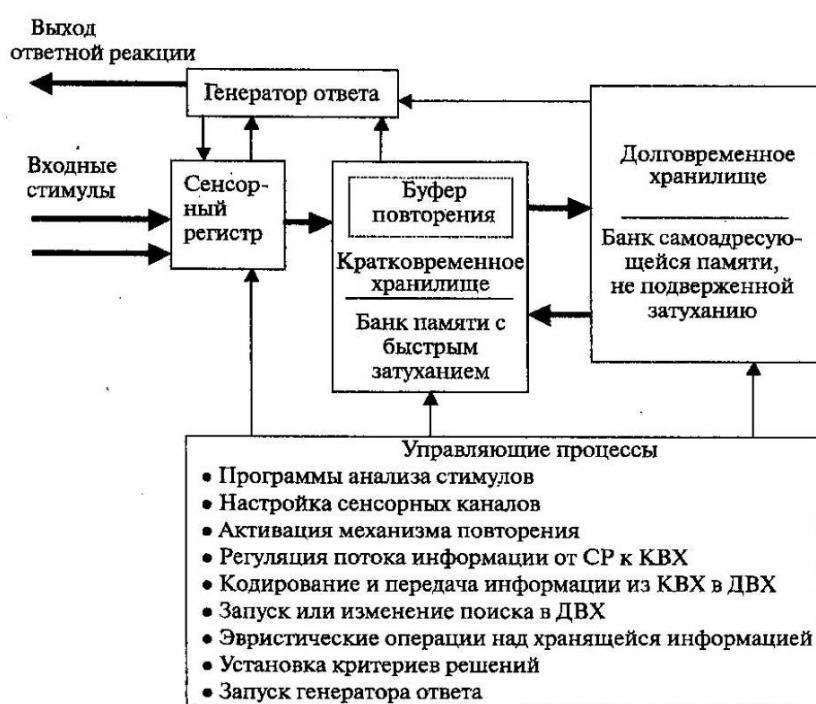
Кинесика невербальных маркёров конфликтогенного дискурса на примере протестов в Белоруссии в 2020 г. (из открытых источников: https://varlamovru.livejournal.com/3978996.html?page=3&cut_expand=1 – М. Н.)

Примеры использования невербального маркёра «поднятый вверх кулак» в современном пропагандистском дискурсе «цветных революций» (из открытых источников Интернета: Поднятый кулак - От символа борьбы с фашизмом и расизмом - к символу "цветных революций" (livejournal.com) – М.Н.)

Сохранение и интерпретация информации на основе модели долговременной памяти Р. Шиффрина-Р.Аткинсона

(Atkinson, R.C.; Shiffrin, R.M. Chapter: Human memory: A proposed system and its control processes // The psychology of learning and motivation (Volume 2) (англ.) / Spence, K.W.; Spence, J.T.. — New York: Academic Press, 1968. — P. 89—195.)

Стихотворение Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями»

Никогда мы не будем Братьями

<p>Никогда мы не будем братьями ни по родине, ни по матери. Духа нет у вас быть свободными – нам не стать с вами даже сводными.</p>	<p>У вас дома «молчанье – золото», а у нас жгут коктейли Молотова, да, у нас в сердце кровь горячая, что ж вы нам за «родня» незрячая?</p>	<p>Вам шлют новые указания – а у нас тут огни восстания. У вас Царь, у нас - Демократия. Никогда мы не будем братьями.</p>
---	--	--

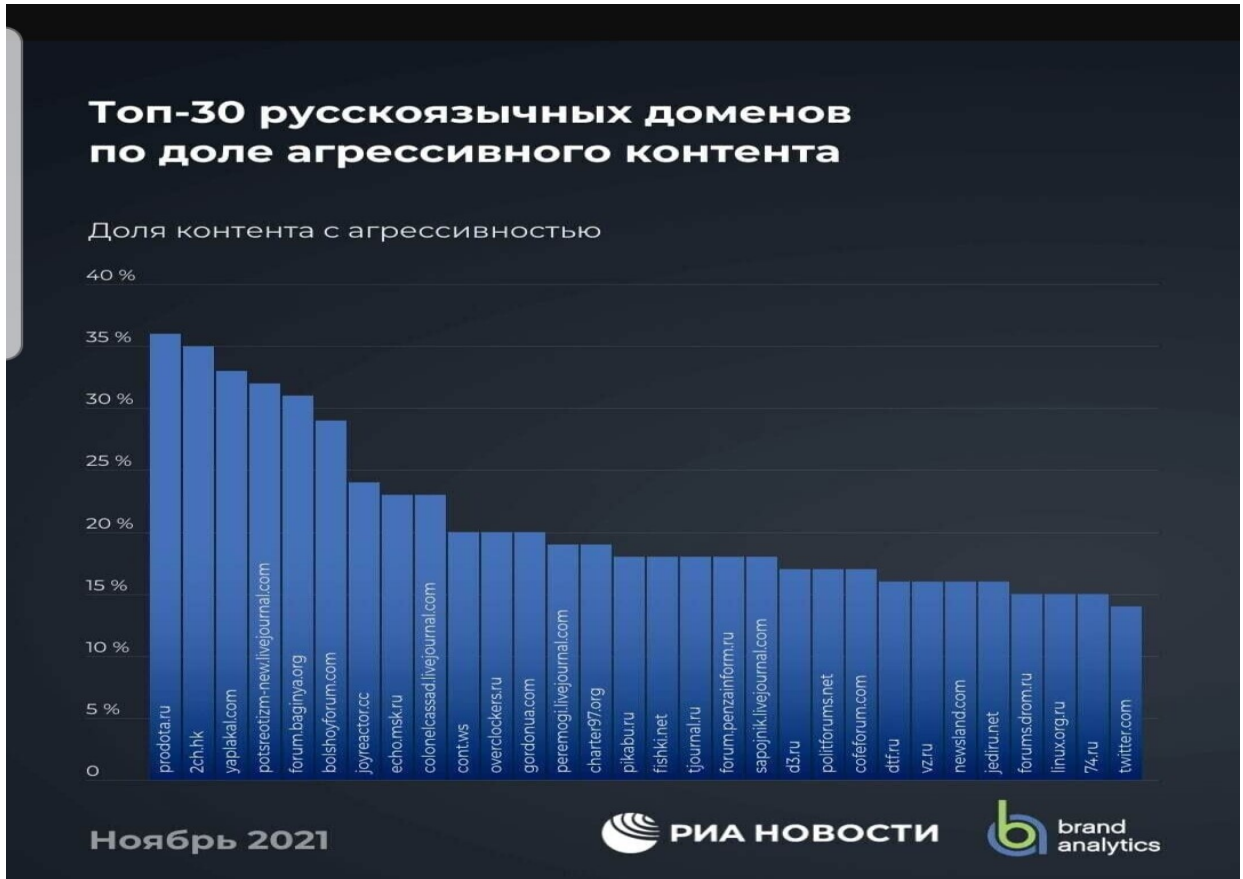
<p>Вы себя окрестили «старшими» – нам бы младшими, да не вашими. Вас так много, а, жаль, безликие. Вы огромные, мы – великие.</p>	<p>А у нас всех глаза бесстрашные, без оружия мы опасные. Повзрослели и стали смелыми все у снайперов под прицелами.</p>	<p>Анастасия Дмитрук</p>
---	--	--------------------------

<p>А вы жмете... вы всё маетесь, своей завистью вы подавитесь. Воля - слово вам незнакомое, вы все с детства в цепи закованы.</p>	<p>Палачи нас на колени ставили – мы восстали и всё исправили. И зря прячутся крысы, молятся – они кровью своей умоются.</p>
---	--

«Никогда мы не будем братьями» А. Дмитрук (из открытых источников:
<https://www.politforums.net/ukraine/1617453392.html> - М.Н.)

Топ-30 русскоязычных доменов по доле агрессивного контента по данным РИА Новости

(<https://leonardo.osnova.io/d8427175-160e-5d6e-bd08-ed9c6ecffa02/> - М. Н.)

Терминологический глоссарий

Агрессия (от лат. *aggressio* — нападение), понятие современного международного права, которое охватывает любое незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости др. государства или народа (нации). Считается тягчайшим международным преступлением против мира и безопасности человечества. Понятие агрессии включает в качестве обязательного признак первенства или инициативы (применение каким-либо государством вооруженной силы первым). 29-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН (1974) приняла определение агрессии [БЭС]. Агрессия — вооруженное нападение одного или нескольких государств и другие страны с целью захвата их территорий и насильственного подчинения своей власти [СО].

А́ктор — действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других. Например, государство является главным политическим актором на поле политики и ведущим социальным актором в обществе. Также актер — участник преобразований, движимый собственными мотивами и обладающий для этого соответствующим опытом.

Антипатриот — политический ярлык, обозначающий человека, которого считают или хотят изобразить враждебно настроенным по отношению к своему отечеству. Например: *«Современные «антипатриоты» имеют конфликт не с режимом и не с государством, а именно с Отечеством. Они не приемлют не столько текущую политику, сколько ту совокупность общественных отношений, которая унаследована нами в длительной временной протяженности. Выражается это у всех по-разному: «Рашка достала», «страна рабов», «поганый ватник», «воевали*

за Сталина и совок». Все это резюмируется формулой «Все в этой стране всегда будет так» (Известия. 06.02.2014).

Асимптоматическую конфликтность – установка коммуниканта на глубинную позитивную вежливость, которая вступает в контрастирующую оппозицию с негативной вежливостью, характерной для европейского поведения (Сорокин, Ю. А. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной; ИЯ РАН. – М.: «Азбуковник», 2003. – С.7–23).

Вектор напряженности – предметная область, на которую оказывает влияние та или иная информационная угроза.

Вербальная технология управления конфликтной ситуацией - набор конкретных приемов конфликтогенности с алгоритмом их работы в конфликтогенном дискурсе.

Вербальные маркеры – лингвистические маркеры в тексте.

Вербальный конфликтогенез – процесс эволюции конфликтогенности к открытому конфликту, подразумевает усиление конфликтности у реципиентов, снижение у последних чувства меры и такта в общении.

Влияние – процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и пр. в ходе взаимодействия с ним.

Внушение – целенаправленный процесс прямого или косвенного воздействия на психическую сферу человека, ориентированного на специфическое программирование человека и на осуществление им внушаемого содержания.

Вовлечение – 1) осознанный и целенаправленный процесс, суть которого заключается в оказании влияния одного из участников совместной деятельности и общения на другого; 2) понятие из УК РФ, под которым понимаются действия лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление, путем обещаний, обмана, угроз или иным способом.

Восприятие текста – это «получение» текста органами чувств человека, его рецепция. Воспринимая письменный текст, человек, как показывают исследования, опирается на способность видеть и различать буквы и слова, репрезентации которых уже хранятся в его памяти. Общий путь восприятия: физическое восприятие текста → понимание прямого, поверхностного значения → соотнесение с контекстом и ситуацией (в широком смысле) → понимание глубинного значения → соотнесение с фондом знаний реципиента → интеллектуально-эмоциональное восприятие текста, осознание смысла текста, его концепта.

Вторичная интерпретация — манипулема, в основе которой лежит переосмысление, повторное обращение к толкованию события или речевого произведения, которое может происходить в другой временной период, дополнительная **интерпретация** коллективных знаний и коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе человека, направленная на трансформация фоновых знаний этнокультурного сообщества. Активно используется в методике «окна дискурса»/ «окна Овертона» в современных информационных войнах.

Геополитика (общественные дела) — наука о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений. Относится к роду общественно-географических наук, являясь частью политической географии.

Геополитоним — это один из класса онимов, который синтезирует в себе историю этносов, самой территории от древности до современности.

Геополитический новостной дискурс — разновидность новостного дискурса с использованием прямых и/или косвенных обозначений страны, региона, запускающих тот или иной триггер интерпретаций относительно страны/ региона.

Глубинная структура - основополагающий уровень организации макрозакона, опосредующий характер его структурно-семантической организации.

Девииант – тот, кто отступает от общих правил, носитель девиантного поведения.

Девииантное поведение – отклоняющееся (от нормы), деликвентное поведение, такой тип поведения, при котором наблюдаются отклонения хотя бы от одной из общественных норм. Относится к условной норме.

Декодирование текста – процесс, направленный на раскрытие значений слов, заложенных автором.

Деструктивное общение – тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты.

Дискретная единица медиадискурса — медиатекст, который позволяет упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества.

Дискурс - когнитивный процесс кодирования и декодирования семиотических результатов лингвокогнитивной деятельности человека, осуществляемый в ракурсе экстралингвистических переменных: социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических и т.д.

Дискурсивные импликатуры – импликатуры, значение которых непосредственно не представлено в значениях слов, а зависит от контекста ситуации речевого общения.

Диффамация – информация, порочащая человека, вызывая ярко выраженное негативное отношение у реципиента

Заведомо ложная информация – это такая информация (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем было известно лицу, ее распространившему. Преследуется по закону.

Игровая метафора — переосмысление предметов, явлений, действий и др. в образах игры (боевые искусства, командные виды, шахматы и др.).

Импликатура – та информация текста, которая не представлена эксплицитно, а вычитывается с опорой на фоновые знания, индивидуальные представления субъекта речи на предмет изложения.

Импликация - единица выводного знания, сформированная в сознании адресата в процессе декодирования текста в зависимости от ряда переменных: коммуникативного контекста, социокультурных и психолингвистических факторов; особый прием, операция, действие; определяется как один из способов или одна из форм образования смысла.

Индивидуальное сознание – это сознание отдельного индивида, отражающее его индивидуальное бытие и через посредство его в той или иной степени общественное бытие.

Интенция – мотивация общения, непосредственные содержательные цели сообщения, замысел, идею, целеполагание, коммуникативное намерение, сверхзадачу.

Интенциональный признак массмедийного текста – это борьба за власть, выступает в качестве основного параметра, определяющего принадлежность к политическому дискурсу.

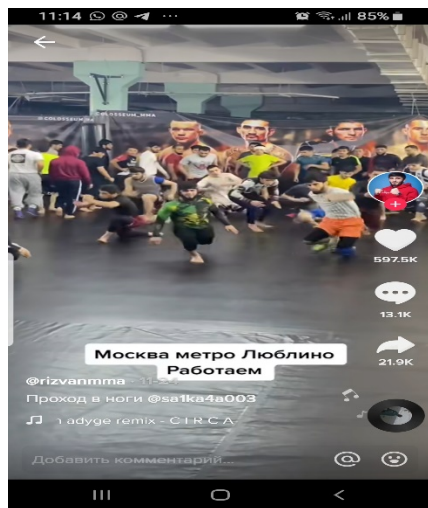
Интерпретация – многозначный термин, обозначающий, как правило, когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и неречевых действий. В работе используется в значении манипулемы: приписывание смыслового или предметного содержания чувственному восприятию внешних воздействий.

Инференция - формирование системы выводного знания в процессе обработки информации; когнитивная операция получения знаний, выходящих за рамки непосредственно содержащихся в тексте сведений.

Информационная атака – 1) в техническом смысле слова это совокупность преднамеренных действий, направленных на нарушение одного из трех свойств информации – доступности, целостности или

конфиденциальности. Выделяют три этапа реализации атак: 1. Этап подготовки и сбора информации об объекте атаки. 2. Этап реализации атаки. 3. Этап устранения следов и информации об атаковавшем; 2) в общественно-политическом смысле слова это совокупность действий по распространению информации, направленных в целях нанесения репутационного ущерба объекту атаки или достижения каких-либо иных целей, в том числе влияния на процесс принятия решений.

Информационная цель – приобретение материальной или нематериальной (социальной) выгоды, репутационного капитала автором текста. К примеру, анонсирование новостей должно привлечь СМИ и целевую аудиторию, что способствует популяризации и соответственно продвижению предмета инфоповода. Предмет или объект информационного повода — это субъект, интересующий общество. Например, #метро Люблино работаем – продвижение новой школы ММА в ЮВАО г. Москвы Люблино.

Информационная напряженность - распространение общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу

массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности [ГРЧЦ цит. по: Кодачигов, 2022, электронный ресурс].

Интерииоризация - процесс перехода внешних объектов во внутренний план человеческого сознания, то есть процедура формирования когнитивных аналогов объектов окружающего мира.

Ключевой образ сознания – образ языкового сознания, выраженный словом/словосочетанием, который объединяет тематическую группу ассоциатов, наиболее полно отражая их семантическое содержание.

Когнитивные науки – совокупность наук, ориентированных на процесс познания, исследующих человеческий разум и человеческие способности.

Когнитивный подход к дискурсу – подход, связанный с обработкой информации, под которой понимают сообщения, репрезентированные трансляцией от передающего к принимающему, в результате чего информация в процессе передачи трансформируется.

Коммуникативная компетентность – система внутренних ресурсов, предопределяющих построение эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций личностного взаимодействия, и детерминирована обычно овладением не какой-либо одной позицией, а с приобщением коммуниканта к их спектру.

Коммуникативная ситуация – ситуация речевого общения двух и более людей, включающая следующий структурный ряд: адресант, адресат и отношения между ними, место общения и способ коммуникации (письменный / устный, дистантный / контактный).

Коммуникативная стратегия – общий план, или линия коммуникативного поведения, ориентированная на поэтапное осуществление системы вербализованных действий, поведения, принятого на основе осознания коммуникативной ситуации в целом.

Коммуникативное сознание. «Под коммуникативным сознанием в самом общем виде понимается совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность»

Конвенциональные импликатуры – импликатуры, значение которых зависит от значения слов.

Конвергентные способности – совокупность работ субъекта речи, которые ориентированы на нахождение среди бесчисленного множества значений того единственно правильного с точки зрения интенции продуцента и коммуникативной ситуации в целом.

Контекст – то окружение, в которое помещена данная лексема, необходимое для успешного декодирования заложенной в тексте информации.

Контрманипуляция — субстратегия прямого речевого сопротивления манипулятору присущая геополитическому массмедийному дискурсу.

Конфликт - дисгармония в межличностных отношениях, в идеях и мировоззренческих парадигмах и т. д., а также состояние открытой войны, борьбы, противостояния. С точки зрения лингвистики, конфликт сам по себе является макрознаком, под которым мы понимаем полиаспектный вербально-невербально-паравербальный феномен, объединяющий в себе подходы синергетического лингвосомиотического описания. Исходя из этого, проекции, которые мы воспринимаем в конфликтогенном дискурсе, обусловлены концептами картин мира продуцента/ реципиента и маркированы этнокультурной интерпретантой.

Конфликтный дискурс – дискурс, который содержит в себе конфликт, открытое столкновение противоборствующих сторон или оппонентов.

Конфликтотема (термин впервые вводится нами – М.Н.) – смысловой триггер конфликтогенного дискурса, функционально-прагматическая единица конфликтогенного дискурса, которая предназначена разрешать конкретные коммуникативные задачи конфликта в его речевой интеракции, функционирующей в дискурсивных образованиях, обладающих определенной структурой, исходя из функционально-семантического представления конфликта. Различают: 1) пусковые конфликтотемы, или конфликтотемы-инициаторы; 2) усиливающие конфликтотемы, или конфликтотемы-усилители; 3) пролонгирующие конфликтотемы; 4) ослабляющие

конфликтогемы, или конфликтогемы-релаксанты; 5) затухающие конфликтогемы, или конфликтогемы-финалии; 6) конфликтогемы-нейтрализаторы; 7) конфликтогемы-гармонизаторы.

Конфликтоген - мотив, приводящий к конфликту, включающий в себя генезис конфликта и вербальные маркеры конфликта, с доминантой агрессии. Этот термин введен А. П. Егидесом, в настоящее время достаточно широко используется в научной практике. Первоначально конфликтоген – это «слова (знаки), действия (или бездействие), порождающие или способные привести к конфликту» (Википедия: «коммуникативный (реже – поведенческий) элемент (слово, оборот, жест, интонация), способный вызвать напряженность и спровоцировать конфликт в отношениях» (Психологос); «любой предмет, идея, взгляд, элемент поведения, выявляющий разность оценок конфликтующих субъектов» (А.Я. Анцупов, А.И. Шпилов Словарь конфликтолога; «действие, порождающее деструктивный конфликт» (М.М. Кашапов Теория и практика решения конфликтных ситуаций. Краткий словарь).

Конфликтное событие – инфоповод с конфликтогенным потенциалом, которое, получая отражение и интерпретации в медиадискурсе, представляет собой некий макроречевой акт в медиакоммуникации, состоящий из множества микроактов, обладающих той или иной иллокутивной силой, проявляющейся в форме утверждений, навешивания ярлыков, ассертивов, декларативов, эмотивов и экспрессивов. Конфликтное событие располагается в центре конфликтогенного медиадискурса, характеризуя последний, как сложный языковой феномен, в котором автор может выступать как единолично, так и коллективно (например, рубрика «Мнение редакции»), при этом описание конфликтного события в медиадискурсе характеризуется лексико-семантическими, коммуникативно-прагматическими особенностями.

Конфликтный коммуникативный шаг - стандартная реплика, запускающая конфликт в коммуникативном пространстве.

Конфликтогенный дискурс – дискурс, порождающий конфликт, либо дискурс, в котором содержится скрытый конфликт с тенденцией на его реализацию.

Конфликтогенный шаг — поступательное внедрение вербальной информации рассогласованного и провокационного характера, способствующей развитию конфликта с трансформацией внутренней картины мира участников конфликтной ситуации и наблюдателей-реципиентов (термин впервые вводится нами – М.Н.).

Концепт - содержательные оперативные единицы знания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, репрезентирующая «квант» знания об определенном фрагменте действительности.

Концептуальная система - система знаний и представлений индивида о мире, отражающая его познавательный опыт.

Лингвистический и пресуппозиционный анализ речи – кропотливая работа, результат которой позволяет описать образ мышления человека, а значит, понять его таланты и уязвимые стороны, устойчивую предрасположенность к решению одного класса проблем и созданию другого, а также выявить его основные жизненные сценарии и установки.

Лингвоментальная культура — это отрасль языкознания, которая изучает отношения между языком и культурными концептами.

Лингвоинфорнема — это базовый элемент лингвоментальной структуры медиадискурса, содержащий в себе некое переданное лингвистическими средствами утверждение, которое воспринимается как истинное (термин Лагуткиной М. Д., 2022).

Макрознак – полиаспектный вербально-паравербальный феномен, объединяющий в себе подходы синергетического, лингвосемиотического описания.

Манипулема — комплекс тактик, нацеленных на изменение общепринятых установок в социуме (термин Савчук И. П., 2021).

Маркер – фрагмент медиа-объекта, выделенная область, имеющая начало и конец; лексема и/или ее часть, словосочетание, предложение, графема, четко определяющие семантическую направленность и задающие конкретную тональность

Маркеры сложности восприятия текста — логические союзы или логические операции (связки), которые входят в список устойчивых синтагм: «НЕ» – соответствует логической операции отрицанию – инверсии; «И» – соответствует логическому умножению – конъюнкции; «ИЛИ» – соответствует логическому сложению – дизъюнкции; «ЕСЛИ» – соответствует логической операции следованию – импликации.

Массмедийная матрица ономаконцепта — особый тип реализации ономастического знания определяет использование семантики имен собственных в медиадискурсе с актуализацией знаний о конкретном ономафрагменте действительности с возможностью трансформации медиаобраза страны (термин Р. Д.Лагуткной и И. С. Карабулатовой, 2022).

Массмедийный дискурс — функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия.

Матрица мышления - это система, представленная в уме каждого человека набором шаблонов, которые обуславливают его поведение и влияют на все аспекты бытия.

Матрица конфликтогенного массмедийного дискурса (впервые введено нами в данной работе – М.Н.) – мультмодальный, поликодовый инструмент конструирования и продвижения конфликтогенности в массмедиа, реализующийся на верхних и нижних уровнях («слоях») в соответствии с классификационными параметрами и признаками, указывающими на управление когнитивными процессами в сознании реципиента в сторону негативизации, агрессии и конфликта.

Менталитет – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих индивиду (группе лиц, социуму, этносу).

Ментальность – частное, конкретное проявление менталитета.

Ментальная репрезентация – целостный образ отраженной части воспринятого объективного мира, имеющий оперативно-динамический характер.

Метапрограммы – основные фильтры внимания, определяющие наши привычки мышления и поведения. Они отражают в себе особенности картины мира, убеждений, личностных качеств, основных стратегий и навыков человека – принятия решений, мотивации, обучения, творчества, построения личных отношений. Комплексный метапрограммный профиль позволяет создать подробный психологический портрет человека с рекомендациями по развитию и управлению человеком.

Моделирование – процесс, связанный с построением модели текста, систематизирующий полученные из текста знания.

Напряженность информационного пространства – Эмотивная насыщенность СМИ и СМК, воздействующая на психоэмоциональную сферу реципиента. Может быть как позитивной, так и негативной, нацелена на расшатывание социокультурных норм и поведенческих стереотипов.

Невербальные маркеры конфликтности - закрепленные в конкретном этнокультурном сообществе знаки кинесического языка. Подразделяются на: 1) значение пространства в коммуникации и запахи; 2) язык касаний и тактильной коммуникации во время общения; 3) пространство коммуникации с его структурой и функциями; 4) хронотоп, или время в коммуникации; 5) язык одежды, декора и декораций, его структурные, семиотические (знаковые) и культурные функции.

Образ мира/картина мира – целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности.

Образ текста – сложный многомерный феномен, носитель инвариантных и вариантных признаков, представленных как в материальном образе конкретного текста, так и его идеальном психическом образе.

Образы сознания – образы отражаемых в сознании объектов реальной действительности, которые осмысливаются (личный смысл) и означиваются при помощи общественно закрепленных знаний (значений).

Общественное мнение – это состояние массового сознания, содержащее отношение (скрытое или явное) к общественным событиям, к деятельности различных групп, организаций, отдельных личностей.

Общественное сознание – отображение в духовной деятельности людей интересов, представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом.

Пирамида ценностей и актуальных целей – поведение человека направленно на реализацию его актуальных ценностей и целей. Если они у вас и вашего партнера схожи, то сотрудничество с ним будет складываться благоприятно. Если наоборот, то лучше даже не тратить время. Однако чаще люди либо их не осознают, либо скрывают.

Прагматика – область лингвистики, акцентирующая внимание на деятельности компонентов в форме их взаимодействия в конкретных экстралингвистических и лингвистических условиях, т.е. в условиях ситуативного и речевого контекстов.

Прагматический анализ дискурса – подход к рассмотрению дискурса с точки зрения следующего положения: каждого продуцента (отправителя текста) характеризует наличие определенной коммуникативной интенции, в соответствии с которой субъект речи мобилизует свои лингвистические и экстралингвистические ресурсы, активно взаимодействующие на уровне дискурса.

Подтекст – это скрытый смысл текста, не имеющий непосредственного вербального выражения, актуализирующийся на разных уровнях сознания реципиента благодаря процессу воздействия определенным образом

организованного автором лингвистического контекста на концептуальную систему воспринимающего.

Пресуппозиция – пропозиция, неявно подразумеваемая еще до начала передачи информации; уровень предпосылочного знания, используемый в процессе декодирования текстов.

Пропозиция - ментальная структура сознания человека, отражающая взаимосвязи, взаимоотношения объектов окружающей действительности. Является минимальной информационной единицей содержания текста, которая объединяет в единую структуру когерентные понятийно-семантические признаки предиката и актантов.

Референция - отнесенность актуализированных в речи языковых знаков к объектам действительности, устанавливаемая говорящим.

Семантическое пространство – пространственно-координатная модель индивидуальной или групповой системы представлений. Оси семантического пространства образуются с помощью факторного анализа (или с помощью других алгоритмов многомерного шкалирования).

Сознание – форма отражения действительности человеком, продукт деятельности его мозга. Сознание человека существует в ментальных образах и структурируется при участии языка. Сознание представляет собой одну из способностей личности создавать и использовать ментальные образы как в форме деятельности, так и во внешней форме продуктов этой деятельности – культурных предметах.

Текст - речевое произведение, внешняя оболочка дискурса, представляющая собой две формы реализации – письменную и устную и нацеленная на адресата / воспринимающего субъекта.

Токсичный контент — это такие публикации в открытом доступе в сети Интернет, которые отрицательно влияют на психоэмоциональное состояние реципиентов, вызывая у них деструкцию и девиации, обладая конфликтогенным потенциалом как для отдельного индивида (внутриличностные конфликты с трансформацией картины мира), так

отдельных социальных групп (межличностные конфликты и межгрупповые конфликты), общества в целом (смена социальных приоритетов и мировоззренческой парадигмы). В этом случае **токсичный контент** встраивается в единое терминологическое пространство конфликтологии: **токсичный контент** и **лингвотоксин** (термин А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной).

Точка информационной напряженности (ТИН) – Критически важное для государства и/или общества событие в общественно-политической сфере: это может быть информационный повод, событие в общественно-политической жизни (прошедшее или запланированное), бытовое происшествие, публикация в СМИ и СМК и т.п., вызывающее или способное вызвать резонанс в обществе, в том числе путем создания значительных полярных или однополярных мнений среди аудитории.

Убеждение – процесс, посредством которого взгляды и поведение человека без принуждения подвергаются словесному воздействию других людей.

Угроза – 1) состояние дел в определенной сфере, характеризующееся потенциальной опасностью нанесения какого-либо ущерба государству, личности или обществу; 2) запугивание, обещание причинить кому-либо вред, зло.

Универбация - вид компрессивного словообразования, направленный на обогащение словарного состава языка новыми лексическими единицами, представляет собой сжатие двухлексемного или многолексемного словосочетания до одной лексемы с последующей конденсацией семантики. Основой номинации универбов служат разнообразные мотивационные признаки, отражающие особенности реалий объективной действительности (Абрегов, Копоть, 2005). В конфликтогенном дискурсе: *путиноид, кремлядь*.

Формы языкового сознания – это его любые репрезентации, вербализованные в пределах дискурса с помощью слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей.

Фрейм - ментальная структура, отражающая представление о стереотипной ситуации; единица знаний, организованной вокруг некоторого понятия.

Фрейм угрозы — (англ. frame — кадр, рамка) — характеристика по акторам (адресант и адресат угрозы), событию и причиняемому ущербу. Дополнительно выделяют сопутствующих участников; (враждебные/агрессивные) отношения между акторами; обстоятельства (локации, хронотоп, причины, эмоциональные состояния) и т. д. Фрейм в самом общем случае обозначает структуру, содержащую некоторую информацию вокруг некоего понятия. Фрейм (инженерия знаний) — в системном анализе, искусственном интеллекте, инженерии знаний: структура, содержащая описание объекта в виде атрибутов и их значений. Фрейм (социальные науки) — понятие в социальных науках, таких как социология, психология и др., означающее определённого рода целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире. Фрейм (HTML) — в языке HTML, веб-дизайне: область окна браузера для представления отдельной веб-страницы. Фрейм (издательские системы) — в настольных издательских системах: область на странице, содержащая текст или графику. Кадр (телекоммуникации) — в телекоммуникациях и компьютерных сетях: фрагмент определённого формата для передачи по каналу связи. Фрейм (видеографика) — в видеографике: отдельный кадр в видеопотоке. Стековый кадр — в программировании (особенно на языках низкого уровня): область памяти, выделяемая для хранения локальных переменных функции. Фрейм в Delphi — один из компонентов VCL. Тайм-фрейм — интервал времени, используемый при построении ценового графика.

Характер и его маски – сопоставление самопрезентации человека, социальных ролей (масок) с его внутренними ориентирами.

Эвфемизм – это нейтральное по смыслу слово или описание, которое используется для замены неприличных или неуместных. Часто используется для вуалирования неприемлемого контента с целью избегания блокировок в

социальных сетях (например, фейхоа - педофил). В политике для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности. Например, использование выражения «допрос с пристрастием» вместо слова «пытки», «акция» у нацистов для завуалированного названия массовых расстрелов и т. п.

Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам; поступки, действия, основанные на таких взглядах (См. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011). Экстремистскими считаются насильственные, разрушительные, дискриминационные действия, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Эмотив — Лексема, обладающая той или иной эмоциональной окраской

Этнокультурная интерпретанта – референциальные социостереотипы в процессе когниции окружающей действительности и в декодировании семиотических кодов.

Языковая картина мира – картина мира, отраженная в сознании посредством языка.

Языковое сознание – это вербализованные образы сознания, отражающие представления носителей определенной культуры об окружающем мире.